

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том VII

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи советских исследователей, опубликованные в 30-50 – х годах XX века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.М.Боковикову, А.Е.Иванову, Ф.Ф.Ильясову и А.Н.Крылову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Ширвиндт М.Л.	Психоанализ	4
Шмидт О.Ю.	Задачи марксистов в области естествознания (Фрагмент)	20
Бердяев Н.А.	О назначении человека. Опыт парадоксальной этики (Фрагмент)	23
Вышеславцев Б.П.	Этика преображённого Эроса. Проблема Закона и Благодати (Фрагменты)	35
Каннабих Ю.В.	Психоанализ	47
Блонский П.П.	К критике фрейдистской теории детской сексуальности	48
Рубинштейн С.Л.	Основы психологии (Фрагменты)	60
Адрианова-Перетц В.П.	Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок	80
Бассин Ф.В.	Фрейдизм в свете современных научных дискуссий	90
Бондаренко П.П., Рабинович М.Х.	Научное совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом	106
Морозов В.М.	Философия волюнтаризма и психоанализ Фрейда	119
Снежневский А.В.	Вступительная статья к книге Г.Уэллса «Павлов и Фрейд»	141
Днепров В.Д.	О фрейдистской психологии и реалистическом романе (Фрагмент)	161
Михайлов Ф.Т.	Бог «антихриста» Фрейда	173

Психоанализ

М. Л. Ширвиндт

Психоанализ узаконил в психологии права психиатрической клиники — в этом его бесспорная заслуга.

Если бихевиорист в своем стремлении упростить человеческую личность превращает человека в автомата, то психоаналитики находят, что в автомате скрывается психически больной.

В этом смысле Фрейда можно с полным правом назвать Достоевским современной психологии.

Не потому ли психоанализ, замалчиваемый почти два десятилетия официальной наукой, покоряет теперь Европу и Америку.

До войны психоанализ, при всем его успехе в известных кругах, оставался сокровенным достоянием немногочисленной секты, сейчас он выходит на широкую дорогу, завоевывая психиатрические клиники, психологические лаборатории, философские и социологические, литературные и художественные кружки.

В течение нескольких десятков лет психоанализ сделал на редкость блестящую карьеру. Из психиатрического направления он превратился во всеобъемлющую теорию, которая стремится все проявления человеческой культуры объяснить действием законов темных глубин бессознательного.

Но по мере того как психоанализ складывался в широкое мировоззрение, его здоровая экспериментальная клиническая основа все более отступала на задний план по сравнению с огромной мистической надстройкой.

И конечно, послевоенного буржуа интересует не Фрейд-психиатр, а Фрейд-мистик, ищущий в таинственных глубинах бессознательного золотой ключ, открывающий тайны человеческой судьбы. И если сам Фрейд, несмотря на высокоразвитый инстинкт врача-клинициста, все же очень часто (особенно в последнее время) выходит за границы психологии и психиатрии, обнаруживая этим непонимание пределов своего собственного метода, то его *философствующие* ученики вспоминают о психиатрической клинике лишь для того, чтобы в мистическом экстазе засадить туда весь мир.

Этот мистицизм, который в настоящее время нелегко отделить от здоровой основы фрейдизма, и явился причиной, почему психоанализ так холодно был встречен у нас в СССР.

Задачи борьбы за материалистическую диалектику, за чистое и выдержанное марксистское мировоззрение властно требовали решительного отпора всяким попыткам соединения фрейдизма с марксизмом. А нельзя отрицать, что такие попытки делались. Вместо того чтобы с помощью марксистского метода объяснить факты, открытые психоанализом, некоторые марксисты старались — наоборот — приспособить марксизм к тем идеалистическим выводам, которые Фрейд и его ученики делали из найденных ими фактов.

Здесь речь уже шла о ревизии основных принципов марксизма, и поэтому нужно было сразу пресечь всякую ее возможность. Этим объясняется страстность и резкость марксистской полемики с фрейдизмом. Этим же объясняется, почему в пылу полемики сравнительно мало обращали внимания на фактическую сторону психоанализа, усиленно подчеркивая вопросы мировоззрения. Между тем нельзя отрицать, что в психоанализе можно найти в высшей степени богатый и ценный экспериментальный материал, который будет иметь большое значение для построения марксистской психологии. Признание фактов, открытых психоанализом, и даже некоторых психоаналитических обобщений не означает еще «дополнения» марксизма фрейдизмом. Задача материалиста-диалектика не в том, чтобы начисто отрицать фрейдизм, — это было бы и слишком легко, и слишком трудно. Задача в другом: показать с точки зрения диалектического материализма, каковы условия значимости психоаналитического метода и где границы его применения.

Прежде всего необходимо объяснить, почему психоанализ имеет несомненный практический успех. Нельзя же отрицать, что во многих очень тяжелых случаях психоанализ является последней инстанцией, в которой отчаявшийся больной находит наконец долгожданное избавление от болезни. Отдельные моменты психоаналитического лечения стали теперь прочным достоянием любой психиатрической клиники, это признают и врачи, отнюдь не считающие себя психоаналитиками. Достаточно прочесть такую популярную, имеющую прикладной характер работу, как книжку Кречмера¹ «Об истерии»², чтобы убедиться, насколько современная клиническая психиатрия проникнута духом Фрейда. Это требует объяснения. Мы не можем, подобно Уотсону, отделаться от проблемы полушутливой фразой: когда у вас случится невроз, идите к врачу-психоаналитику, и он вас вылечит, почему — неизвестно, но вылечит. В самом деле, если так стоит вопрос, зачем идти к психоаналитику, а не к знахарю или заклинателю. Очевидно, в психоанализе имеется какая-то здоровая основа, которая позволяет в некоторых, по крайней мере, случаях или вскрыть действительные причины болезни, или хотя бы повлиять на них в благоприятную для здоровья пациента сторону. Мы как материалисты считаем, что каждый невроз, как и всякого рода другое психическое явление, имеет свои физиологические корни. С этой точки зрения и функциональные и психогенные заболевания являются результатом органического порока, следствием отклонений от нормального хода физиологических функций. В одних случаях можно обнаружить физиологические причины болезни, в других нет. Спрашивается, что же делать в последнем случае. Конечно, нетрудно построить физиологическую схему любого невроза. Почему не сказать, что здесь налицо резкое нарушение рефлекторной деятельности, один рефлекс тормозит другой и т.д. К сожалению, такие теории не объясня-

¹ Который не является психоаналитиком и во многом не согласен с Фрейдом.

² Библиотека практического врача. Вып. 32. ГИЗ, 1928.

ют самого главного, именно: какие рефлексы (в каждом данном случае) заторможены и как их физиологически растормозить. Другими словами, приведенное объяснение страдает вербализмом, ибо настоящего *физиологического* описания, позволяющего *физиологически* овладеть неврозом, оно не дает, ограничиваясь, по существу, подстановкой одного неизвестного под другое.

Если непосредственным физиологическим методом овладеть психической болезнью нельзя, психоаналитический же метод дает исцеление, то, очевидно, надо признать, что, подойдя со стороны психологической к некоторым неизвестным физиологическим процессам, можно на них так или иначе воздействовать. Ничего таинственного в этом нет.

С точки зрения диалектического материализма психическое есть выражение физиологического, соответствующим образом организованного. Следовательно, направляя по определенному пути психический процесс, мы вместе с тем управляем течением физиологического процесса, и наоборот. Если это так, то психологические методы имеют определенные права на существование. Кроме того, нужно признать правомерность психоаналитического опыта, поскольку он выдержал практическую проверку.

Итак, психоанализ, по существу, является попыткой воздействовать посредством своеобразного психологического метода на неизвестные физиологические процессы, вызывающие психические болезни. Отсюда следует, что психоанализ, как психиатрическая и психологическая теория, не страдает идеализмом в вопросах, касающихся психофизической проблемы. Действительный идеализм Фрейда надо искать в другом месте. Об этом ниже: Фрейд никогда и нигде не отрицал физиологических основ психических явлений, он только считал, что, пока мы не знаем этой основы, нужно воздействовать на нее с другой стороны, со стороны субъективных ее проявлений. «Созданное нами научное здание психоанализа, — пишет Фрейд, — в действительности является надстройкой, которая когда-нибудь будет стоять на своем органическом фундаменте; но мы пока не знаем этого фундамента»¹.

Все то, что у Фрейда называется сексуальностью и, следовательно, является решающим моментом в образовании неврозов, считается им надстройкой над мало известными нам органическими процессами. «Мы можем допустить, что из интерстициальной части зародышевой железы выделяются особые химические вещества, которые воспринимаются кровью и заражают определенную часть центральной нервной системы сексуальным напряжением, — как это нам известно относительно превращения токсического раздражения в особое раздражение органа другими посторонними для организма ядовитыми веществами. Каким образом возникает сексуальное возбуждение благодаря раздражению эрогенных зон, при бывшем зарядении центральных аппаратов, и какая смесь чисто токсических и физиологических раздражений получается при этих

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. Т. II, с. 177.

сексуальных процессах — в настоящее время об этом несвоевременно строить даже гипотезы. Для нас достаточно держаться, как существенного в этом взгляде на сексуальные процессы предположения, что существуют особые вещества, происходящие из сексуального обмена веществ»¹.

Отсюда видно, что Фрейд определенно считает изучаемые им психические процессы проявлением неизвестных нам процессов физиологических. Так как в физиологическом опыте эти процессы *для нас* не существуют, то, очевидно, их проявления надо выражать в терминах того психологического опыта, в котором они открываются. Если признать, что психоаналитическая терапия приводит во многих случаях к излечению, то нужно согласиться с тем, что психоаналитический опыт в известной степени правильно исследует реальность. «На практике должен человек доказать истинность, то есть действительность и силу, потусторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» (Маркс).

Реальность эта, конечно, реальность материальная, но обладающая особым специфическим качеством, особой специфической закономерностью, иначе какой смысл имело бы говорить о психике, сознании, бессознательном, подсознательном и прочих «душевных» явлениях. Очевидно, для познания указанной специфической закономерности необходимы специфические методы исследования, отличающиеся от физиологических методов не внешне, не словесно, а по существу. Механические материалисты, сводя психику целиком к физиологии, оставляя от психики только слово, вполне последовательно отрицают самостоятельное значение психологического метода, подчиняя его физиологическим методам. По существу, механический материалист признает за психологическим методом чисто словесное значение. И это, повторяем, вполне последовательно. Иное дело диалектик. Признание качественной специфичности психически обязывает к признанию специфичности методов исследования. В этом случае вполне правомерна также психологическая терминология (как бы она ни казалась иногда странной и неясной), ибо терминология должна считаться с изучаемым материалом.

Основная трудность для понимания психоанализа заключается в следующем.

Фрейд, как известно, в своих построениях исходит из больной личности; его основная предпосылка, что между больной и здоровой этичностью принципиальной разницы нет. Конечно, он не отрицает разницы между ними, но разница эта не исключает общих методов исследования. С изложенной точкой зрения здоровый человек внутренне никак не может примириться, ибо в поведении здорового и больного человека при поверхностном наблюдении обнаруживается слишком много различий. У больного же, по мнению Фрейда (проверенному опытом), возникает сильная антипатия (фобия) против всякого *действительного* объяснения причин болезни, ибо в

¹ К теории полового влечения. Ст. III: Очерки по психологии сексуальности. ГИЗ. 91 с.)

непонимании этих причин, в их *неосознанном* действии и заключается сущность самой болезни. Вторая трудность еще менее преодолима. Самые общие понятия психоанализа — это сознательное и бессознательное. Основная особенность бессознательного заключается в том, что все происходящее в нем можно *выразить только в терминах, понятных сознанию*.

Значит, явления, которые происходят в бессознательном, можно выразить лишь в терминах, имеющих реальный смысл только для сознания. Это надо иметь в виду, когда речь идет о психоанализе, иначе теории его покажутся в высшей степени странными, бессмысленными и... противоестественными.

В самом деле. Вы читаете у Фрейда про нервнобольных, которые бессознательно с детства были влюблены в свою мать, хотели убить из ревности отца, братьев, словом, «мысленно» творили всякие ужасы. Для нашего сознания все эти желания имеют определенный криминальный и безнравственный смысл. Невольно забывается, что в понятиях мы не можем вполне точно выразить то, что происходит в реальном бессознательном, аналогия принимается за действительность и, таким образом, искажается самая сущность психоаналитической теории. Между тем бессознательные процессы протекают, конечно, иначе, чем сознательные, но осветить их мы можем только с помощью сознания, вкладывающего свое содержание, свой способ жизни в те объекты, которые живут по-иному.

Игнорирование этого обстоятельства, естественно, ведет к ряду грубейших ошибок в понимании психоанализа. Как пример можно привести известную брошюру проф. Аствацатурова, в которой он дает исключительно наивную для такого крупного невропатолога критику психоанализа.

Аствацатуров обвиняет Фрейда в том, что тот обобщает отдельные психопатологические случаи, составляющие удел только некоторых на редкость несчастных людей. Допустим — может ли быть большее несчастье, чем любовь сына к матери, ненависть к отцу, доходящая до желания его убить, и т.д., а Фрейд все это возводит в общее правило (комплекс Эдипа). И действительно, ничего нельзя возразить против критики проф. Аствацатурова, если ясно себе не представлять, что указанные понятия лишь приближенно выражают процессы, происходящие в бессознательном, являются, следовательно, своего рода аналогиями, необходимыми для объяснения и систематизации определенного опыта. Ведь не кажется, например, странным, что сумасшедший воображает себя стеклянным графином, китайским императором. Наполеоном, словом, кем угодно. Очевидно, у человека могут быть какие угодно странные фантазии, в этом смысле ничем не отличающиеся от комплекса Эдипа. Но мы привыкли слишком резкой гранью отделять «сумасшедшего» от «среднего» психически больного (невротика, истерика и т.п.) и здорового. Конечно, разница тут есть, она сразу бросается в глаза. У невротика (в ослабленной степени и у «здорового») тоже есть свои мании, свои странности в поведении; но только в этом случае сознательные переживания не находятся в таком резком

конflikте с обычными человеческими представлениями, они замещают собой бессознательные фантазии, которые внушают удивление, недоверие и страх. И все же материальная основа обоих видов поведения принципиально одна и та же. Один физиологический процесс словесно¹ выражается в такой форме, что человек воображает себя, скажем, китайским императором, другой физиологический процесс выражается иначе в различных формах странного, ненормального поведения. Допустим, удастся устранить это поведение (или ослабить) в том случае, если больной сумеет выразить в словесной форме содержание какой-нибудь страшной психоаналитической фантазии применительно к своей биографии. Какой вывод надо отсюда сделать? Очевидно следующий: взятый нами для примера больной страдал от «извращенного» физиологического процесса, который выражался в определенных формах ненормального поведения. Будучи известным образом вербализирован (то есть доведен до сознания), этот процесс потерял (или смягчил) свою извращенность, вместе с чем ненормальное поведение стало нормальным, то есть больной выздоровел. Отличие же сумасшедшего от невротика заключается в степени и форме объективации² некоторых необычных «ненормальных» физиологических процессов. Значит, способ объективации физиологических процессов играет решающую роль в конституировании человеческой личности.

Фрейд, как известно, делит всю область «душевной» жизни на две сферы — сознание и бессознательное. Сознание, в свою очередь, разделяется Фрейдом на «предсознательное» и собственно сознательное. Под предсознательным понимается все то, что может стать содержанием сознания, но в данный момент таковым не является. Итак, с точки зрения Фрейда, предсознательное является, по существу, бессознательным старой эмпирической психологии. Психической жизнью управляют, по мнению Фрейда, два основных принципа — принцип удовольствия и принцип реальности. Первый принцип, по существу, ничего нового не заключает. Еще французские материалисты говорили вслед за Локком, что человек стремится к приятным ощущениям и избегает неприятных. Различие, конечно, имеется. Французские материалисты рационализировали человека, представляли его как непрерывно рассуждающее существо, Фрейд, наоборот, подчеркивает в человеке действенные эмоциональные моменты. Принцип удовольствия у Фрейда сводится к тому, чтобы избежать всего неприятного. Если налицо избыток нервного напряжения какого-либо рода, то возникает неудовольствие, неудовлетворенность, стремление от него отделаться. Возникает проблема, которая требует решения. Наоборот, если имеется у данного лица относительное равновесие между всеми его влечениями, то тогда он удовлетворен, испытывает удовольствие и, следовательно, относится к действительности более пассивно.

¹ Под «словесной формой» понимается и «неслышная» «внутренняя» речь.

² Речь, жестикаляция, мимика, тики и прочие формы внешнего поведения.

Значит, принцип удовольствия является пассивным началом психической жизни, «принцип неудовольствия» (его обратная сторона) — активным. С принципом удовольствия тесно связан принцип реальности. У человека есть определенные влечения, эти влечения необходимо удовлетворить для восстановления душевного равновесия, но возможность их удовлетворения в значительной степени зависит от внешней среды, окружающей человека. Следовательно, принцип удовольствия неизбежно сталкивается с принципом реальности. Динамика психической жизни и ее ненормальности объясняются тем, что принцип удовольствия, сам по себе не терпящий никаких ограничений, вынужден идти на компромисс с неумолимой, противостоящей ему реальностью. Под средой Фрейд понимает социальную среду, возникшую и развивающуюся в процессе культурного развития. Этим пониманием определяются отличительные особенности психоаналитической теории и практики.

С точки зрения Фрейда, человек для создания культуры и приспособления к созданной им культурной среде должен был пойти на известное ограничение своих естественных влечений.

Последние можно разделить на два типа: на влечения сексуальные и влечения самосохранения (влечения, связанные с добыванием пищи, одежды и т.д.). И вот, по мнению Фрейда, человеку для сохранения и развития в созданной им культурной среде надо было ограничить свои сексуальные влечения и выработать соответствующий психический (а значит, и физиологический) аппарат, который позволил бы это выполнить. 'Коротко говоря, культурная среда властно требовала от человека подавления некоторых сексуальных влечений для удовлетворения влечения самосохранения. Для того чтобы выжить, общественный человек подавил свои естественные сексуальные влечения и создал могучий аппарат общественного психического принуждения для их регулирования. Вот факт, с которым необходимо считаться при изучении человеческого поведения. Общественная среда с ее требованиями, правилами «морали», традициями является жестокой реальностью, противостоящей необузданному, естественному сексуальному инстинкту, признающему только руководство принципа удовольствия. Но вполне понятно, раз реальность предъявляет такие жестокие требования к естественным сексуальным влечениям человека, то должен был выработаться психический аппарат, выражающий требования реальности и стоящий на страже ее интересов, иначе человеческий вид не мог бы успешно развиваться в тех условиях, в которых ему приходится существовать. Этот аппарат Фрейд называет Я, противопоставляя ему Оно, как вместилище всякого рода антисоциальных влечений, главным образом влечений сексуальных (Фрейд не отрицает, что невроз может быть следствием других влечений). Человек, следовательно, живое противоречие' древнее естественное антисоциальное начало борется в нем с приобретенным, социальным достоянием. Задача социального Я воздействовать на антисоциальное Оно. Какие же средства воздействия имеются у Я. Ясно, во-первых, что само Я возникло из Оно; во-вторых, в Я

должно быть сосредоточено сознание; в-третьих, в организме должен быть особый психический аппарат, который оберегал бы сознание (самое важное и, так сказать, «тонкое» качество организма) от вредных влияний. Задачей такого аппарата является не пускать в сознание все, что может вовлечь его в конфликт с реальностью. Части этого аппарата Фрейд называет цензурой и вытеснением, представляющими собой, по существу, две стороны одного и того же процесса — забвения вредного. Нужно оговориться, психика функционирует как одно динамическое целое, и мы употребляем здесь неверные, по существу, механические термины (части, особый аппарат и т.д.) только для большей наглядности.

Под «вытеснением» понимается процесс, благодаря которому все психическое содержание, противоречащее принципу реальности, «вытесняется» из сознания в сферу бессознательного. Что же касается цензуры, то ее задача не пропускать вытесненного в сознание (вернее, в предсознательное). Таким образом, цензура и вытеснение являются, как мы уже упоминали выше, двумя сторонами одного и того же процесса, представляющего собой средства самозащиты организма против вредных анти-социальных влечений, идущих со стороны Оно.

Термин «цензура» имеет свой особый смысл. Бессознательное является моментом психической жизни, добавим при этом, *целостной* психической жизни, искусственно рассекаемой на части в интересах научного исследования. Отсюда вытекает, что вытесненные влечения продолжают существовать и) следовательно, стремятся снова проникнуть в сознание, чтобы иметь возможность выявить себя в действиях, дающих выход перенапряженной энергии. Так как прямым путем они проникнуть не могут (иначе понятие вытеснения не имело бы никакого смысла), то они стараются это сделать обходным путем, именно в различных символических формах (вербальных или моторных) проникнуть в сознание. В этом смысле аппарат, называемый цензурой, действительно функционирует как цензор, задерживая одно и пропуская то, что написано эзоповым языком и кажется поэтому приемлемым для Я. Толкование сновидений показывает, как этот процесс происходит во сне, а анализ различных невротических заболеваний показывает, какое значение символика имеет для образования неврозов. Такого рода символическое проникновение бессознательного в сознание очень часто образует разные формы невроза, навязчивости и истерии. Сошлемся здесь для примера на вышеупомянутую книжку Э. Кречмера.

«Одна девушка, которой в настоящее время 22 года, страдающая угнетением, истерическими подергиваниями и стремлением наносить себе повреждения, начала менструировать только с 17 лет. У нее до сих пор физическое отвращение к мужчинам, и вместе с тем она страдает сильным половым возбуждением, которое, — как это бывает при раннем созревании, — находит у нее выход в фантазии и в мастурбации... Ею овладела своеобразная набожность, она изводит старого священника своим стремлением исповедовать ему подробнейшим образом и каждый раз сызнова свои мысленные грехи и рассказывать о своей слабости к

мастурбации, причем она во время этой исповеди, что пастор прекрасно понимает, не только не борется со своим влечением, но скорее изживает их. Так как местный духовник недостаточно внимает ее исповедям, она бежит к другому пастору, который изгоняет чертей и отношения к которому вскоре принимают форму поклонения, смешанного с эротикой, под его внушающим влиянием истерические проявления, судороги и подергивания весьма быстро принимают самую яркую форму.

Мы без труда распознаем что все истерическое развитие личности, вплоть до подергивания, имеет исходной точкой остановку в полевой развитии, которое на долгие годы остановилось в определенной фазе ранней полевой зрелости и дальше не идет. Сексуальное влечение целиком сохранило свою прежнюю структуру: оно осталось живым и настойчивым, но не развилось до нормальной сексуальной цели; другой пол отвергается, влечение изживается, с одной стороны, в фантастических мечтаниях, с другой стороны, в онанизме. Набожность в данном случае также не что иное, как окольная дорога, которую пробивает влечение, чтобы прийти к конкретным формам. Постоянное исповедание заключает в себе постоянную назойливую игру мыслей о сексуальных вопросах и угрызений совести об этом, — снова весьма характерную для просыпающейся полудетскости смесь аффектов; также характерна и не распознающая самое себя в религиозном усердии полуэротика, которая влечет ее, в ее полудетском обожании, к проповеднику, обладающему даром внушения. После того как незрелое влечение забирается в этот тупик, оно все более получает характер напряженного религиозно-полуэротического подъема и в конце концов завершается, вернее, разрушается на соответствующей высоте аффекта, судорожной истерической игрой движений» (*Кречмер Э. Об истерии. С. 43–44*).

Исследуя глубже этиологию неврозов, Фрейд приходит к заключению, что определяющей причиной невротического предрасположения является двукратное начало сексуальной жизни, которое представляет собой только особенность человека и объясняет многие болезненные моменты его психики. Первый сексуальный период начинается с рождения ребенка и кончается приблизительно около четырех лет. В сексуальности ребенка в настоящее время не сомневается, кажется, ни один серьезный психолог, ибо она подтверждается огромным фактическим материалом. Другое дело, что понятию сексуальности Фрейд придает очень широкий смысл. Первые проявления сексуальности выражаются в стремлении ребенка получать наслаждения путем различных манипуляций в области эрогенных зон. А так как эти зоны разбросаны по всему телу, то ребенок имеет очень широкие возможности удовлетворения своих сексуальных влечений. Как сексуальное существо, он имеет, конечно, различные сексуальные объекты. Сексуальные наслаждения ребенок получает от сосания материнской груди, от различного рода телесных ласк, от поцелуев, от поглаживания частей эрогенных зон и т.д. Итак, сексуальные наслаждения ребенок получает, главным образом, от окружающих его людей — кормилицы, матери, отца, сестры и т.д. Кроме

того, важным сексуальным объектом является он сам (на этой почве развивается нарцизм, на котором мы не будем останавливаться) На основе первоначальных примитивных сексуальных влечений возникает в высшей степени сложный комплекс эмоций, определяющий любовные отношения ребенка к окружающим. После четырех-пяти лет начинается так называемый латентный период, продолжающийся до начала половой зрелости. В течение латентного периода завершается культурное развитие ребенка — превращение его из естественного в социальное существо. Уже с двух-трех лет начинается процесс энергичного вытеснения (под влиянием внешней среды — родителей, сестер, братьев... и т.д.) всего антисоциального, процесс подавления сексуальных и некоторых других влечений (связанных, например, с деятельностью выделительных желез). Завершается он в латентном периоде, так что в период половой зрелости человек вступает культурным существом, в котором все непозволительные влечения вытеснены в Оно, в бессознательное. В это время и начинается половая жизнь, неизбежно сопровождаемая большими или меньшими психическими конфликтами, ибо новые объекты, на которые обращается либидо юноши, должны производить мир, окружающий его в детстве, — кормилицу, отца, сестру — словом, старые объекты влечения ребенка. бывшие до латентного периода.

По обычной терминологии, это естественный результат памяти, по теории Фрейда, тут налицо действие вытесненных в бессознательное, но не умерших, не исчезнувших антисоциальных сил примитивных сексуальных влечений.

В своей теории Фрейд в полном согласии с новейшими психологическими исследованиями расширяет и углубляет понятие памяти, придавая ей динамическое значение и показывая, что она играет роль в развитии содержания человеческой психики. Настоящее образовано прошлым; во взрослом живет ребенок; человек начинает формироваться с детства, вот выводы, к которым пришла сейчас современная психология. По Фрейду, память является основой важнейших психических конфликтов, представляющих, по существу, конфликт между новой и старой, привычной ситуацией. Жизнь ребенка охвачена потоком сексуальных влечений к окружающим его людям. Эти влечения не забываются, не исчезают бесследно, от них остаются «энграммы», по терминологии Сэмона. Культурное развитие ребенка в латентный период приводит, понятно, к накоплению нового запаса энграмм, иного, противоположного содержания. Когда юноша встречается с новыми сексуальными объектами, то в нем в силу закона «экфоры» должны пробудиться все энграммы, связанные как с сексуальными влечениями раннего детства, так и с сексуальными запретами латентного периода Неудивительно, что налицо психический конфликт, сила и глубина которого зависят от деятельности аппарата вытеснения или, лучше сказать, от всего того психического «механизма», который регулирует (вернее, определяет) отношения между Я и Оно, между естественными влечениями и культурными запретами При определенной силе и глубине

этого конфликта развивается невроз, то есть резкое нарушение психической деятельности, вызванное недостаточным, неполным вытеснением запретных сексуальных влечений или гипертрофией Я, о чем речь будет ниже.

В случае невроза Я фактически подчиняется Оно, впитывая в себя его содержание в чуждой, непонятной для сознания символической форме. Таким образом, Я вынуждается пожертвовать в известной степени реальностью «уйти от нее в болезнь». Я — это орган социального общения, и захват его (хотя бы частичный) антисоциальным Оно означает уход индивидуума в себя, выключение его из сферы социального воздействия.

Психоанализ, по мысли Фрейда, является средством, помогающим Я от болезни уйти обратно в реальность путем осознания вытесненных, но остающихся активными запретных влечений. Вспомнить их — значит иметь возможность оценить эти влечения с другой (взрослой) точки зрения, преодолевая этим цензуру и подчиняя бессознательное сознанию.

Основной моделью невроза является у Фрейда так называемый комплекс Эдипа, наиболее, кажется, критикуемый момент психоанализа. По мнению Фрейда, большая часть людей переживает в детском возрасте сильное сексуальное влечение к отцу или к матери¹ (в зависимости от пола) и желает уничтожить представителя противоположного пола, чтобы безраздельно пользоваться объектом своего влечения.

Впоследствии в связи с приобретением социальных навыков, в латентный период, комплекс Эдипа распадается, гибнет, вытесняется, но не всегда одинаково радикально. В случае дефекта психического аппарата и неполного вытеснения эдипова комплекса развивается тяжелый психический конфликт, являющийся следствием внутренней бессознательной борьбы противоположных влечений. У больного любовь к одному из родителей сочетается с ненавистью к нему, с желанием его убить, чтобы наслаждаться запретной любовью с другим родителем. В мифе о царе Эдипе, убившем по неведению своего отца и женившемся на матери, за что его постигла мечь разгневанных богов, человечество, по мнению фрейдистов, увековечило трагическую ситуацию каждого мужчины, осужденного быть в детстве маленьким Эдипом и не всегда способного впоследствии это преодолеть.

В пользу теории Фрейда, при всей ее странности, можно привести очень много соображений. По существу, критиковать «комплекс Эдипа» нельзя, не отрицая детской сексуальности. А ее признавать необходимо, если только мало-мальски считаться с фактами. А тогда вполне естественно, что основными сексуальными объектами ребенка являются отец и мать, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правда, случаи детской ревности отмечаются не часто компетентными исследователями детского поведения (см., например, Уотсон), но надо иметь в виду, что процесс социального воздействия начинается очень рано, задолго до латентного периода, и, кроме того, дети, как правило, испытывают известный страх перед родителями (особенно перед отцом), а это обстоятельство, несомненно, задерживает

¹ Мать часто идентифицируется с кормилицей.

резкие реакции ревности, вытесняя относящиеся сюда эмоции большей частью в самом раннем детстве. Здесь необходимо отметить еще один момент, крайне осложняющий концепцию комплекса Эдипа, именно бисексуальность ребенка, благодаря которой влечение его направлено и на отца и на мать. В связи с этим возникает более полный комплекс Эдипа. Ребенок одновременно любит и ненавидит и отца и мать. Колебания в ту или другую сторону зависят от пола. Процесс изживания полного комплекса Эдипа вносит большую сложность в психику ребенка. Решающее значение в данном случае имеет так называемое «отождествление». Ребенок отождествляет, идентифицирует себя с родителем своего пола, чтобы заменить его собой. В дальнейшем это первоначально простое отношение крайне осложняется. «При разрушении комплекса Эдипа необходимо отказаться от объектной привязанности к матери, — пишет Фрейд, — вместо нее могут появиться две вещи: либо отождествление с матерью, либо усиление отождествления с отцом. Последнее мы обыкновенно рассматриваем как более нормальное, оно позволяет сохранить в известной мере нежное отношение к матери. Благодаря исчезновению комплекса Эдипа, мужественность характера мальчика, таким образом, укрепились бы. И совершенно аналогичным образом и «эдиповская установка» маленькой девочки может вылиться в усиление ее отождествления с матерью (или в появление такового), упрочивающего женственный характер ребенка» («Я и Оно», с. 30).

В области полного комплекса Эдипа (а значит, и в области комплекса Эдипа вообще) очень много неясного, ибо бисексуальность спутывает все карты, тем более что у девочки могут быть сильнее мужские черты, а у мальчика женские, причем процесс отождествления, абстрактно рассуждая, способен совершенно произвольно усилить и те и другие. Здесь, понятно, самый уязвимый пункт теории Фрейда. Факты указывают на несомненное наличие как частного, так и полного комплекса Эдипа, но установить законы развития того и другого психоанализ пока не в состоянии¹. Только экспериментальное искусство позволяет при анализе конкретных случаев выявить конкретную форму эдипова комплекса, лежащего в основе невроза. Возможность более глубокого и общего охвата всех явлений, обнимаемых термином «комплекс Эдипа», зависит, очевидно, от изучения бисексуальности и отождествления. Фрейд, чуждающийся, в отличие от Уотсона, всяких упрощений и рассматривающий человека во всей его сложности и многогранности, не скрывает трудностей, возникающих при исследовании указанных проблем. «Это вторжение бисексуальности, — пишет Фрейд, — очень осложняет анализ отношений между первичными избраниями объекта и отождествлениями и делает чрезвычайно затруднительным понятное их описание. Возможно, что установленная в

¹ Новейшие работы Фрейда («Гибель эдипова комплекса», «Некоторые психические следствия анатомического различия полов»), Абрахама и др. полной ясности в этот запутанный вопрос не внесли.

отношении к родителям амбивалентность должна быть целиком отнесена на счет бисексуальности, а не возникает, как я утверждал это выше, из отождествления вследствие соперничества» («Я и Оно», с. 31).

Во всяком случае, типичная детская ситуация (сексуальность ребенка и окружающие — отец, мать и т.д.) делает весьма вероятным вывод Фрейда по этому вопросу, сделанный им в цитированной выше книге «Я и Оно».

«Я полагаю, — говорит он (на с. 31), — что мы не ошибемся, если допустим существование полноте эдипова комплекса у всех вообще людей, а у невротиков в особенности. Аналитический опыт обнаруживает затем, что в известных случаях та или другая составная часть этого комплекса исчезает, оставляя лишь едва заметный след, так что создается ряд, на одном конце которого стоит нормальный, положительный, на другом конце обратный, отрицательный комплекс, в то время как средние звенья изображают полные формы с неодинаковым участием обоих компонентов. При исчезновении эдипова комплекса четыре содержащихся в нем влечения сочетаются таким образом, что из них получаются одно отождествление с отцом и одно с матерью, причем отождествление с отцом удерживает материнский объект положительного комплекса и одновременно заменяет отцовский объект обратного комплекса; аналогичные явления имеют место при отождествлении с матерью. В различной силе выражения обоих отождествлений отразится неравенство обоих половых задатков».

Полный комплекс Эдипа при перевесе привязанности к объекту определенного пола переходит в частный Эдипов комплекс. Этим объясняется всеобщая распространенность последнего, особенно у невротиков. Весьма вероятно, что в развитии комплекса Эдипа (частного) можно различать две стадии, первая — когда влечение ребенка ярко враждебно к одному из родителей, вторая — смягчение этой враждебности, вследствие влияния амбивалентности чувств, и отождествление. У Фрейда по указанному вопросу ясности нет. Возможно, что тут большую роль играет раннее влияние социального воздействия (о чем упоминалось выше), способствующее ускоренному вытеснению активных враждебных влечений и к созданию соответствующей психической компенсации (определенное направление отождествления).

Для изживания комплекса Эдипа необходимо, чтобы ребенок идентифицировал себя с одним из родителей и перестал ненавидеть другого. Тот родитель, с которым он себя идентифицирует, становится для него образцом. Ребенок вбирает в себя Я отца или матери, которое становится, по выражению Фрейда, Сверх-Я или «идеал Я». Большею частью, по мнению Фрейда, характер идеального Я определяется отцом, ибо мальчик отождествляет себя с ним для изживания ненависти, а девочка для удовлетворения своего нежного о чувства «Идеальное я» становится источником новых «душевных» конфликтов, так как оно является воплощением всех моральных запретов. Если Оно аморально или даже антиморально, Я — морально в силу требований реальности, то идеальное Я — это гипертрофия моральности. Идеальное Я облегчило возможность

усвоения тяжелых культурных запретов, создав образ их идеального выразителя — отца, но за это пришлось заплатить очень дорогой ценой. Моральный запрет, «овеществившись» в Сверх-Я, становится самостоятельной силой, противостоящей Я идеальное Я, вместо того чтобы служить принципу реальности, делается ему враждебным и в процессе подавления Оно начинает подавлять Я В этом — корень ряда психических конфликтов, ряда неврозов Я, по выражению Фрейда, вынуждено служить трем господам реальности, Оно и Сверх-Я. Это постоянное балансирование между тремя одинаково могучими силами грозит всегда неудачей, и поэтому психическая система нередко выходит из равновесия. Так как центром психических конфликтов являются, большей частью, сексуальные влечения, то большое значение для психической жизни имеет необыкновенная пластичность сексуальной страсти — либидо.

Либидо обладает замечательной способностью заменять одни объекты другими. Сексуальная энергия, выражением которой оно является, легко переходит в другие формы энергии. Таким образом, либидо и сексуальная энергия становятся основной причиной всей творческой деятельности человека. Фрейд называет процесс творческой трансформации сексуальной энергии возгонкой или сублимацией. Неудовлетворенное половое влечение может найти удовлетворение в какой-либо форме творчества (например, в искусстве). Фактически в каждом человеке непрерывно происходит переключение избыточной сексуальной энергии, направление ее по другим руслам к другим целям.

Творчество, как и невроз, — трансформация либидо, переключение сексуальной энергии Один находит желанное удовлетворение в неврозе, другой в сублимации. Сублимация придает крайне динамический характер психической жизни человека, которая, с точки зрения Фрейда, представляет непрерывный процесс трансформации сексуальной энергии. Сублимирование есть один из способа регулирования равновесия психики Вместе с тем, по Фрейду, сублимирование — основа культуры. Переключая свою сексуальную энергию, человек создает культурные ценности. Здесь мы подходим к основной ошибке Фрейда Основой ее является механическая концепция общества, согласно которой общество рассматривается как *сумма* людей Исходным пунктом при этом понимании является, конечно, поведение, психика отдельного человека. Отсюда, совершенно естественно, — притязания на психоаналитическую социологию Нет совершенно никакого смысла в настоящей статье останавливаться на ее содержании, тем более что в нашей литературе все ее нелепости вскрыты с достаточной полнотой.

Важно указать основную ошибку, общую с бихевиоризмом, рефлексологией и т.д. Совершенно безразлично, что признать определяющим моментом развития общества: реакцию, рефлекс или невроз. И то и другое должно привести к бессмыслицам, которыми в одинаковой степени изобилуют и коллективная рефлексология Бехтерева, и социология

психоанализа, обладающего даже собственным социологическим журналом «Imago».

Социологическая концепция психоанализа ставит в весьма двусмысленное положение его психологические теории.

Раз культурная среда — результат игры психических сил человека, то, следовательно, развитие психики и психического аппарата, по существу, автономно. И Я и «реальность» принадлежат к одной и той же сфере, именно к психической области. Отсюда вытекает, что Я необходимо отождествить с реальностью, и, следовательно, само Я противостоит Оно уже не как представитель интересов реальности, а как самодовлеющее начало, неизвестно откуда возникшее. Поэтому и комплекс Эдипа, по существу, представляющий социальный продукт, превращается у Фрейда и фрейдистов в мистический фактор общественного развития.

По этой же причине Фрейд придает слишком крупное значение сексуальности, игнорируя ряд сексуальных моментов, играющих огромную роль в динамике человеческой психики (особенности социальной среды, классовая принадлежность, характер классовых традиций, социальные конфликты). Психоанализ открыл законы развития эмоциональной жизни, неразрывно связанной со всеми сторонами деятельности человека. Не в том дело, что ребенок «насквозь» сексуален — это несомненное преувеличение со стороны Фрейда, — важно другое — ребенок насквозь эмоционален, причем его эмоциональность настолько непосредственна и сильна, что взрослому ее трудно понять. Воспитание подавляет непосредственность эмоциональной жизни, загоняет ее в подполье, заставляет ее подчиняться требованиям социальной реальности — прочно отстоявшемуся сгустку человеческой истории, но тем не менее эмоции находят путь (кривой и извилистый) для своего выражения. С эмоциональной жизнью связана, следовательно, эмоциональная память, особенности которой блестяще показаны Фрейдом.

Сексуальные эмоции играют такую роль только благодаря тому, что либидо обладает исключительной пластичностью.

Как психиатрический метод, психоанализ является способом лишения подавленной, но не уничтоженной эмоции ее предметности (что связано, конечно, с преодолением самой эмоции).

Осознание бессознательных эмоциональных переживаний равносильно утверждению их беспредметности, иллюзорности, ничтожности. Социологическая концепция Фрейда — результат расширения им психоаналитического метода за пределы возможного его применения — имеет своим следствием превращение экспериментальных, рациональных категорий, определяемых реальностью, в метафизические, иррациональные, мистические сущности, живущие своей самодовлеющей жизнью. Именно здесь, в социологии, Фрейд становится обеими ногами на идеалистическую почву. К его психологии мы должны относиться как к известному научному направлению, интерпретируя его и критикуя с точки зрения диалектического материализма; социологии же и философии психоанализа (по существу,

представляющей продолжение социологии) мы должны объявить беспощадную борьбу. С этой реакционной антинаучной мистикой марксизму не по дороге. Иное дело научные моменты психоанализа. Вместе с бихевиоризмом и рефлексологией они, несомненно, составят основу будущего здания марксистской психологии.

Психоанализ ценен и тем, что он фактически является вполне объективным методом познания субъективных переживаний.

Психоаналитический метод нельзя отождествлять с методом самонаблюдения, принятым в эмпирической психологии.

Все высказывания больного являются для врача-психоаналитика только сырым материалом, который обрабатывается согласно известным принципам, взятым из опыта и проверяемым на опыте. Основываясь на этих принципах, врач расшифровывает символический (подцензурный) язык больного и узнает его бессознательные переживания. Успех лечения зависит от того, насколько такое знание доступно самому больному (то есть насколько содержание бессознательного способно в данном случае проникнуть в сознание непосредственно, не обманывая цензуры; лечение психоанализом — это преодоление цензуры).

Итак, метод познания субъективных переживаний психоанализом основан на вполне объективном факте — символике языка, жестов и других видов внешнего поведения.

Отличие психоанализа от бихевиоризма (и рефлексологии) заключается в том, что бихевиоризм рассматривает внешнее поведение как самодовлеющий факт, а психоанализ — как символ объективных переживаний.

Совпадение взглядов больного и врача (при успехе лечения) является в каждом данном случае подтверждением правильности психоаналитической расшифровки символики внешнего поведения.

Психоанализ дает нам ряд ценнейших указаний по вопросу о том, как надо изучать внутреннюю сторону человеческого поведения, бихевиоризм и рефлексология — исследуют его внешнюю сторону. Диалектический материализм призван к тому, чтобы синтетически связать в одно целое различные методы изучения человеческой личности и достроить единую науку о поведении человека.

*Выготский Л., Геллерштейн С.
Основные течения современной психологии.
М.-Л., 1930, с. 126–152*

Задачи марксистов в области естествознания (фрагмент)

О. Ю. Шмидт

Я скажу только несколько слов о состоянии науки в области психологии. Здесь такого явного переживания кризиса, как в физике, нет, прежде всего потому, что самый предмет этой науки менее определенный. Эксперименты играют меньшую роль, потому что здесь еще больший разброд, а материала конкретного характера еще тоньше. Ясно, конечно, что Объект психологии гораздо ближе к общественным наукам, и поэтому общие политические причины действуют там еще сильнее, и идеализм там проявляется прямой непосредственно. Разберемся бегло в существующем положении. Мы имеем прежде всего учение Павлова, учение, которое мы признаем основным вкладом современной науки в материалистическую психологию. Вы его знаете, о самом учении мне нечего говорить.

Но было бы с нашей стороны неправильно, если бы мы ограничились только Павловым. Мы должны видеть и недостатки Павлова, его ограниченность, крайнюю ограниченность его метода и его подхода, невозможность метод Павлова применять к более сложному поведению общественного человека. Поэтому если кто-либо, как это сделал Енчмен, попытается только на Павлове построить теорию поведения современного общественного человека, включая все его проявления, вплоть до революции и реакции, то, конечно, мы против этого ополчимся, как ополчались в свое время против Енчмена. Отвергать же Павлова было бы неправильным: мы его примем в тех элементах, где он годится, как одна из основ материалистического построения.

Возьмем другую теорию. Мы имеем в Америке «бихевиоризм» — науку о поведении. Довольно близко связана с ней немецкая психология «Gestaltpsychologie». Мы приветствуем бихевиоризм за то, что он не только и не столько расчленяет по-павловски, сколько старается рассматривать поведение человека в целом. Мы его приветствуем за отказ от идеалистического метода. Мы готовы его понять как вспомогательный метод. Но с другой стороны, бихевиоризм еще более органичен, чем павловская теория, своей американской обывательской ограниченностью. Это есть, в сущности говоря, перенесение на человека методов зоопсихологии. То, что в человеческой психологии наиболее ценно, связано с его социальным поведением, с чрезвычайным осложнением его отношения друг к другу, вызванным нашей культурой, ускользает от этого метода.

Немецкая «гештальтпсихология» ставит во главу изучения целостного человека, она менее атомистична и механистична, но она открыта для идеалистического воздействия на него. Этот «целостный» человек становится очень скоро самостоятельным центром, который получает свой закон не столько из внешнего мира, сколько сам является его носителем. Отсюда шаг к идеализму, здесь более близкому, чем в других теориях. Тем не

менее мы эту «гештальтпсихологию» воспринимаем и методом ее во многом пользуемся. На ряде других теорий я, за недостатком времени, не остановлюсь.

Далее мы имеем психоаналитическую теорию Фрейда. Я задержусь на ней несколько подробнее, потому что с ней случилась история, в известной степени подобная истории с теорией Эйнштейна. Психоаналитическая теория, сущность которой всем известна, вначале заинтересовала многих марксистов и не могла не заинтересовать, вплоть не только до Варга и Радека, но даже до Бухарина и К.Цеткин, не могла не заинтересовать прежде всего потому, что в недрах буржуазной науки она была революционной и была там воспринята как революционная.

Затем этот строгий детерминизм в психике, получивший наиболее яркое выражение в теории Фрейда. Открытие Фрейдом бессознательной индивидуальной психики есть очень большой вклад в науку, как и учение об обусловленности этой индивидуальной психики, даже в ее бессознательных частях, обусловленности ее как переживаниями индивида, так главным образом и предыдущим унаследованным опытом. Все это материалистические элементы. Добавим присущую этому учению крайнюю динамичность, подчеркивание динамичности всех процессов нашей психологической жизни — черта прямо диалектическая. Казалось, что все хорошо.

Но некритически подходя к этой теории, мы рискуем сделать обычную ошибку, ту же, что Енчмен сделал с Павловым: взять частное учение какой-нибудь теории, превратить эту частность в абсолют и попробовать этот абсолют поставить рядом с марксизмом. Если из фрейдовского учения делать дальше выводы, касающиеся социологии, и если при этом утверждать, что Марксова теория, в сущности, говорит то же самое, то отсюда получится опасность, с которой мы не можем примириться. Всякие попытки противопоставить фрейдизм марксизму и даже только сопоставить фрейдизм с марксизмом должны сразу встретить отпор. Так и было сделано.

Мне лично было очень жалко, что во время этой перестрелки психоанализ у нас на время погиб.

Но во всяком случае лучше, если какой-нибудь десяток лет у нас какой-нибудь хорошей заграничной теорией заниматься не будут, но зато мы избавимся еще от одного уклона, — чем если бы мы допустили уклон для того, чтобы сохранить работу по этой теории. Сейчас, когда т. Варьяш и другие, у которых были уклоны, достаточно в этом разоблачены и когда другие, у которых могли бы быть такие уклоны, сейчас достаточно подросли, можно смотреть на это дело проще и можно признать, что в этой теории есть много элементов диалектики и притом близкой к материалистической, которые мы можем принять, но строго критически. Мы кое-что примем, кое-что отвергнем. Во всяком случае, эту теорию разработать стоит, а она у нас сейчас находится в загоне.

Разумеется, мы не пойдем за такими последователями Фрейда, которые уже пробовали объяснить всю революцию, в том числе русскую и немецкую,

знаменитым «фатеркомплексом», протестом против отцов и т.д. С этим мы не можем, разумеется, согласиться, но мы должны иметь в виду, что как раз психоаналитическое учение не едино. Например, с точки зрения Рейха, нашего германского партийного товарища, все это сближается с физиологической теорией Павлова и т.д. У него психоаналитическая теория получает более четкий материалистический характер, хотя еще и не диалектический. Диалектический материализм — мировоззрение трудное для естествоиспытателя.

Я хотел еще говорить относительно некоторых вопросов биологии, но боюсь, что времени у меня не хватит, и я думаю, что это лучше сделает вместо меня мой друг и товарищ — т. Левин. (*Голоса: Продлить время*). Если даже и продлят, то мне надо будет коснуться и других вопросов. Может быть, Макс Людвигович не откажется, и я думаю, что он о биологии скажет лучше меня.

Что же мы в такой обстановке должны делать? Я начну с внутренней программы, затем перейду к внешним выступлениям. Мы должны прийти к сознанию того, что из кризисов, которые сейчас проявились во всех отдельных науках, иного спасения, иного выхода, кроме диалектического материализма, нет. Эта чрезвычайно выгодная для нас позиция должна быть нами использована.

Разумеется, мы должны понимать, что мы можем ее только потому использовать, что мы живем в стране, где диалектический материализм победил на фронте общественных наук, победил действием. Только опираясь на нашу страну и имея в виду поступательный ход мировой революции, мы можем вести нашу борьбу. В развитии естественных наук сейчас момент для нас крайне благоприятный и ответственный, и пропускать его нельзя. Но чтобы вмешаться, надо овладеть диалектическим методом прежде всего. Это вещь очень и очень трудная.

***Труды Второй Всесоюзной конференции
марксистско-ленинских научных учреждений.
М., 1930. Вып. II, с. 16–19***

О назначении человека. Опыт парадоксальной этики (фрагмент)

Н. А. Бердяев

<...> Фрейд придает универсальное значение эдипову комплексу и на этом строит целую социологию. Он видит преступление Эдипа в основе всех человеческих обществ и первобытных религиозных верований¹. Фрейд является тут настоящим миротворцем. Но как ни преувеличивает он значение эдипова комплекса, он все же прикасается в этой точке к какой-то древней истине. Социологи бьются над разрешением проблемы древнего ужаса перед кровосмешением и разрешить ее не могут. Страх кровосмешения есть страх мистический и связан с мистикой рода. Веления рода и его запреты воспринимались древним человеком как веления Божества. Человек погружен в великий круговорот природы, и власть над ним природы, космических стихий есть прежде всего власть рода. Носителем нравственного закона и оценки является род, а не личность. Не возникает вопроса о личной вине, потому что личность не является нравственным субъектом и не ей принадлежит суждение и оценка.

Миф об Эдипе имеет мировое значение, он отражает борьбу древних космических начал в человеке — материнства и отечества. Все происходит тут не в сознании, а в бессознательном, и потому нет сознательной вины и ответственности. Субъектом тут является род. Личность же является невинным страдальцем. Личность как нравственный субъект еще не родилась. Только христианство окончательно освобождает личность от власти космических сил, от власти рода. Но этим самым христианство делает нравственную жизнь личности независимой от рода, от коллектива. Если не стоять на родовой точке зрения, то нужно признать предсуществование душ. Душа не есть продукт родового процесса и не творится в момент зачатия, а в вечности, в духовном мире творится Богом. Тогда только человеческая личность метафизически, онтологически независима не только от рода, но и от общества.

3. *Пол. Мужское и женское.* Основной для антропологии является проблема пола. Человек есть половое существо, и половая полярность характеризует человеческую природу. Пол совсем не есть функция человеческого организма, пол есть свойство всего организма человека, каждой его клетки. Это показано Фрейдом. Это всегда говорил Розанов².

Человек есть не только половое существо, но и существо бисексуальное, совмещающее в себе мужской и женский принцип в разной пропорциональности и нередко в жестокой борьбе. Мужчина, в котором совсем бы отсутствовал женский принцип, был бы отвлеченным существом, совершенно оторванным от космической стихии. Женщина, в которой совсем бы отсутствовал мужской принцип, не была бы личностью. Мужской

¹ См. изумительную книгу Фрейда «Totem und Tabu».

² См. замечательную книгу Розанова «В мире неясного и нерешенного».

принцип и есть по преимуществу антропологический и личный. Женский же принцип есть по преимуществу космический и коллективный. Только соединение мужского антропологически-личного начала с женским космически-коллективным началом создает полноту человека. Это соединение осуществляется двояко — в каждом мужчине и в каждой женщине внутри их бисексуальной, андрогинной природы и через выход мужской природы в другую женскую природу и женской в другую мужскую природу.

В падшем мире происходит космическая борьба мужского и женского принципа, мужской и женский принцип ищет не только соединения, но они и постоянно борются друг с другом как смертельные враги. Этим характеризуется полярность человеческой природы. Бахофен гениально раскрыл борьбу мужского и женского принципа¹. Солнце у Бахофена есть мужское начало. Мужское начало есть дух. Solarismus тождественно Paternitdt. Луна есть муже-женственное посредствующее начало. Lunarische Tellurismus тождественно ehelische Gynockokratie. Земля есть женское начало. Это есть материя, плоть в мистическом смысле слова. Материнство и материя между собою связаны. Chthonische Tellurismus тождественно hetdrische Gynockokratie. У Бахофена раскрывается грандиозная космическая символика пола. В мире происходит встреча, взаимодействие и борьба солнечного, мужского начала с лунным муже-женственным и с женственным началом земли. В зависимости от преобладания того или иного начала сменяются мировые эпохи. Архаическая, первоначальная эпоха человечества, по Бахофену, есть эпоха господства женского начала, матери-земли, богов подземных, хтонических. Бахофен и открыл древний матриархат. Главный предмет его исследования есть первоначальная архаическая религия человечества. И с ней связана его гениальная интуиция. Матриархату соответствует коммунизм. Бахофен, вышедший из эпохи романтизма, один из первых открывает значение хтонических подземных богов. Это есть мистика матери-земли.

Материнское начало есть исток, есть «откуда». Мужское начало есть «туда», цель. Мистическое чувство предшествует нравственному. И это еще раз доказывает, что носителем нравственного начала является личность. В первобытном коммунизме нет еще нравственной жизни. Но, когда говорят о Бахофене, забывают, что он был христианином². Для Бахофена пробуждение духа и личности, то есть начала солнечного и мужского и победа его над исконным господством матриархата, над первобытным космическим коммунизмом, над женской религией земли и подземных богов, есть положительный космический процесс. Победу личного духовного начала Бахофен совсем не считает декадансом, как считает Клагес. Огромное значение Бахофена для антропологии и этики в том, что он открывает

¹ См. «Das Mutterrecht». Бахофен имеет основное значение для метафизики пола, не только для социологии.

² Любопытно, что Бахофен был впервые оценен марксистами за его признание первобытного коммунизма. См. Engels F. «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates».

значение архаического глубинного слоя, коллективного подсознательного, значение инстинкта и крови для нравственной жизни. Между тем как большая часть этиков этим совершенно не интересуется. Таким образом, этика восходит к космическим началам.

Комплекс Эдипа, которому придают такое универсальное значение Фрейд и психоаналитики, можно истолковать мистико-символически. в свете космической борьбы полов. Мужское и женское начало, отечество и материнство ведут борьбу за преобладание. Миф Эдипа есть одно из выражений этой космической борьбы. При свете дня, в сознании Эдип есть невинный страдалец, но в подсознательном он восстал против отца, против побеждающего мужского начала и хотел соединиться с матерью, с женственным началом земли. Это есть миф, всегда ведь заключающий в себе глубокую реальность, о древней борьбе в человеке за преобладание солнечного мужского начала и женственного начала земли. Человек с трудом принимает победу солнца над землей, духа над материей, мужского над женским, личности над коллективом. Человек восстал против этого преобладания логоса над материнским лоном и стремится возвратиться к материнскому лону и соединиться с ним. Это есть протест против отрыва от материнского лона, от земли, от первоисточника жизни.

Трагедия Эдипа разыгрывается в то время, когда мужское моральное сознание победило и норма его господствует в обществе. Восстание против отца будет играть в истории большую роль Оно принимает форму борьбы против власти, разума, нормы, закона. В человеке всегда будет тяготение к космической первости, к истокам творческой энергии. С этим связана и борьба дионисова и аполлонова начала. Эта борьба не прекратилась и до нашего времени. Человек борется за личность, за овладение стихии логосом, и он восстает против границ, налагаемых личностью, против беспредельной власти логоса, он хочет приобщиться душе космоса, тому лону, из которого он вышел. В человеке есть восстание против самого рождения как отрыва от материнского лона. С этим связано то, что Ранк называет травмой рождения¹. В связи с этим Фрейд говорит об инстинкте смерти. Человек есть личность и космос, логос и земля — мужское и женское. Пока человек существо половое, он не может жить в мире и гармонии. Антропология мужская совершенно отличается от антропологии женской, психология мужская совершенно отличается от психологии женской. Тут с трудом возможно взаимное понимание, оно затруднено страшной и жестокой борьбой. И великий антропологический миф о человеке, на котором только и можно построить антропологическую метафизику, есть миф об андрогине. Миф этот выражен в «Пире» Платона, он занимает центральное место в гениальном гнозисе Я.Беме.

Человек по своей идее, по Божьему замыслу о нем есть существо цельное, муже-женственное, солярно-теллурическое, «логическое» и сти-

¹ См. чрезвычайно интересную книгу Otto Rank «Le traumatisme de la naissance».

хийное. И, лишь как существо целостное, он есть существо целомудренное, премудрое, софийное в своей целостной полноте.

Как существо половое, половинчатое, разорванное, он есть существо не целомудренное, не премудрое, обреченное на дисгармонию, страстное влечение и неудовлетворенность. Первородный грех связан прежде всего с половым разрывом, с падением андрогина, с падением человека как существа целостного, с утерей человеческой девственности и образованием дурной мужественности и дурной женственности. Это имеет несоизмеримые последствия для судьбы человека и мира, для нравственной жизни человека.

В мире, пораженном первородным грехом, накапливается подпольная, подсознательная половая энергия, которая производит взрывы и которую человек не может победить и преодолеть. Энергия эта обладает полярным отталкиванием и притяжением.

Пол, загнанный внутрь, делается опасным, порождает преступления и безумие. И великая задача человека всегда была в том, чтобы энергию пола не уничтожить, а сублимировать. Человеческая цивилизация, человеческое сознание пытается наложить оковы на энергию пола, на полярность человеческой природы. Но загнанная в подсознание энергия пола готовит восстание и порождает неврозы. В этом Фрейд совершенно прав, хотя он и не понимает метафизической и религиозной глубины проблемы. Прав и Розанов, прав не в своих решениях, а в своей проблематике. Христианская аскеза сделала героические усилия победить ужас и проклятие пола в человеке. На путях ее были большие достижения. Но сама проблема пола не была решена. Ужас пола с его взрывчатой энергией никакими силами мира уничтожить нельзя и нельзя его игнорировать. Его пытались скрыть, его стыдились. Но пол вел подсознательное существование и из скрытой глубины определял жизнь людей.

Пол есть источник жизни и источник смерти. Эрос связан со смертью. Это понимает и Фрейд. Величайшие поэты и художники понимали связь любви и смерти. Пол потому всеобъемлющ по своему значению, что он объясняет не только жизнь, но и смерть. Пол, расколовший андрогинный образ человека, обрекает человека на смерть, на дурную бесконечность жизни и смертей. Любовь эротическая всегда несет с собою смерть. Это гениально передано в «Тристане и Изольде» Вагнера. И против этого бессильно и религиозное освящение, и религиозное ограничение Эроса. Человек есть существо больное, раненое, дисгармоническое прежде всего потому, что оно есть существо половое, то есть разорванное, утратившее целостность и целомудрие.

Сознание нашей эпохи стоит под знаком разоблачения и познания тайны пола в человеке. Его нельзя больше скрывать. Недаром в нашу эпоху появился Розанов, с одной стороны, Фрейд — с другой. Проблема пола есть основная проблема философской антропологии, и она стоит в центре новой этики. Религия это всегда лучше понимала, чем философия и наука. Аскетика связана прежде всего с полом. Ужас перед полом есть ужас перед жизнью и перед смертью в нашем грешном мире, ужас от невозможности никуда от

него укрыться. Ужасом пола и энергией половой полярности поражено все существо человека, его мышление и его чувства, его творчество и его нравственное сознание не меньше, чем жизнь его организма. Человек низко падает, побежденный непросветленной энергией пола, и он высоко поднимается, сублимируя эту энергию. Сосредоточенная энергия пола может быть источником творчества. Жертва эросом, направляя энергии в другую сторону, может усилить творческую напряженность. Мы это видим в трагической судьбе Киркегардта, который пожертвовал своей любовью и в гениальном творчестве нашел компенсацию, и в творчестве Ибсена. С проблемой пола связана проблема рождения и творчества <...>.

4. *Сознательное и бессознательное.* Долгое время психология была одной из самых скучных и бесплодных наук. Она исследовала отвлеченные душевные элементы, преимущественно процессы познавательные, а конкретный индивидуальный человек для нее не существовал. Ассоциативная английская психология ничего не дала для понимания души человека. Немного лучше была психология Вундта, но и ее пути были бесплодны и пустыни. Не был найден рычаг, которым можно было бы сдвинуть с мертвой точки исследования душевной жизни. Новое слово тут было сказано не психологией, а психопатологией, открытием бессознательного или подсознательного. И раньше говорили о бессознательном, но придавали ему характер биологической, материально-физиологической основы душевной жизни¹. У Э.Гартмана учение о бессознательном было метафизической системой. Настоящими основателями живой и конкретной психологии нужно считать П.Жане, Фрейда, Адлера, Юнга, Бодуэна². И работы их имеют неопределимое значение для философской антропологии. Они пытаются применить научные методы к исследованию тайн душевной жизни. До них психологические или антропологические открытия делали или великие художники, или мыслители такого типа, как Паскаль и Ларошфуко, Киркегардт и Ницше. И лишь очень немногие философы сделали что-нибудь для психологии. Можно назвать имена Равессона³, Бергсона, Джемса, М. Шелера.

Совершенно понятно, почему психопатология вывела психологию на новый путь. Ошибочно было предположение старой психологии, что человек есть существо здоровое, по преимуществу сознательное и интеллектуальное и что в таком качестве его нужно изучать. Человек есть существо больное, с сильной подсознательной жизнью, и потому психопатологии принадлежит решающее о нем слово, хотя и не самое последнее.

И это открытие психопатологии вполне согласуется с христианским учением о первородном грехе. Человеческая душа раздвоена, в ней

¹ См., напр., Рибо «La psychologie des sentiments». Свободная работа о бессознательном дана в книге Dwelshuevers «L'Inconscient».

² Для психологии народов и культур особенное значение имеет Кейзерлинг. См. его «Das Spektrum Europas».

³ См. замечательную книгу Равессона «L'Habitude». Очень интересно его различение между усилием и страстью.

происходит мучительное противоборство противоположных элементов. В современном человеке, которого наблюдает и изучает психология, есть не только современное сознание и современный строй души, в нем есть также древний архаический человек, есть дитя с инфантильными инстинктами, есть неврастеник и сумасшедший. И это столкновение современной души и современного сознания с архаическими, инфантильными и патологическими элементами создает необычайную сложность человеческой души, с трудом поддающуюся исследованию старыми психологическими методами.

Человек не только обманывает других, но обманывает и самого себя. Человек сплошь и рядом сам не знает, что с ним происходит, и ложно истолковывает происходящее и для себя и для других. Жизнь подсознательного или бессознательного совершенно ускользала от старой психологии, она принимала на веру показания сознания. И вот для новой психологии и психологической антропологии основным является различие в человеческой душе сознания и подсознательного. Болезнь человеческой души определяется конфликтом сознания и подсознательного. Роль подсознательного гениально раскрывал Достоевский, упреждавший научные открытия, раскрывал Ницше в своих попытках понять генеалогию морали, но старая психология была тут бессильна и слепа.

Человек защищается от хаоса своего подсознательного цензурой сознания. И эта цензура была так строга, что человек потерял способность исследовать и понимать свое подсознательное. Он пережил длительный период диктатуры сознания.

Человек есть существо страстное и легко опрокидывающееся и проваливающееся в бездну. И он принужден сознанием защищаться от бездны подсознательного. Корни человеческого существа уходят в добытийственную бездну, в бездонную, мeonическую свободу, и в борьбе за личность, за Божью идею человек должен был вырабатывать сознание с его границами, освещать тьму, проводить через цензуру сознания подсознательные влечения и инстинкты. В человеке есть демоническое начало, потому что в нем есть бездна, есть бездонная свобода, и человек может эту бездну предпочесть Богу.

Очень трудно определить, что такое подсознательное и бессознательное. Всякое определение тут недостаточно, и мы имеем тут дело с пограничным понятием¹. Сознание есть интуитивный акт человеческого Я относительно самого себя, после которого пережитое входит в память, и вместе с тем различие Я от «не Я», от окружающего мира. Сознание есть единство Я и различие его от «не Я». Сознание не тождественно с знанием или узанным, но оно всегда означает соотношение с логическим началом, возвышающимся над замкнутым в себе душевным миром. Я сознает себя лишь через то, что выше Я.

¹ Юнг определяет бессознательное как «все те психические содержания и процессы, которые не сознаются, то есть которые не отнесены восприимлемым образом к нашему Я. См. его книгу «Психологические типы». Это определение представляет собой тавтологию.

Сознание лично и вырабатывает личность, но оно также соборно, сверхлично, социально в метафизическом смысле слова. Сознание по природе своей противоположно солипсизму, оно есть *со-знание*, то есть предполагает взаимодействие нескольких и многих душ. Если бы в мире существовала только одна душа, то сознания не было бы. Сознание возникает от встречи и взаимодействия душ, оно порождено потребностью различения и вместе с тем единения и взаимного понимания, то есть генезис сознания социален в метафизическом смысле слова. Цензура сознания есть цензура социальная. И сознание в этом смысле играет и положительную и отрицательную роль в выработке человека, человеческой личности. Сознание совершает большую работу относительно безликого подсознательного, но оно склонно отрицать возможность сверхсознания и закрывать путь к сверхсознательному.

Сознание сплошь и рядом не просветляет, не преобразует, не сублимирует подсознательное, а утесняет, вытесняет внутрь и этим порождает бесконечные конфликты в человеческой душе. Это и открывает школа Фрейда, которая объясняет невроз и психические заболевания конфликтом сознания и бессознательного.

В подсознательном человеческой души есть травмы и поранения с раннего детства, и сознание не столько излечивает раны, сколько прикрывает их. Человек перестает понимать, что его мучит. Социальное сознание, торжествующее в цивилизациях, требует от человека, чтобы он вытеснил происходящее в глубинах подсознательного, изгнал из своей памяти, согласовал с требованиями цензуры сознания. Обратившись к изучению подсознательного, мы находим там либидо, с рождения присущее человеку, и неудовлетворенное половое влечение, находим постоянно терпящее поражение в жизни стремление к преобладанию и власти, находим *ressentiment*, большое самолюбие, всю жизнь получающее уколы, порождающее обиду и зависть. Человек болен потому, что он не может вынести, что он живет не так, как ему хотелось бы, не в той среде, не с такими людьми, не в тех направлениях, которые совпадают с его подсознательными влечениями. Человек сплошь и рядом вымещает на невинных людях то, что жизнь его не удалась так, как бы он хотел. Что подсознательное его влечение не реализовалось и оказалось вытесненным.

Вытесненные из сознания подсознательные влечения и делают человека больным и раздвоенным. Фрейд придает либидо центральное и всеобъемлющее значение и строит ложную пансексуалистическую метафизику. Но основная идея его гениальна, и метод его плодотворен.

Еще большая психологическая правда есть в учении Адлера об инстинкте власти, господства и преобладания и невозможности человеку примириться с унижающим и подавляющим его положением¹. Человек

¹ Адлер самый замечательный психолог нашего времени. См. его «*Le temperament nerveux*».

компенсирует себя за поражение, которое он претерпел. Он защищается при помощи неврозов.

У Ларошфуко были уже прозрения, которые обосновывает Адлер. Первичные влечения подсознательного, влечение половое и влечение к преобладанию и господству, обладают способностью трансформироваться до неузнаваемости, они идеализируются и представляются возвышенными. В сознании человека мы встречаемся с ложным истолкованием жизни бессознательного, и ложь эту не так легко разоблачить.

Но Фрейд, несомненно, преувеличивает целительную силу сознания. Новая психология требует интуитивного проникновения и исключительного внимания к изучению индивидуальности и характера. Новая психология и психопатология открывают глубокий, иррациональный слой в человеческой душе, скрытый от сознания. Она преодолевает отвлеченность старой психологии. Вслед за Достоевским, Киркегардтом и Ницше современная психология открывает, что человек есть существо, мучающее себя и других, что ему свойственны мазохизм и садизм. Только новая психология может установить существование различных психологических типов. Характериология только теперь стала возможной¹.

Юнг, психолог исключительно талантливый и во многом более правый, чем Фрейд, устанавливает два типа — интровертированный, обращенный внутрь, и экстравертированный, обращенный вовне². Эта классификация довольно искусственна и приводит к натяжкам. Гораздо существеннее и первичнее установка двух типов, родственных двум типам Юнга, но не вполне совпадающих с его классификацией. Есть тип людей, находящихся в гармонии с окружающей средой, хотя эта гармония и относительная, и находящихся в постоянной дисгармонии с окружающей средой, хотя эта дисгармония и не абсолютная. Греховный человек есть вообще существо дисгармоническое, но степень этой дисгармонии и характер ее может быть разным. Человек может быть в сравнительной гармонии с окружающим миром не потому, что он менее греховен и лучше, а потому, что в нем менее пробудилась духовная жизнь и он менее тоскует по иной жизни, что он слишком закрыт в известном кругу и подавлен окружающим миром до совершенного довольства им. Люди дисгармонического темперамента нередко бывают — людьми более внутренними и углубленными, и их меланхолический темперамент свидетельствует о их тоске по иной жизни, иным мирам. Но дисгармонические с окружающим миром бывают часто неспособными к активности, к действию, к реализации, антисоциальными. Дисгармоничность может свидетельствовать о глубине, а может свидетельствовать и о *ressentiment*. Гармоничность и дисгармоничность связаны с соотношением сознательного и бессознательного в человеке.

¹ См. *Seifert F.* «Charakterologie» в «Handbuch der Philosophie», 1929.

² См. *Юнг.* «Психологические типы».

Конфликт цивилизованного и социализированного человека с своим подсознательным есть основной конфликт, порождающий неисчислимые последствия.

И если человек находится в гармонии с нормами и законами цивилизации и социальности, если он даже сам их создает и поддерживает, то это еще не значит, что эта норма и закон овладели его бессознательным. Он может компенсировать себя разными способами и даже может вносить в свое охранение и поддержание законов и норм влечение к тиранству, к сексуальному наслаждению в жестокости и мучительстве. Тип законника может быть настоящим садистом. Охранители закона и столпы общества обыкновенно разные требования предъявляют к себе и другим. Основное печальное открытие, которое сделали современная психология и психопатология, есть открытие непрямоты и неправдивости человека не только в отношении других, но и в отношении к самому себе. Это и есть настоящее изобличение человеческого подполья, греховной бездны в человеке, крушение всех возвышенных иллюзий. Человек очень часто примыкает к тому или иному идеологическому направлению совсем не по прямым, чистым и бескорыстным мотивам, слишком часто в этом можно найти какое-нибудь *ressentiment*, неудачи в жизни, счеты с собой или другими. Он делается злобным и насильническим реакционером или коммунистом, потому что пережил уколы самолюбия или неудачи, пережил, напр., неразделенную любовь, убедился в своей бездарности или имеет унижающее его физическое уродство.

Как совершенно верно учит Адлер, человек всегда стремится себя компенсировать и, пережив чувство слабости и унижения, в чем-то другом получит преобладание¹. То, что делают Фрейд и Адлер новыми научными методами, выработанными психопатологией и невропатологией, аналогично тому, что делает Маркс в одном смысле. Нищие — в другом. Это есть срывание покровов, изобличение иллюзий и обманов. Маркс это делал в своем материалистическом понимании истории и изобличении идеологий, Нищие — в своем понимании генезиса морали и изобличении «добрых».

Можно было бы сказать, что человек существо искренне неискреннее, обманывающее себя и других. И наиболее интересно то, что он обманывает себя и неискренен с самим собой.

Это мы постоянно наблюдаем в жизни семейств, где всякого рода бессознательные состояния ревности, зависти, обиды, властолюбия и жажды господства в сознательных отношениях, словах и поступках выражаются неискренне и лживо, ищут фиктивных поводов и отводов, прикрываются внешне совсем не тем, что есть внутри. Человеческая душа больна, личность человеческая постоянно подвергается процессам распада от напора того, что находится в бессознательном, и человек хочет скрыть свою болезнь и происходящее в нем распадение. Бессознательные сексуальные инстинкты выражаются в сознании в самых неожиданных и несоответственных формах.

¹ См. Адлер. «Le tempérament nerveux».

Научная психология и психопатология, как и социология, бессильны отстаивать достоинство человека, открыть в нем образ и подобие Божье, они имеют дело не столько с личностью, сколько с неличным, с распадом личности, с Es (Фрейд), с Man (Хайдеггер)¹.

Психопатология и психология знают бессознательное в низших его формах и сознание, но не знают сверхсознательного и даже не различают между подсознательным и сверхсознательным². Так приходят к пониманию психической структуры исключительно как аппарата защиты. Структура души вырабатывается вследствие условий жизни, затрудняющих удовлетворение влечений и нужд. Человек создает фикции, чтобы ощущать мощь и преобладание, он компенсирует свою слабость (Адлер).

Фрейд открывает бездну греховных влечений в человеке, но души человеческой он не видит. Психоанализ обращается с душевной жизнью человека так, как будто бы самой души и не существует. Это есть тоже психология без души.

Образ Божий в человеке совершенно затемнен и закрыт, его не видно за тьмой бессознательного и за ложью сознания. Непонятно, откуда берется светлое сознание самих психоаналитиков.

Современное психологическое знание есть горькое и пессимистическое, и не случайно Фрейд пришел к метафизике смерти. Совершенно так же не видел человека, личности К.Маркс. Психология открывает, что человек есть больное существо, но не понимает, что он ранен грехом. Психология христианская тоже видит в человеке бездну тьмы, греха и зла, но она понимает источник этого и потому не отрицает образа и подобия Божьего в человеке. Психоанализ вызывает двойственное к себе отношение, с одной стороны, с ним связаны великие научные открытия и новая эра в психологии и антропологии. Психоанализ проливает свет на источник душевных и нервных заболеваний человека. Школа Фрейда подтверждает ту истину, которую когда-то философски высказал Вл. Соловьев: человек сходит с ума, жертвует интеллектом вследствие невозможности разрешить нравственные конфликты и задачи жизни.

Кончился период интеллектуалистической психологии сознательного, которая идет от Декарта. Конфликт между сознанием и бессознательным есть величайшее открытие школы Фрейда, которое остается в силе, если и не разделять пансексуализма Фрейда. Школа эта обращает внимание на символику, которой полна наша жизнь, и исследует ее³.

Жизнь бессознательного отражается символически в сознании, и нужно раскрыть эту символику. Большое значение метод психоанализа имеет также для социологии, истории культуры и исследования мифов. Особенно Юнг настаивает на существовании коллективного бессознательного наряду с бессознательным индивидуальным⁴.

¹ См. Хайдеггер. «Sein und Zeit».

² Это отмечает Двельгауер в книге «L'Inconscient». См. книгу P. Janet. «L'automatisme psychologique».

³ В этом отношении особенно интересен Юнг.

⁴ См. его «Wandlungen und Symbolen der Libido». Для коллективного бессознательного важна книга Ле

Коллективное бессознательное обнаруживает существование архаического слоя в человеке Душа человеческая терзается и болеет от атавистических, ложных нравственных идей, от деспотии общества, унаследованной от древних времен Миф коренится в коллективном бессознательном Это основная идея Юнга Тут высказывается идея, глубины которой сам Юнг не понимал.

Но психоанализ не может претендовать быть метафизикой жизни. Последние вещи от него ускользают. И психоанализ, как практика, имеет стороны отрицательные и вредные. Психоанализ, как метод лечения, сосредоточивается на половой жизни, вместо того чтобы отвлекать от нее, он потрошит и разлагает душу на элементы и претендует заменить собой исповедь. Но он не знает тайны отпущения грехов и просветления души Психоанализ морализирует и обличает грех, не зная, что такое грех и откуда он. Сам Фрейд очень преувеличивает незнание человеком своего бессознательного. Человек знает, что он существо падшее и греховное, и он знает это с особенной силой, когда сознает себя Божьим творением и Божьей идеей.

Главная оригинальность Фрейда в том, что он открывает и злую роль сознания, в частности сознания нравственного <...>.

<...> Значение Фрейда в том, что он дерзнул сбросить покровы с всегда скрываемой жизни пола. Но тем самым он хочет ее сделать сознательной Он не только хочет познания половой жизни, что вполне правомерно, но он хочет внести сознание в самую половую жизнь, что недопустимо. В этом зло психоанализа как практики. Сама половая жизнь должна оставаться в сфере бессознательного. Так же как невозможно эстетическое созерцание полового акта, так же невозможна и рефлексия сознания о нем. Либи́до не только есть влечение к половому соединению, но также и источник творчества, которое всегда основано на поляризации. Сублимирование полового влечения в творчестве совершается не через преобладание сознания. Менее всего знает тайну сублимации рационализм.

Школа Фрейда одинаково означает и конец наивного идеализма, и конец наивного материализма. Наивный материализм был основан на незнании тайны бессознательного, на внесении рациональной телеологической точки зрения в понимание стихийной жизни души. Но также не знает тайны бессознательного наивный идеализм.

Я говорил уже, что человек болен, потому что он не делает того, что он хочет, не живет, как хочет, потому что влечение бессознательного подавлено у него социальным сознанием.

Но поразительно то, что сознательное и бессознательное переходят друг в друга. То, что было сознанием в жизни древних обществ, установленные законы, нормы, ограничения, делается потом подсознательным и существует как атавистический инстинкт. Этим обнаруживаются границы сознания. Древние табу установлены социальным сознанием, которое также было

сознанием религиозным и нравственным. Но эти табу переходят в жизнь подсознания для последующих стадий в жизни общества, и с ними сталкиваются новые формы сознания.

Поэтому границы сознательного и подсознательного относительны. Подлинная духовная победа совершается в сфере сверхсознания, а не сознания, то есть в духе. Маниакальная одержимость человека одной какой-нибудь идеей, которая есть самая распространенная форма нервного и душевного заболевания, есть ложное состояние сознания, сужение сознания и исключительная фиксация на одном осознанном предмете.

Болезнь, в сущности, происходит от ложной работы сознания над бессознательным. И излечения можно ждать лишь от вмешательства сверхсознательного, духовного начала <...>.

Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993, с. 67–80

Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати (фрагменты)

Б. П. Вышеславцев

ПОДСОЗНАНИЕ И «ПЛОТЬ»

Подсознание есть понятие наших дней. Прежнее понятие души исчерпывалось *сознанием*, тем, что лежит в светлом поле переживания, что создается. Подсознательные влечения ап. Павел не мог назвать «душою», потому что они инстинктивны, бессознательны, не лежат в светлом поле сознания; он предлагает их называть «плотью» ввиду их связи с чувственностью и органами чувства. Можно доказать, что «плоть» здесь означает особую, третью ступень человеческого существа, соответствующую «подсознанию», с его чувственно-пожелательной, эротически-тендирующей природой, нащупанной и угаданной Фрейдом.

Что «плоть» обозначает здесь все же психическую сферу, а не пространственно-телесную, видно из такого выражения, как «плотские помышления» (ἡ τῆν βῆμα τῆς σαρκὸς) и «жизнь по плоти»¹, но эти помышления не суть сознательные мысли, ибо мыслит, по терминологии Апостола, ум (νοῦς); они не суть и сознательные желания, сознательная воля, ибо «делаю то, чего не хочу». «Плотские помышления» всецело противопоставляются моему уму, моей воле, всей сфере моего сознания («внутренний человек»), всему моему сознательному я (Рим. 7: 15–25), и все же они еще называются «помышлениями», иногда «похотью», и потому в каком-то смысле принадлежат к *психическому миру*, относятся к «внутреннему человеку», к тому же самому моему я (Рим. 7:25). Непонятно, откуда они являются, эти странные порывы, эти извержения из подземной тьмы. Противоречащие всему, что я признаю за добро, что я хочу, чему я служу умом: «не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Они необъяснимы из я. Необъяснимы из сознания: «а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех». Где же он живет? Если не в сознании, как это было показано (ибо в сознании я нахожу желание добра и согласие с законом: «хочу делать доброе»), то только *под порогом сознания*. Туда не проникает сила закона, который умеет обращаться только к уму и к сознательной воле, там гнездится «иной закон, противоборствующий закону ума» (loi de l'effort converti).

Сферу *подсознания* Апостол определяет как *не я*, ибо я есть для него сфера *сознания*; там, в подсознании, он помещает закон противоборства и грех. Но грех в каком-то смысле все же живет «во мне», его нельзя выбросить в телесно-пространственный мир, он связан с «внутренним

¹ Ср. точку зрения Вл. Соловьева в «Духовных основах жизни»: для него «плоть» есть *чувственная душа*, предающаяся стремлению плотской жизни (Собр. соч., т. 3, с. 347, 327).

человеком», и его источником является то же самое я, ибо оно является центром и сознания и подсознания.

Так выявляется необходимость третьей ступени человеческого существа, которую Апостол называет «плотью», эта ступень психическая, но не сознательная, это *подсознание*.

Библия, при своем глубоком знании человеческого «сердца», чувствует присутствие того, что современная психология называет подсознанием, и указывает на эту сферу при помощи своей собственной терминологии. Внутренний мир по всей его неисчерпаемой глубине («внутренний человек» ап. Павла) чаще всего называется в Ветхом Завете «сердцем». И в этом внутреннем мире далеко не все ясно усматривается и сознается даже самим его носителем. Во «внутреннем человеке» существует таинственная и сокровенная сфера, не озаряемая его собственным сознанием. «Глубоко сердце человека... и кто познает его?». Только Бог проникает «сердца и утробы». Постоянно повторяющийся термин «*сердца и утробы*» как раз намечает то, что теперь называется *подсознанием*, с его чувственно-пожелательной, эротической природой. Самое выражение «утробы» как бы указывает на то, что лежит под сердцем, ниже сердца; и если «сердце» чаще всего означает «сознание», то «утроба» должна означать «подсознание».

Правда, «сердце» иррационально не только в смысле низшей своей сферы, соприкасающейся с «плотью», но и в смысле высшей, соприкасающейся с «духом» и являющейся органом духа; но во всяком случае его иррациональность, глубина и бездна обнимает как высшие мистические переживания, так и низшие подсознательные, «утробные» влечения¹.

Сокровенная область «сердца», которая является «сокровенной» и, след., подсознательной и для самого ее носителя, вовсе не должна быть непременно возвышенной и близкой к Богу. Из нее могут проистекать, неожиданно для самого человека и бессознательно, как добрые, так и злые деяния: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое» (Лк. 6:45; Мф. 12:35. Ср. Мк. 7:21; Мф. 15:19).

Подсознание представляет собою, таким образом, сферу бесконечных возможностей, из которых возникает порок и добродетель; оно есть материя (в греческом смысле), которая может принять прекрасную или безобразную форму. Это *хаос*, древний «родимый хаос», который «шевелится» (Тютчев) под порогом сознательной жизни, с ее рациональными нормами, с ее резонабельной волей: мы видели, что законе есть форма, не умеющая формировать этой материи и вызывающая противоборство этого хаоса.

ЭРОС И СУБЛИМАЦИЯ

¹ См. о сердце подробнее: Вышеславцев Б., *Сердце в христианской и индийской мистике*. Ynca Press, Paris.

В чем же заключается средство к овладению таинственными подсознательными силами души? Современная психология подсознания с ее теорией психоанализа и внушения указывает нам путь, подлинность которого подтверждается величайшими философскими и религиозными учениями. В свете этих учений вместе с тем отбрасывается все модное, суетное и нездоровое, что есть в доктрине «подсознательного», и остается все истинное, древнее и вечное, намеченное Платоном и ап. Павлом.

Неудача императивной нормы и ее столкновение с законом иррационального противоборства (*loi de l'effort converti*) указывает нам путь. Подсознание не подчиняется прямому велению. Закон обращается к разумной воле и действует в средней рассудочной сфере, в сфере, освещенной сознанием. Подсознание остается для него закрытым. Нужно уметь проникать в подсознание, указывать, что в нем происходит, и влиять на него. Прямым путем это невозможно и возможно лишь обходным путем психоанализа. Здесь лежит заслуга Фрейда и его открытие *эротической природы* подсознания. Однако гениальным предвосхищением и вместе с тем существеннейшей поправкой Фрейда является Платоновое учение об *Эросе*. Эрос бесконечно больше объемлет, нежели *libido sexualis*, нежели даже эротическая влюбленность. Это его корни и цветы, но не его всеобъемлющее древо жизни.

Необходимость расширения понятия либидо за пределы сексуальной сферы сознают все значительные мыслители, вышедшие из Фрейда. Так, Юнг понимает либидо как основную *психическую энергию*, соответствующую в области психического бытия тому, что называется энергией в физике. Бодуэн предлагает для этой основной душевной потенции термин *potentiel affectif*¹. Для Адлера эта движущая пружина души есть жажда власти и господства. Эрос Платона объемлет все это: он означает существенную и несводимую функцию души, *функцию стремления*, уходящую в бесконечность и многообразную по содержанию, но всегда направленную на возрастание бытия, на его «валоризацию».

Эрос есть влюбленность в жизнь, «аффект бытия» (Фихте), жажда полноты, жажда полноценности, рождение в красоте, жажда вечной жизни (все это сказал еще Платон); а в конце концов человеческая жажда, жажда рождения Богочеловека, этого подлинного «рождения в красоте», жажда обожения и вера, что «красота спасет мир» (Достоевский), и это сказало христианство, ибо оно есть *религия абсолютного желанного*. И оно сказало то, чего искал и что предчувствовал Платон, ибо «рождение в красоте» есть, конечно, воплощение и преображение.

Если верно, что подсознание обладает эротически-тендирующей природой, то вот во что оно «сублимируется» и вот какие цветы вырастают из его сокрытой глубины:

Свет из тьмы, над темной глыбой
Вознестися не могли бы

¹ Jung, *Wandlungen und Symbole der Libido*. Baudouin. Psychanalyse de l' Art.

Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

(Соловьев)

Несколько курьезной может показаться такая «существенная» поправка к идее Фрейда, и, однако, она единственно последовательна: «сублимации»¹ ищет Фрейд, и сублимацию в грандиозных размерах дает Платон. Тендирующее движение Эроса берет направление на то, что кажется Платону наиболее «sublime». Если христианство видит еще более высокий пункт, определяющий направление, то оно должно продолжать сублимацию, ибо сублимация вообще не останавливается: «возводить» можно лишь к тому, что считаешь высшей ценностью (sublimissimum).

Все творчество, вся культура и вся религия есть «сублимация», берущая направление на то, что открывается (в «откровении») как высшая ценность: «где сокровище ваше, там и сердце ваше», где ваша высшая ценность, там и ваш Эрос.

Гимн любви у ап. Павла есть выражение предельно сублимированного Эроса²: вот во что преображается подсознательная жажда жизни, полноты и блаженства! Космос любви возникает из хаоса темных эротических порывов, Эрос брачной любви допускает сублимацию «во Христа и во Церковь», и есть «великая тайна» и таинство. Больше того, здесь центр христианских тайн, ибо все христианские символы из Эроса вырастают: Отец, Сын, Мать, братья, Жених, Невеста³. Если бы влюбленность, брак, материнство, отцовство были чем-то низким и презренным (как думают гностические ереси), то эти символы не могли бы возникнуть. В них заключается указание на возможность могучей сублимации Эроса: семья есть малая Церковь, и Церковь есть большая семья. Если бы Эрос был презрен в каком-либо своем аспекте, то как могла бы «Песнь песней» стоять в каноне священных книг?

ВООБРАЖЕНИЕ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

МАГИЯ ВООБРАЖЕНИЯ И ЭРОС

¹ То есть возведения к высшему, возвышения, поднятия, облагорожения. *Сублимации* противоположна *профанация*, в которой часто повинен Фрейд, то есть низведение высокого, заподозривание священного. Причем научно интересный и ценный, но этически, эстетически и религиозно часто совершенно невыносимый и *мешающий сублимации*. С этой стороны идут все нападения на Фрейда. Психоналитик, конечно, объяснит позицию нападающего особой психической функцией «цензуры». Но в ответ на это позицию Фрейда можно охарактеризовать как манию сексуальной профанации, установку весьма распространенную и вредную.

² Вот настоящий христианский «Пир» и христианский Эрос, а не бездарный «Пир 10 дев» Мефодия Патарского

³ Розанов не обратил на это достаточного внимания в своих нападениях на христианство за его антиэротизм.

Мощь положительного образа в душе есть нечто изумительное. Она становится настоящим чудом и источником настоящих чудес, когда этот образ проникает в подсознание. Все медиумические чудеса, на которые натолкнулась наконец современная наука, связаны с подсознанием (совершаются „в транс«); подсознание чудесным образом реализует откуда-то и как-то полученный им образ, как будто даже обладает способностью облекать его в плоть и кровь. Здесь настоящая магия воображения, магия изумляющая и устрашающая¹.

Но если даже отбросить эту область, сомнительную и исключительную, то остается еще великая и несомненная сфера, в которой магическая мощь воображения царит безраздельно. Это сфера искусства, сфера творчества, охватывающая всю нашу жизнь. Искусство есть творческое воображение, иначе говоря, воплощение любимого образа — в камне, в цвете, в звуке, в жесте, в плоти и крови. Искусство есть преобразование низших бессознательных и подсознательных сил, возведение их к высшему, великий порыв к *сублимации*, призыв к преобразению всей жизни.

Но где же гарантия того, что воображение и „образ» действительно способны сублимировать? Захочет ли подсознательный Эрос, либидо, подчиниться прекрасному и возвышенному образу? Обладает ли, наконец, воображение такою реальною мощью, которая превышает силу разума, императив закона? Не «фантазия» ли все это? Не есть ли все искусство лишь „«возвышающий обман»?

Здесь прежде всего нужно обратить внимание на исконную связь подсознания и фантазии, Эроса и воображения. Эрос по существу своему устремлен к прекрасному образу, отсюда природная склонность к сублимации. Любить можно лишь тот образ, которым можно «любоваться». Между Эросом и его «предметом» существует кровная связь. Эрос устремляется только к тому, что переживает как свое родное, желанное, как свое порождение. Ему ничего нельзя навязать, предписать извне, как разумную цель, как закон. Напротив, представление о цели, в форме желанного образа, вырастает из самого стремления посредством творческой фантазии². Вот почему Платон говорит, что Эрос есть «рождение в красоте». Внезапно воспринятый образ, который Эрос встречает в своих исканиях, который дан ему как откровение извне, только тогда радостно принимается, когда соответствует его предчувствиям, его «фантазиям», его сокрытым желаниям. Эрос покорен и «очарован» лишь тогда, когда может воскликнуть: «Это то, о чем я мечтал и чего я искал!»³. Эротические «чары»

¹ См.: Вышеславцев Б., *Наука о чудесах*. «Путь», 1926. № 5.

² В этой области драгоценны замечания Шелера, столь родственные русскому философскому сознанию: ни в каком случае нельзя интеллектуализировать и рационализировать *стремление*, обоснования его представлением (как это делает Brentano) или целью, к которой стремление устремлено. Весь этот аристотелизм и томизм не понимает существа Эроса. Существуют бесцельные и беспредметные стремления. Представление о цели вырастает из самого стремления. См.: Scheler. *Formalismus in der Ethik und die materielle Werethik*. Halle, 1921. S. 26, прим. Фантазия рождает из лона подсознательных влечений и исканий, из предчувствия и жажды возможной полноты. Фрейд показывает, что Эрос идет ощупью и вовсе не знает сначала, *чего он хочет*. Он ищет и фантазирует, и иногда неудачно.

³ Своеобразный «анамнезис» (Платон) переживает во всякой истинной любви: я где-то видел этот образ,

привлекательного образа основаны на том, что он сразу формирует хаос подсознательных влечений; а образ, способный «преобразить» хаос в космос и красоту, — он и есть прекрасный образ. Вот в чем лежит гарантия сублимирующей силы прекрасного образа: существо Эроса есть жажда сублимации (в символах Платона можно сказать так: все живое по природе тянется к солнцу.).

ИЗВРАЩЕННЫЙ ЭРОС И ЛОГИКА СЕРДЦА

Есть, однако, один беспокойный вопрос, показывающий, что не все здесь обстоит благополучно, что нет абсолютной гарантии сублимации. Этот вопрос состоит в следующем: возможно ли дурное воображение, порочное воображение? Если оно возможно, то оно, очевидно, не „сублимирует», а делает противоположное: *профанирует*, или бесчестит. Ответ ясен: опыт показывает нам, что существует *извращенный Эрос*, Эрос ненависти, Эрос злой радости, или „злорадства», в противоположность Эросу любви. Если Эрос любви есть „рождение в красоте», то извращенный Эрос есть умерщвление в уродливом (садизм), наслаждение в низком. Существует Эрос сублимации, но существует и Эрос деградации, Эрос падения. Существует Эрос творчества, но существует и Эрос разрушения¹.

Между ними решает последняя и высшая инстанция *свободы*, стоящая *над* всеми сознательными доводами и соображениями; свобода, ничем не обоснованная, ибо возвышающаяся *над* всеми рациональными обоснованиями. Это она выбирает в последнем счете между творчеством и разрушением, между жизнью и смертью, между „да» и „нет». И этот выбор ничем нельзя *обосновать* уже просто потому, что „обоснование» существует только для того, кто *уже сделал выбор* в сторону рационального, обоснованного, непротиворечивого. А кто выбрал зло, тот сознательно выбрал противоречивое, „ни на чем не основанное», капризно-произвольное.

Для того, кто смерть предпочитает жизни, все разумные жизненные соображения и все очарования жизни — отпадают. Но нормально, то есть по существу своему, человек предпочитает жизнь, а не смерть, творчество, а не разрушение, позитивные ценности, а не негативные, здоровье, а не болезнь. И если ему нельзя доказать, что жизнь лучше смерти, то ему, с другой стороны, и нет никакой надобности это доказывать. Простая интуиция усматривает, где лежит нормальное и существенное и где его извращение (Unwesen).

Извращенный Эрос есть стремление к негативным ценностям и отвращение к позитивным. Извращенный Эрос всегда есть болезнь, патология (приближение к небытию), но такая, которая вменяется в вину. Нормальный Эрос (сердце) имеет свою логику: он, по существу, любит

я его помню, он мне давно, давно знаком!

¹ Точнее сказать, творческая энергия, имеющая своею конечною целью разрушение (например, Петр Верховенский в „Бесах»).

прекрасное, пленительное, возвышенное, ценное, любит радость (сJriz), любит прекрасных Харит, любит „грацию», *любит благодать*. Здесь позволителен исконный бытийственный оптимизм Библии: человек любит то, что „добро зело», что с самого начала нравится Богу в его творении, что есть свет, красота, *нарастание жизни*, восходящая иерархия бытия, то есть „сублимация» (Быт. 1:4, 10, 12, 18, 21, 25, 31). Эрос человека по существу своему есть жажда *полноты жизни*, в этом лежит гарантия того, что он изначально устремлен ко Христу, который есть *полнота* (plhroma) то есть избыток жизни, воскрешение, победа над смертью, воплощение всех ценностей.

ИСТИННЫЙ СМЫСЛ СУБЛИМАЦИИ. КРИТИКА ФРЕЙДА

Понятие сублимации, как оно установлено нами, совершенно перестает быть фрейдистским. Оно лишь не перестает быть платоновским. Поправка, сделанная выше (указание на „«профанацию» вместо «сублимации» см. выше с. 46), только теперь может быть оценена вполне.

С.Франк в своей ценной статье («Психоанализ как миросозерцание») говорит следующее: «Психоанализ философски не справился с тем кладом глубинной душевной жизни, который он сам нашел. Плоскость его рационалистических и натуралистических понятий неадекватна глубине и иррациональности открытого им духовного материала»¹. Франк отлично показывает философскую бедность и примитивность фрейдизма: как мировоззрение это есть «сексуальный материализм», совершенно аналогичный по своему методу «экономическому материализму» и вместе с ним остающийся на точке зрения *натурализма*. Такая критика, впрочем, весьма легка: философская ошибочность материализма давно выяснена; гораздо труднее оценить по достоинству тот „клад» и ту таинственную глубину, которую открыл Фрейд, а главное — философски с нею справиться. Это и составляет задачу нашего исследования. И первым шагом для ее решения будет философское *уяснение сущности сублимации*.

Философские ошибки Фрейда являются ошибками классическими: они появляются на свет в тех случаях, когда *натуралист* (например, психиатр) пытается при помощи хорошо ему знакомых и испытанных категорий природы проникнуть в сверхприродную сферу *духа*. Эта ошибка есть неспособность видеть высшие категории, высшие ступени бытия и непонимание их соотношения с низшими. Категориальное объяснение *высшего посредством низшего* есть типичное нарушение иерархического закона категорий². Примером может служить объяснение органической жизни при помощи категории механизма и химизма; разъяснение свободной целесообразности (творчества) при помощи одной только причинности; объяснение явлений „«духа» при помощи категорий материально-

¹ «Путь». № 25. 1930. Декабрь.

² Hartmann. N., *Kategoriale Gesetze*. Philos. Anzeiger. Bonn, 1926. S. 218–219.

пространственного бытия. Всяческий материализм являет собою грубейшую форму этой ошибки.

Мы назвали такое *сведение на низшее* — «профанацией». Франк называет это «циническим мирозерцанием»; Шелер — «игрою на понижение» (*Spekulation a baisse*). Но как же понижение может *сублимировать*? Утверждение, что можно все объяснить при помощи низших категорий, вообще отрицает самостоятельное значение высших, отрицает иерархию ступеней бытия и иерархию ценностей. Но если нет высшего, то как можно возводить, сублимировать низшее? Самое серьезное возражение Фрейду состоит в том, что в его мировоззрении *сублимация невозможна*.

Необходимо поставить философский вопрос: как возможна сублимация? Она возможна только тогда, если есть *возвышенное*, *sublime*, *das Erhabene*, если есть «Возвышенный» (индийский термин), если есть «Всевышний». Только тогда можно «возводить», *anagwge...n*, сублимировать. Понятие сублимации есть понятие христианского платонизма. «Возведение» к Абсолютному *anagwgh*, возводящий эрос — есть основная идея Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника. Она сохраняется в средневековом христианстве в форме *amogu anagogieque*, в форме *sublimatio creaturae rationalis super naturam* (см. выше гл. IV, § 4).

Уже эта блестящая формула Александра показывает, что сублимация есть возвышение *над* природой, выход за пределы природы, и в чистом натурализме (*deus sive natura*) — просто невозможна. У Платона она была возможна, ибо над Эросом и *над* природой есть мир идей; а у Фрейда? Для него, в сущности, как и для всякого натурализма и материализма, все „«возвышенное», *sublime* есть *иллюзия*; индивидуальная любовь есть *иллюзия* (надстройка над сексуальным фундаментом); религия и любовь к Всевышнему — тоже *иллюзия* и тоже утонченная сексуальность («*Die Zukunft einer Illusion*»). А что же не *иллюзия*? Не иллюзия — сексуальное влечение и его нормальное удовлетворение. К этому сводится, в сущности, вся терапия и вся «мораль» Фрейда.

Спрашивается, откуда же берутся те «моральные идеи», которые стремятся управлять сексуальностью (либидо), которые осуществляют ее подавление (*Verdrdngung*) и затем сублимацию? В натуралистическом мирозерцании Фрейда их вообще принципиально не существует. Он может и должен объяснять всякую мораль как сублимированную сексуальность. Но тогда мы получим, как указал Шелер, порочный круг: все высшие моральные чувства объясняются из сублимированной сексуальности; и, с другой стороны, сублимация сексуальности объясняется из существования «морали», которая своими запретами подавляет (*Verdrdngung*) и направляет ее на «высшие задачи»¹. Но что же такое эти «высшие задачи»? Где верх и где низ? На это никакой натурализм никогда ответить не может.

Сублимация есть возведение низшего к высшему; чтобы понять это возведение нужно иметь систему категорий бытия, нужно иметь иерархию

¹ Scheler, *Wesen und Formen der Sympathie*. S. 239.

ценностей. Об этом Фрейд и его школа не имеет никакого понятия. Сублимация предполагает некоторый категориальный иерархический закон, который был замечен еще Аристотелем и формулирован как соотношение формы и материи: низшая категория бытия служит *материей* для высшей, которая является ее *формой*. Форма есть нечто высшее и новое (напр., статуя), и, однако, она предполагает низшее, как условие возможности, как материал (например, мрамор), который не уничтожается, а сохраняется и преобразуется в высшую «форму» красоты. Этот закон далее был формулирован Гегелем как *aufheben*. С наибольшей точностью он выражен в современной философии Н. Гартманом¹.

Присутствие низшего в высшем заметил Фрейд. И это единственное, что сближает его с Эросом Платона и с христианским понятием сублимации: низшие, подсознательные влечения (либидо) можно не только подавлять (*Verdrängen*), их можно и сублимировать, то есть формировать, преобразовать в высшие. Мы видели, что так думает вся христианская аскетика. Однако этого «формирования» Фрейд категориально не понимает, а потому не понимает и сублимации. Он не видит, что высшая форма есть нечто абсолютно новое, новая, высшая категория, в которой низшая в каком-то смысле «уничтожена», в каком-то «сохранена», а главное — «поднята» на новую, высшую ступень: *ist aufgehoben!* Иначе говоря, сублимирована, *преобразована*, пресуществлена. Как раз сохранение низшего в высшем здесь и является источником заблуждения, поводом не заметить высшее совсем. Процессы механизма и химизма, напр., сохраняются в организме во всей своей неприкосновенности; цели причинности сохраняются в целесообразном и свободном творчестве². Отсюда возникает соблазн признать, что организм есть *только* усложненный механизм, что свобода есть *только* комбинация причин.

Сказать, что статуя есть *только* сублимированный мрамор; любовь и религия — *только* сублимированная сексуальность; наука, искусство, культура — *только* сублимированное хозяйство (марксизм) — значит повторить классическую ошибку. Она сосредоточена в этом слове «только». Именно *не только!* Настоящая сублимация есть творчество, т. е. создание совершенно *новой*, ранее не бывшей *ступени бытия*.

У Платона такой ошибки нет и быть не может: его Эрос водит («*ὑπάγωγος*», сублимация) к новым ступеням бытия, открывает новые категории жизни: 1) Эрос как либидо есть продолжение рода, рождение поколений; 2) Эрос как поэзия (творчество) есть рождение «детей Гомера и Гесиода» и «царственное искусство», политика, созидаящая государство. Вторая ступень Эроса предполагает первую, ибо поэзия, культура и государство предполагают продолжение рода и смену поколений; но вторая ступень есть новая ступень — новая категория жизни. Эрос не останавливается и здесь, он трансцендирует выше и открывает еще новую ступень: 3) философию,

¹ Op. cit. Schichtungsgesetze und Abhängigkeitsgesetze.

² На этом покоится решение знаменитой антиномии свободы и необходимости. См.: Вышеславцев Б., *Этика Фихте*. М., 1914, с. 267–395

созерцание идей; и эта ступень также предполагает две первых, ибо, чтобы философствовать, надо жить, и культурно жить, иметь хозяйство и государство (как это показывает Платон в своей «Политии»). Но философия есть абсолютно новое бытие, новая категория, по сравнению с «Hunger und Liebe», по сравнению с экономикой и политикой. Последний транс, предпринимаемый Эросом, есть экстаз, или транс в Абсолютное (как это показал Плотин). Здесь он встречает нечто совсем новое, «das ganz Andere», ни с чем низшим не соизмеримое.

Что же такое Эрос, если он все же остается самим собою на всех ступенях своего восхождения, своей сублимации? Конечно, он не может быть отождествляем с чувственным влечением, с либидо, ибо это его функция только на первой ступени. Вот почему либидо расширяется у Юнга до предела основной психической энергии, энергии творчества и воображения (см. выше, с. 46).

Настоящая сущность Эроса раскрывается в том, что он есть *стремление*, в том, что он выражает устремленность и стремительность нашего существа, нашего глубочайшего центра, нашего «сердца», которое «бьется на пороге как бы двойного бытия». Отсюда двойственность и диалектичность Эроса. Стремление диалектично: оно переходит от тезиса к антитезису, оно всегда встречает границу и всегда выходит за ее пределы, всегда трансцендирует (Фихте). Платон символически изобразил бродячий капризный, ищущий, тоскующий характер Эроса: он остается тем же и в любви, и в смене поколений, и в поэзии, и в политике, и в философии. Всякий «имманентизм» для Эроса невыносим и есть пребывание *в пещере*. Но Эрос есть транс и постоянно «пребывает в транссе». И он успокаивается лишь тогда, когда трансцендирует всю иерархию ступеней бытия и ценностей («обитатели мнози»), когда встречает наконец *полный простор*, бесконечный простор Абсолютного.

Как либидо (сексуальности), как это делает возможно при таком всеобъемлющем диапазоне Эроса все же сохранить за ним первоначальное значение Платон и за ним Фрейд?

Трансцендирующая природа *стремления* дает ясный исчерпывающий ответ. Либидо есть *стремление*, и, след., транс, первый и естественнейший выход из себя, выход за пределы всякого «аутоэротизма» (Ichtrieb), начало всякого самоотвержения, всякого искания полноты и бесконечности¹. Но это лишь *первая ступень стремления*. Она оставляется позади. Сущность Эроса раскрывается в том удивительной факте, что вся истинная «влюбленность» *трансцендирует* за пределы сексуальности и воспринимает напоминание о ней как профанацию любви. Но далее истинная любовь *трансцендирует* за пределы прямого объекта любви, она обнимает луну, солнце, звезды, весь космос...

«На звезды глядишь ты, звезда моя светлая»...

¹ Бесконечность в смене поколений, полнота в андрогинном соединении, самоотвержение в родительной и супружеской любви — вот ценности первой ступени Эроса, открытые Платоном.

Если правда, что истинная любовь делает потом, то это значит, что она делает *творцом* (poihthz) и, следовательно, поднимает на новые ступени бытия, где воплощаются новые идеи, смыслы, ценности.

Конечно, все эти трансы, совершаемые стремлением, будут для Фрейда *иллюзией*, но тогда иллюзией будет не только влюбленность, но и поэзия, и искусство, и культура, и мораль, и, конечно, религия. Сублимация для Фрейда невозможна, ибо *сублимация для Фрейда иллюзорна*. Сублимация возможна лишь в совершенно ином мирозерцании.

Шелер справедливо указывает на абсолютную *разнокачественность* различных стремлений и их несводимость на одно какое-либо стремление, напр., на сексуальное. В этом смысле вполне верно, что любовь к отцу, к матери, к сестре, к возлюбленной — *качественно различна*, представляет как бы различные категории любви. «Святая любовь» Франциска Ассизского никаким образом необъяснима эволюционно из сексуального влечения. Такое объяснение есть просто неспособность видеть то качественно новое и высшее, что дается на высших ступенях, неспособность видеть новую категорию¹.

Все это верно, но Шелер недостаточно подчеркивает *единство стремления*. Стремление, как было показано, всегда тендирует к тому, чтобы образовать «всепоглощающий аффект», иначе нарушается единство личности. Шелер, в своем плюрализме эмоций и стремлений, не оценивает *истинной сублимации*. Она состоит в том, что различные стремления, в своей бесспорной качественной самостоятельности, не стоят индифферентно рядом, а образуют систему взаимного проникновения и соподчинения. Это ясно уже из того, что в каждом стремлении дано переживание *особой ценности* (как это справедливо отметил Шелер), а ценности образуют иерархическую систему соподчинения.

Иерархически низшее стремление может входить, как интегральный момент, в некоторый высший комплекс, причем в этом высшем комплексе оно своеобразно преображается и облагораживается, не переставая все же быть самим собою. Вот смысл истинной сублимации, как он намечен в «Пире» Платона. И сам «Пир» представляет наилучший символ такой сублимации: в нем дано симфоническое единство многообразных эмоций и стремлений — дружеских, эстетических, эротических, диалектических, философских, мистических; и вот невозможно отрицать, что в этом интегральном единстве присутствуют низшие влечения — гастрономические. Иначе «Пир» не был бы пиром. Хлеб и вино могут лежать в основе самого высшего общения людей. Самая духовная любовь имеет своим первым требованием накормить голодного.

В той изумительной симфонии, которая называется «Пиром» Платона, присутствуют голоса низших витальных влечений, но они преображены до

¹ Scheler. Op. cit. S. 232–235, 209–211.

неузнаваемости, вознесены до недоступной высоты. Это еще вино и вместе с тем как будто уже не вино — то, что опьяняет Сократа.

«Пир» Платона имеет «экономический фундамент». Но настоящей профанацией будет сказать, что *SummTision* есть только сублимированный аппетит и сублимированное пьянство!

СУБЛИМАЦИЯ КАК ЗАВИСИМОСТЬ ОТ АБСОЛЮТНОГО

SUMMUM BONUM

Этика сублимации есть этика «благодати», а этика благодати есть этика религиозная. Вершина сублимации есть *qeiws...z*, обожение. Предел совершенства есть Абсолютное Совершенство, или Бог («будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершенен»). А без принципа совершенства нет никакого «усовершенствования», никакого свершения, никакого творчества, никакой предельной оценки.

Можно ли такую точку зрения защищать пред лицом современной свободной науки и философии? Не является ли она исключительно богословской, связанной догматическими предпосылками ортодоксии? Ее защищать можно, но лишь пред лицом *свободной* мысли, не связанной догмами нигилистической веры, атеистической инквизиции. Ее можно защищать посредством свободного диалога, свободной диалектики. И прежде всего в таком диалоге сталкиваются два значительнейших представителя современной науки: Шелер утверждает принцип религиозной этики; Гартман его отрицает.

С нашей точки зрения, вопрос решается так: *сублимация* всеобъемлющая и предельная (не частичная и условная) невозможна без *sublimissimum*, без *summum bonum*, без абсолютного совершенства, без аксиологического Абсолюта. Такова великая традиция Платона, Плотина, Фихте, Шеллинга; ее же поддерживает Шелер. При этом *summum bonum* вовсе не должно быть рациональным, понятным; скорее напротив, оно необходимо выходит за пределы всего известного, понятного и потому необходимо «мистериозно» (Платон и вся христианская мистика).

**Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса.
Проблемы Закона и Благодати.
М., 1994, с. 43–47, 52–54, 109–114**

Психоанализ

Ю. В. Каннабих

ПСИХОАНАЛИЗ, метод психологического исследования и психотерапии, созданный и разработанный венским психоневрологом проф. *Фрейдом* (см.).

Основой его является метод «свободных ассоциаций», состоящий в том, что больному предлагается сообщать вслух все приходящие ему в голову мысли, какими бы они ни казались ему тягостными, нелепыми или не относящимися к делу. Эти высказывания обнаруживают в психике человека огромный запас переживаний, о которых сам он не имел ясного представления. Содержание их врач-психоаналитик подвергает специальному анализу, таким путем врач выясняет происхождение заболевания и значение его симптомов.

Основной теорией Фрейда является положение о «вытеснении» из сознания больного таких воспоминаний, которые, будучи связаны с тягостными чувствованиями, являются для него неприемлемыми; последние однако вместе с соответствующими представлениями не исчезают без остатка из психики, но продолжают свою деятельность под порогом сознания (в «бессознательном»), давая о себе знать в образах сновидений, в оговорках, описках и др. мелких ошибках повседневной жизни и наконец в невротических симптомах, которые по теории Фрейда всегда имеют тайный смысл, который и должен быть обнаружен путем анализа.

Важной составной частью учения является теория т.н. парциальных (частичных) половых влечений, которые имеются уже у маленького ребенка, находя выражение в чувственных переживаниях, связанных с актами сосания, дефекации, поглаживания и т.д., и лежат часто в основе некоторых половых извращений, как-то: гомосексуализм, фетишизм и пр.

Как метод лечения П. имеет в специальных случаях бесспорное значение.

Однако чрезмерное распространение теории Фрейда на ряд самых разнообразных явлений культурной и социальной жизни является неправильным.

*Каннабих Ю. В. Психоанализ.
Малая советская энциклопедия, т. 7,
М., 1931, с. 20*

К критике фрейдистской теории детской сексуальности

П. П. Блонский

1. В настоящее время наибольшей популярностью пользуется фрейдистская теория детской сексуальности, и даже те, которые, вообще говоря, не фрейдисты в этом вопросе, нередко следуют за Фрейдом.

В предыдущих статьях не раз подвергались критике методические положения Фрейда, но эта критика производилась при случае, и сейчас следует развить ее систематически.

Перед Фрейдом стояла задача выяснить детские сексуальные переживания. Простое внешнее наблюдение, как видели в начале данной книги, плохо справляется с этой задачей. Поэтому надо искать другой источник, как более основной. Для меня таким источником явились анамнезы взрослых. Основной метод моей работы — ретроспекция. Этот метод дает богатый материал по детским сексуальным переживаниям, но на основе этого материала никакой фрейдистской теории детской сексуальности построить нельзя. Того, что фрейдисты рассказывают нам о детской сексуальности, мы не только не можем непосредственно наблюдать на детях, но не можем подтвердить нашими воспоминаниями о своем детстве: мы не наблюдаем этого на детях и мы не находим этого в воспоминаниях о нашем собственном детстве.

Отсюда, казалось бы, может следовать только один вывод: значит, фрейдистская теория вообще несостоятельна. Но Фрейд, чтобы спасти свою теорию, опорочивает ретроспекцию. Он развивает свое учение об амнезии ранних сексуальных переживаний. Это учение, в сущности, представляет собою нечто вроде следующего силлогизма: неприятное забывается, воспоминания о ранних детских сексуальных переживаниях неприятны, значит, они забываются.

Учение о забывании неприятного пользовалось признанием в психологии еще со времен Гербарта, но особенно упрочилось оно в результате экспериментальных исследований памяти, которые в лабораторных условиях обнаруживали тенденцию забывать слова с неприятным содержанием. В своей неоднократно цитированной выше работе о первых воспоминаниях детства я доказал, что эти воспоминания почти сплошь воспоминания или о неприятном, или об удивившем, но удивление с генетической точки зрения — рудимент страха (Дарвин, К. Бюлер). Именно страх, боль, удивление и т.п. — сильнейшие мнемонические факторы. Да иначе и быть не может: если бы живое существо забывало опасное или причиняющее боль, оно очень быстро погибло бы. Если бы учение о забывании неприятного было верно, то весь животный мир, включая сюда и человека, не выжил бы и одного дня. Ссылка на лабораторные опыты ничего не доказывает: во-первых, в лабораторных условиях сильные неприятные стимулы (сильный испуг, сильная боль и т.п.) отсутствуют, и потому на основании лабораторных

опытов данную проблему нельзя решать; во-вторых, в лабораторных условиях исследовали только непродолжительное запоминание, а не длительное, тогда как мной доказано, что процент воспоминаний о неприятном сильно увеличивается по мере длительности воспоминания: в воспоминаниях моих испытуемых студентов из вчерашнего дня процент воспоминаний о неприятном был всего только 18, но из текущего года уже 38, а из жизни до университета — 64, то есть почти 2/3. Таким образом, экспериментальное обоснование учения о забывании неприятного несостоятельно.

В своей «Психопатологии обыденной жизни» Фрейд пробует обосновать это учение различными казусами, взятыми из повседневной жизни. Но, во-первых, его материал — не систематический, а казусный и приводимые им случаи могут рассматриваться только лишь как примеры, иллюстрации его тезисов, но пример ничего не доказывает. Таким методом — подбора случайных фактов — можно доказать что угодно, вплоть до тезисов, что сновидение предсказывает будущее: если в ряде случаев мы забываем неприятное, то в ряде других случаев мы помним его, и Фрейд не доказал, что первый ряд многочисленнее второго. На одну зачитанную по забывчивости книгу, отдать которую нам не хочется, приходится масса книг, которые мы не забываем отдать, хотя отдаем скрепя сердце. Наконец, даже те подобранные факты, которые приводит Фрейд, истолковываются им недостаточно исчерпывающе, и остается открытым вопрос, забывание ли здесь играет роль или желание, воля, интерес субъекта. Во втором случае (а вероятней всего, как раз именно он имеет место) все сводится к положению: человек стремится (сознательно или бессознательно) действовать согласно своим интересам. В его интересах бывает, смотря по ситуации, иногда помнить нежелательное, иногда забывать его. Никакого анализа таких ситуаций Фрейд не дал, а ограничился слишком поспешным обобщением: человек склонен забывать нежелательное. На самом же деле даже его подобранные примеры говорят лишь за то, что человек склонен забывать то, помнить что не в его интересах. Итак, первая посылка силлогизма Фрейда неверна. Ее надо изменить так: некоторые неприятности забываются.

Также неверна и вторая посылка Фрейда: воспоминания о ранних сексуальных переживаниях неприятны. Фрейд аргументирует это запретным характером этих переживаний. Но ведь как часто запретное, греховное и т.п. бывает особенно привлекательным и приятным. Далеко не все воспоминания о ранних сексуальных переживаниях неприятны. Наоборот, как подтверждали некоторые из опрошенных мною, иные эпизоды из ранней сексуальной жизни вспоминаются с большой охотой и даже временами служат материалом для эротических грез взрослого, особенно во время занятий онанизмом. Значит, максимум, что мог утверждать Фрейд, это — что воспоминания о некоторых сексуальных ранних переживаниях неприятны. Из посылок: «некоторые неприятности забываются» и «некоторые воспоминания о ранних сексуальных переживаниях неприятны», как из двух частных посылок, никаких общих выводов не следует. Максимум, что можем

предположить, так только то, что «некоторые неприятные воспоминания о ранних сексуальных переживаниях забываются». Но кто не знает, что индивидуум не все помнит из своей ранней сексуальной жизни. Из этого следует, что ретроспекция должна дополняться другими методами и что ее надо собирать у многих лиц, чтоб компенсировать индивидуальные забывания. Но из этого не следует фрейдистское учение об амнезии.

Я приведу из своего материала один пример, иллюстрирующий, что в действительности может иметь место как раз обратное тому, что утверждает Фрейд. Маленький мальчик 4 1/2 лет открыл, что у его няни на половых органах волосы. Тогда он смастерил себе какое-то приспособление, смысл которого — чтоб и у него также были волосы. Это было обнаружено. Родители устроили очень бурную сцену, ребенок дрожал от страха во время ее. В заключение он был жестоко избит. В результате он запомнил на всю жизнь этот эпизод, а к волосам на женских половых органах у него также на всю жизнь получилось нечто вроде фетишистского отношения.

II. Основной метод фрейдистов — психоанализ, а основной материал — взрослые психопаты. Но в сильной степени фрейдисты пользуются также анамнезом психопатов и наблюдениями над поведением и разговорами детей. Но как раз эти наблюдения не имеют систематического характера. Обыкновенно они фигурируют в работах фрейдистов как пример, иллюстрация того или иного фрейдистского тезиса, причем этот пример дается в известной интерпретации. Интерпретация чаще всего основывается на аналогии.

Критиковать фрейдистские исследования значит критиковать, прежде всего, доказывание посредством примеров. Примером можно доказать все, что угодно. Но точно так же все, что угодно, можно доказать посредством сравнения, аналогии. Максимум, что в ряде своих исследований имеют право утверждать фрейдисты, это — предположение, гипотезу: «такой-то факт можно интерпретировать так-то», «на основании такого сходства можно предположить то-то». Конечно, гипотезы стимулируют научное исследование, и история фрейдизма очень хорошо подтвердила это: изучение детской сексуальности очень оживилось благодаря фрейдистским книгам и статьям. Но прочным достоянием науки являются лишь проверенные гипотезы, то есть обоснованные теории. Фрейдистов можно упрекать за то, что они засорили сексологию множеством гипотез, в лучшем случае бездоказательных, в худшем фантастических, притом выдаваемых за безусловно достоверные. Сплошь и рядом фрейдист говорит: «Есть то-то», тогда как он имеет право говорить лишь: «Такой-то факт вызвал у меня предположение, что, может быть, есть то-то».

О психоанализе, как методе изучения детской сексуальности, уже говорилось в первой главе этой книги, и здесь не стоит повторяться. Напомню лишь о той опасности, которой то и дело подвергается пользующийся психоанализом исследователь — принимать одну из возможных интерпретаций данных психоанализа за единственно возможную.

Вот почему фрейдистские интерпретации психоанализа психопатов обычно кажутся нам произвольными.

Следует подчеркнуть также, что, хотя фрейдисты считают психоанализ основным своим методом, на самом деле в обосновании их выводов он играет гораздо меньшую роль, чем можно было бы ожидать. Случайные факты несистематического наблюдения и аналогии в большой мере применяются фрейдистами.

К чему же все это приводит? Посредством примеров и аналогий можно «доказать» все, что угодно. При психоанализе легко можно одно из проблематических объяснений принять за единственно возможное (а только такое — действительно научное). Так открывается широкое поприще для создания всяких «возможных» фантазий, фантастических или, в лучшем случае, проблематических предположений. С другой стороны, превратное отношение к анамнезу, выражающееся у фрейдистов в том, что они, исходя из ложной теории памяти, неправильно и чересчур недоверчиво относятся к анамнезу нормальных взрослых, в то же время относясь до наивности доверчиво к анамнезу психопатов, приводит к тому, что они развязывают себе руки в отрицании фактов, утверждаемых нормальными людьми, и в возведении в ранг общих истин рассказов психопатов.

III. Нами дана общая критика фрейдистских приемов изучения детской сексуальности. Дадим теперь более конкретную критику этих приемов: рассмотрим метод фрейдистов в действии, то есть их исследования детской сексуальности. Самые ранние стадии развития полового влечения (либидо) Фрейд называет прегенитальными, так как не половые органы играют в них первую роль. На первой из этих стадий такую роль играет рот. Таким образом, самая ранняя прегенитальная стадия — оральная. «Сосание можно рассматривать как остаток этой воображаемой фазы организации (к признанию существования каковой мы вынуждены данными патологии)». Итак, данные психопатологии, в первую очередь психоанализ невротиков, заставляют нас признать существование оральной прегенитальной организации, и наблюдения над сосанием грудного младенца подтверждают это.

Либидинозный характер сосания у младенца открыл еще в 1876 г. Линднер, и Фрейд лишь примыкает к его наблюдениям «Кто видел, как насыщенный ребенок отпадает от груди с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни». Итак, у насыщенного сосанием младенца наблюдается определенная мимика; при сексуальном удовлетворении в последующей жизни наблюдается аналогичная мимика; следовательно, сосание имеет либидинозный характер, данное состояние — оргазм.

Но и в этом рассуждении несомненно злоупотребление аналогией: внешнее сходство еще не доказывает однородности данных явлений. Элементарно логический характер допущенной ошибки состоит в том, что из

того, что А есть В и С есть В, еще не следует, что А есть С: роза — цветок и фиалка — цветок, но роза все же не фиалка. Мимика удовлетворенности наблюдается во многих случаях — при насыщенности, при сексуальном удовлетворении, в момент глубокого счастья, при легком опьянении алкоголем и т.д. Вот и все. Единственное, что отсюда можно вывести, это только то, что насыщенность, сексуальная удовлетворенность, глубокое счастье, легкое алкогольное опьянение и тому подобные состояния — состояния довольства — сопровождаются чувством довольства. Легко представить, до какого абсурда мы договорились бы, если б начали ставить знак равенства между состояниями, где имеет место побледнение щек и хмурение бровей.

Два других аргумента, которыми обычно подтверждают либидинозный характер сосания, еще более слабы. Первый: дети усиленно предаются сосанию, даже когда оно не служит насыщению. Второй: с сосанием сочетается влечение к хватанию, но это же влечение к хватанию приводит младенца к мастурбированию, и так можно установить постепенность перехода от сосания к мастурбации. После неврологических работ Магнуса, Гампера, Пейпера, блестяще выяснивших детали нервного механизма этих рефлексивных движений, вышеприведенные аргументы кажутся нам детски-наивными, пожалуй, даже архаическими. С генетической точки зрения хватание первоначально не влечение, а рефлекс, и с этой же точки зрения сосание первоначально также ряд рефлексов, а движения рук младенца при сосании неврологически объясняются как рефлекс, вызываемые движениями головы. Неврологическое объяснение сосания и хватания у младенца — одна из блестящих глав современной неврологии, создавшаяся в результате исследований различных явлений, связанных с эпидемическим энцефалитом, и знаменитых экспериментов Магнуса и еще не известная в то время, когда Линднер, а за ним и Фрейд создавали свое учение о либидинозном характере сосания. Фрейдисты в данном случае неправильно переносят в психологию влечений то, что с генетической точки зрения является проблемой рефлексов. Для чего же фрейдистам надобится неверное утверждение, что сосание и хватание — влечение? В конечном счете для оперирования силлогизмом: сосание и хватание — влечения, связанные не только с едой; влечение — либидо (общеизвестно, как чрезмерно широко понимают фрейдисты либидо); значит, сосание и хватание имеют либидинозный характер. Получается нечто вроде плохой игры словом «влечение».

Совершенно бесспорна первоначальная функция сосания как акта еды (принятие жидкой пищи), и столь же бесспорна первоначальная функция рта как органа принятия пищи. С генетической точки зрения рот — орган принятия пищи, и с той же точки зрения жидкая пища — первичная. Поэтому нет ничего загадочного в том, что в онтогенезе рот является первым по времени органом активного отношения к миру, и «ротовое» отношение, отношение всасывания — самое первоначальное активное отношение

родившегося младенца к миру, которое потом осложняется и оттесняется мануальным и созерцающим отношением.

Нет ни малейшего основания это «ртовое» отношение интерпретировать как либидинозное.

Фрейд, указывая на поцелуй, заключает, что рот и в дальнейшем не теряет эрогенного значения. Но раз не было доказано, что он изначально имеет это значение, то нет оснований говорить здесь: «Не теряет». Почему не сказать тогда, что имеют либидинозный характер общеизвестные массовые движения конечностей новорожденного, в частности рефлекс Моро. на том основании, что он представляет известную аналогию с объятиями взрослых, а последние обнимаются во время любовных отношений? До последней степени поверхностными аналогиями между сосанием младенца и сексуальным поцелуем, аналогиями, которым ничем в своей основательности не уступает наша пародийная аналогия между охватывающим рефлексом л сексуальными объятиями, фрейдисты подменяют то единственное, что в данном случае должен был сделать серьезный научный исследователь — дать генезис поцелуя.

Критиковать же голое декларативное заявление, своего рода научно-подобное вещание, нет надобности: обязанность доказать происхождение сексуального поцелуя из сосания лежит на фрейдистах. В критике нет нужды еще и потому, что науке известны несравненно более обоснованные теории поцелуя. Я назову в виде примера хотя бы теорию Риверса, развитую в его книге «О человеческих влечениях». Пренебрежительное народное сопоставление поцелуя с лизанием несравненно ближе к истине, чем фрейдистские анализы.

Следующая цепь фрейдистской аргументации может быть представлена следующим силлогизмом: в ряде половых извращений рот выполняет сексуальную функцию; эти извращения своего рода атавизмы или, точнее, инфантилизмы: следовательно, рот выполнял аналогичную функцию в раннем детстве. В этом силлогизме первая посылка формулирована чрезвычайно расплывчато: в одних случаях речь идет о сближении извращений с сосанием, в других — о замещении полового органа. Но выводить *cunnilingus* и *fellatio* из сосания (а не лизания) еще большая ошибка, чем это было по отношению к поцелую. Совсем уже грубая ошибка аргументация сосанием груди при сексуальных отношениях, так как сексуальное удовлетворение от этого вследствие нервной связи груди и матки получает женщина, а не ее партнер, который, если иногда эротизируется в этом случае, то лишь сознанием вызываемого сексуального возбуждения женщины. Не менее странно также в виде аргумента указывать на *coitus in os*. так как в половых извращениях заместителем половых органов является не только рот, но и разные другие части тела. Таким образом, первая из вышеприведенных посылок — коллекция грубейших фактических ошибок. Вторая же посылка — характерное для фрейдистов «вещание».

Откуда они взяли, что эти половые извращения инфантилизм? Они имели б право утверждать это, если б установили рядом фактов диетическую

связь этих извращений с сексуальными проявлениями у маленьких детей. Конечно, они не видели никогда и нигде детей младшего дошкольного детства, практикующих *cunilingus* и *fellatio*, сосание груди своей сексуальной партнерши и т.п. В истории науки редко встречается такая чепуха, какой является фрейдистский тезис об инфантильном характере этих половых извращений. Итак, какой же вывод может получиться из столь вопиюще ошибочных тезисов?

Сами фрейдисты придают в доказывании существования оральной прегенитальной стадии огромную роль психоанализу невротиков: «Психоанализ невротиков показывает, что очень часто рот теряет свое значение только для сознания, но в бессознательном значение это сохраняется и дает знать о себе сознанию с помощью тех замещающих образований, которые известны нам в качестве невротических симптомов» (Абрахам).

В «*Les Medications psychologiques*» Жане замечательно остроумно и верно сказал о фрейдистском психоанализе: «Он показывает, как могли бы объясняться явления в том случае, когда было бы окончательно допущено сексуальное происхождение невротиков». Основанные на психоанализе фрейдистские интерпретации невротических симптомов обычно проблематичны: так могло бы быть, если уже установлено, что единственная и притом первоначальная основная причина данного невроза — сексуальная. Если мы хотим критиковать фрейдистские интерпретации невротических симптомов, сделать это можно лишь посредством следующих двух вопросов: установили ли уже они, что данный симптом — сексуального происхождения? Даваемая ими интерпретация является ли единственно возможной?

Из фрейдистских работ о самой ранней (оральной) прегенитальной стадии развития либидо выделяется своей обстоятельностью работа Абрахама. В ней мы имеем богатую коллекцию произвольных фрейдистских интерпретаций. Хотите знать, почему некоторые дети с трудом отучиваются от груди? Фрейдисты не лезут в карман за ответом: эти дети стремятся удержать наслаждение, извлекаемое ими из сосания благодаря тому, что губы являются эрогенной зоной. Совершенно ясно, что с такой же легкостью и с такой же неосновательностью можно придумать бесчисленное количество подобных объяснений. Впрочем, Абрахам прибавляет: «Опыт показывает, что лица, долго не расстающиеся с удовольствием, доставляемым ребенку сосанием, обычно страдают в дальнейшем развитии своей сексуальности: развитие это тормозится и задерживается». Где, какой опыт это показывает, конечно, об этом не говорят. Приходится верить, что «опыт показывает». Скептически настроенный читатель, конечно, сказал бы, что опыт не подтверждает, так как иначе данные его непременно были бы приведены. Сколько учтено людей, долго не расстававшихся с сосанием? Сколько из них неразвито в сексуальном отношении? Каков коэффициент корреляции? Делается вывод, основанный на статистическом материале, а этого материала нет. Как же назвать тогда этот вывод, как не фантазией?

Но допустим на секунду, что «опыт показывает». Почему из факта, что упорные сосуны впоследствии сексуально неразвиты, следует вывод, что сосание имеет либидинозный характер? Казалось бы, из этого следует сделать как раз обратный вывод. Но фрейдисты находчивы: «либидо не находит нормального пути к живому объекту, к человеку; оно ищет удовлетворения прежде всего по возможности с помощью приема пищи по способу сосания». Но вот другой, прямо противоположный случай: у одного схизофреника, к анамнестическим рассказам которого, несмотря на то что это психически больной, Абрахам относится с легендарной доверчивостью, сосание сочетается с явной сексуальностью. Вывод прост: в данном случае «нет места ни малейшим сомнениям, что сосание молока имеет сексуальное значение». Словом, фрейдисты решили вести беспроигрышную игру: если явление А встречается там, где имеет место повышенная сексуальность, дело ясно: А — сексуальное явление. Но если то же А встречается и там, где имеет место пониженная сексуальность, дело также ясно, так как здесь произошло «замещение», и А по-прежнему сексуальное явление. Мы, не фрейдисты, из факта, что А иногда встречается у людей с повышенной сексуальностью, а иногда — с пониженной, сделали бы единственно вероятный вывод: А не связано с сексуальностью.

Но фрейдисты не таковы. Почему у некоторых больных волчий аппетит? Ясно: рот становится снова эрогенной зоной. А почему у некоторых больных нет аппетита? Тоже ясно: вытесненный сексуальный инфантилизм принял совершенно противоположный первоначальному вид. Сразу три открытия: решена проблема патологического голода, решена проблема отсутствия аппетита и утверждена сексуальная роль еды и нееды, то есть всего на свете.

Не стоит тратить время на дальнейшую критику подобных приемов объяснения.

IV. Я не стану критиковать учение Фрейда о второй (садически-анальной) прегенитальной стадии развития либидо: там те же самые приемы объяснения фактов и обоснования теорий. Критика вышла бы однообразной и рисковала бы наскучить: все те же поверхностные аналогии вместо научно строгих доказательств, все та же наивная доверчивость к анамнестическим рассказам психически больных, все те же произвольные интерпретации, предназначенные объяснять все, что угодно и как угодно. Вместо этой детальной критики я ограничусь выпиской из уже цитированного мною П. Жане, где он с блестящим французским остроумием высмеивает фрейдистские хитроумные объяснения весьма простых и «понятных вещей»: «Больной вам сказал, что когда-то он имел желание быть сыном великого человека, короля или крупного богача, вместо того чтобы быть сыном мелкого буржуа. Это очень характерно. Это показывает, что у него было в это время желание устранить своего отца, удалить его, так сказать, из своей жизни. Почему? Очевидно, потому что находился в соперничестве со своим отцом, потому что он питал сексуальную любовь к своей матери и образовал

знаменитый «комплекс Эдипа», играющий очень важную роль в этой несколько специальной психологии. Один молодой человек признался, что в начале своей романической карьеры он питал нежное чувство к женщине, которая была старше его: это очень просто, это доказывает, что он был влюблен в свою мать и перенес это чувство на старых женщин, которые являлись для него как бы добавочными матерями. Другой молодой человек признался, что неоднократно он питал любовь к кокетливым и малодобродетельным женщинам. Объяснение очень просто: у него была когда-то, очевидно, любовная страсть к своей матери и он, к своему отчаянию, узнал природу отношений между матерью и отцом; «комплекс Эдипа» стал активным, и он пожелал, чтобы его мать стала неверной отцу, вероятно, в его пользу. Это в результате такого романа детства многие мужчины питают слабость к кокеткам и женщинам, ведущим плохой образ жизни.

Впрочем, если нужно, разъяснят таким же образом явления и более простые. Скажем, субъект имел привычку в детстве делать пирожки из песка или еще раньше сосать палец. Это служит достаточным указанием на ранние сексуальные пертурбации. Немного позже любовь к пианино имеет тесное отношение к мастурбации. С особенным подозрением надо относиться к ощущениям и чувствам, относящимся к анусу маленьких детей, так как известно, что «анус — эротическая зона», которая может развиваться независимо от других: «кишечные заболевания, которые часты в раннем детстве, чрезмерно возбуждают эту зону и готовят различные невроты». Курт Мендель изображает несколько иронически, без сомнения, но очень удачно эту заботу «фрейдистов» истолковывать явления, относящиеся к анусу маленьких детей. «Может быть, — говорит он своему ребенку, — ты не захотел идти на горшок перед тем, как ложиться спать, ты отказался освободить свою прямую кишку, потому что ты надеешься извлечь сладострастное наслаждение из дефекации, вот почему тебе приятно задерживать экскременты».

Учение Фрейда о второй прегенитальной стадии развития либидо — садически-анальной стадии — еще более фантастично, чем его учение об оральной стадии. В последнем учении было все же некоторое стремление опереться на факты (сосание) хотя бы при помощи поверхностных и неправильных аналогий, и характерно, что в популярных фрейдистских книжках ссылки на эти аналогии обычно всегда фигурируют на первом плане, хотя и сам Фрейд, и его ученики (в данном случае, например, Абрахам) определенно подчеркивают, что в открытии этой стадии решающую роль играл психоанализ. Но в учении о садически-анальной стадии исчезает уже какая бы то ни было фактическая основа, даже в виде классических по своей поверхности аналогий. Несмотря на то что малютка психологически уже доступен нашему наблюдению в значительной мере, мы, при всем своем старании, не находим в фактах его жизни никакой основы для утверждения, что у него имеются эротические садические переживания, что он испытывает сладострастные ощущения, относящиеся к дефекации. Учение

Фрейд о садически-анальной стадии всего лишь ряд психоаналитических умозаключений, весьма хитроумных и сложных, в которых вовсе нет никакой нужды при объяснении тех или иных детских поступков и высказываний, обычно вполне понятных и без таких объяснений.

Точно так же и знаменитый «комплекс Эдипа» заслуживает лишь той критики, которую дал ему Жане в вышеприведенной цитате: для критики его достаточно показать, насколько просты и понятны те повседневные факты, для фрейдистского объяснения которых сооружается при помощи сложнейших цепей всевозможных умозаключений пресловутый «комплекс Эдипа».

Нет оснований критиковать то, что не опирается на факты, имеющие непосредственное отношение к сексуальности ребенка. Достаточно в этом случае лишь показать ненужность, произвольность и громоздкость психоаналитических умозаключений.

V. Фрейдизм в одном отношении очень напоминает «науку» богословов: так же, как она, «знает» неизвестное и утверждает то, чему остается лишь верить без всякой проверки. «Вы думаете, что происхождение жизни и мира — трудные, еще мало известные вопросы? — говорят богословы.— Ошибаетесь, все это мы великолепно знаем до малейших деталей, читайте нашу книгу Бытия. Вы думаете, человек умер и всему конец? Нет». И они начинают рисовать посмертную жизнь: «Когда умрете, проверите к убедитесь».

Фрейдисты действуют в том же духе. Они берут самый ранний возраст, о переживаниях которого у нас не сохранилось почти никаких воспоминаний, и начинают самым уверенным тоном рассказывать об этом возрасте множество эротических легенд. Но мы не помним ничего подобного? Тем безбоязненной фрейдист утверждает. Но в поведении, в поступках малышей мы не видим явного эротизма? Это также не смутит фрейдистов. Они говорят, заметьте, не о поступках (это можно было бы проверять посредством наблюдения), а о переживаниях — о переживаниях грудных младенцев и малюток. Область, надо сознаться, действительно темная.

Для того чтобы отрицать существование бога, нет надобности отправляться проверять рассказы о нем на небо, и для опровержения рассказов о сотворении мира и посмертной жизни нет нужды быть самим во времена образования солнечной системы или отправляться «на тот свет». Точно так же, чтобы не стать фрейдистом, достаточно подметить, что забираются в самые темные области (переживания грудных младенцев и малюток), отбрасывают научные методы исследования (систематическое наблюдение, эксперимент над изучаемыми субъектами, анамнез и т.д.) и пускают в ход сомнительные приемы.

Но вот мрак редет. Мы подходим к старшему дошкольному детству, которое при помощи ретроспекции представляем не так уж плохо, да и ребенок этого возраста уже лучше выражает свои переживания, которые

стали и богаче, и сложнее. Фрейдистам с их фантастическими эротическими легендами трудно работать в нетемной области' здесь всякий воочию видит несоответствие этих легенд реальной действительности детской жизни. Фрейдистам остается только ретироваться. Но они избирают отступление с почетом. Они заявляют: отныне наступает затишье в половой жизни ребенка, и это затишье продолжается вплоть до эпохи полового созревания. Чем объясняется такое внезапное наступление затишья, отчего оно вдруг начинается в старшем дошкольном возрасте и длится до подросткового возраста, это, пожалуй, один из тех весьма немногих вопросов, на которые фрейдисты не спешат ответить.

Но мы и не станем допытываться у них ответов. У нас уже есть свое объяснение: о старшем дошкольном возрасте, а тем более о младшем школьном возрасте, о возрасте, который мы до известной степени уже помним из своей жизни и который в своих высказываниях психологически доступнее нам, сочинять фантастические эротические легенды значило бы идти на верный провал: даже самые легковверные читатели, и те усумнятся. Иное дело — душевные, в частности сладострастно-эротические, переживания грудных младенцев-сосунов и сидящих на горшочках малюток: здесь широкий простор для фантазии и здесь всегда найдутся легковверные читатели.

Но, так или иначе, фрейдисты утверждают, что с 5 лет до полового созревания с либидинозными переживаниями детей дело обстоит тихо, и в этом мы не станем с ними спорить. Но это затишье — внезапно ли оно наступает, ни с того ни с сего, или ему предшествует еще большее затишье? Нам кажется правдоподобней второе предположение. Физиологически неправдоподобно, чтоб с возрастом сексуальные переживания детей затихали — примерно с 5 до 12–14 лет. Больше того, материал наших исследований убедил нас в том (да это ясно каждому даже и без особых исследований из своих воспоминаний и из наблюдений за детьми), что, наоборот, как раз в этих возрастах детская сексуальность начинает все больше и больше проявлять себя. Насколько фрейдисты пышно раскрасили в эротические цвета самое раннее детство, настолько скромны они (и это также неверно) по отношению к более старшему детству, здесь дело обстоит вовсе не так тихо, как они изображают. И пожалуй, фрейдистское преуменьшение детской сексуальности в возрасте 5–13 лет вредней их эротических легенд о сексуальных переживаниях младенца-малютки. С фрейдизмом обычно связано представление о крайнем преувеличении детских сексуальных переживаний. Но так же следует связать с ним представление и о преуменьшении детских сексуальных переживаний.

VI. Фрейдизм имел широкое распространение, да и сейчас за границей он пользуется популярностью. Чем объяснить такой успех его?

Не надо забывать, что успех фрейдизма не изолированное явление. Эллис в книге «Только вчера» очень метко связывает бурное увлечение фрейдизмом в Соединенных Штатах с эпохой послевоенного разгула и половой

распущенности. Да и в Европе увлечение фрейдизмом совпадает с периодом, когда половая распущенность достигала апогея. Фрейдизм не одинок. И если рассматривать его на общем фоне (а фон этот — половой разгул среди взрослых, такой же разгул среди подростков, клубы гомосексуалистов и т.п.), тогда основная причина его успеха ясна: это его пикантность, его многочисленные и весьма острые эротические легенды.

Вторая причина его успеха — та же, которая создает успех и мистицизму: он избрал самые темные области — душевные переживания младенцев, малюток и невротиков. В этих областях фантазии открывается большой простор.

Но есть и еще одна причина. Пуританское лицемерие свило прочное гнездо в науке о ребенке, но это лицемерие, ханжески умалчивающее о проявлениях сексуальности у детей, слишком противоречит тому, что мы видим в жизни. Фрейдизм был реакцией против этого ханжества. Он казался более близким к истине, так как многое из того, о чем он говорил, действительно наблюдали у детей, да и метод, которым он любит пользоваться, ассоциативный эксперимент, апробирован психологической наукой. И увлеченные этим большим правдоподобием фрейдизма забывали, что его утверждения относятся не к тому возрасту, какой известен читателю и, как воспитателя, тревожит своими сексуальными проявлениями, а к совершенно другому — гораздо более раннему. Забывали также и о том, что те выводы, которые делал фрейдизм при помощи ассоциативного эксперимента, являются выводами не из классического ассоциативного эксперимента, а сплошь и рядом лишь из подобию его при вопиющем нарушении техники и обработки данных эксперимента.

*Блонский П. П. Очерки детской сексуальности.
М.-Л., 1935, с. 362–372*

Основы психологии (фрагменты)

С. Л. Рубинштейн

<...> Идеалистическая психология духа ищет определяющих индивидуальное сознание факторов в лежащей над индивидуальным сознанием сфере объективного духовного содержания культуры. Ряд других, очень сильных в настоящее время течений переносит центр тяжести в лежащую под сознанием сферу бессознательных инстинктов и влечений, в них ищут основу *глубинной личности*, движущие силы ее развития, подчиняющие себе ее сознательные механизмы. Наиболее крупной и значительной из идущих в этом направлении психологических систем является *психоанализ Фрейда*, от которого затеи ответвилась исторически с ней связанная, но в проблеме биологического и социального стоящая на иных позициях *индивидуальная психология Адлера*.

Психоанализ Фрейда вырос из конкретной клинической практики. Наряду с ложными методологическими идеями он заключает в себе ценный конкретный клинический материал о природе влечений, неразработанной до него главы психологии, и ряд идей, которые психология в своем дальнейшем развитии не сможет не учесть. Таковы принцип детерминированности всех психологических явлений и связанная с ним идея конкретной психологии, понятия и объяснительные принципы которой не должны оставаться исключительно в плане общих категорий и абстрактных функций, а должны объяснять реальную психологию конкретной личности. Но силы, формирующие личность, фрейдизм ищет вне исторических социальных отношений. Глубинные основы и движущие силы личности он усматривает во влечениях, которые он практически сводит к сексуальности.

Теоретически, наряду с основной группой сексуальных влечений, признаются еще в качестве второй группы — сначала влечения «я», затем влечения смерти. Исходящие из биологических глубин организма силы определяют всю деятельность человека; примитивные влечения являются основными ее мотивами. Роль социальных отношений ограничивается чисто негативной функцией вытеснения. Давление социальности, представителем которой внутри личности является «я», осуществляющее социальную «цензуру», вытесняет влечения в сферу бессознательного. Вразрез с проходящим через всю психологию от Декарта и Локка отождествлением психики и сознания Фрейд признает сознание лишь свойством психики, притом свойством, которым она может и не обладать. Психика при этом расчленяется на внешние друг другу сферы — сознательного, бессознательного и подсознательного. Между первыми двумя действуют силы отталкивания; влечения вытесняются в бессознательное; вытесненные, они не могут без маскировки проникнуть в сферу сознания. И на сознательное «я», а «оно» является подлинным ядром личности. «Я» в своем отношении к «оно», по сравнению Фрейда, подобно тому всаднику, который,

гарцуя гордо на коне, лишь держит вожжи и делает вид, что он правит; в действительности же вынужден ехать туда, куда везет его лошадь.

В особенно массивной и одновременно тонко разработанной форме, опирающейся на большой конкретный клинический материал, реализует Фрейд мощные в современной психологии тенденции, направленные к перенесению центра тяжести от высших, исторически сложившихся форм психики к доисторическим, примитивным, «глубинным» ее основам, от социального — к биологическому, от сознания — к бессознательному, инстинктивному.

Эти тенденции находят благоприятную почву и получают широкий отклик в идеологии периода «загнивающего капитализма». Если молодая буржуазия эпохи роста выдвигала на первый план разум и в героические времена Великой французской революции склонна была его обожествить, то сейчас господствующие идеологические устремления направлены к тому, чтобы признать господство иррационального над рациональным, стихийности — над сознательностью, бессознательной телеологии — над сознательным планированием. Эти тенденции находят себе многообразное выражение в ряде популярных психологических систем.

Несравнима с фрейдовской системой по насыщенности, но чрезвычайно показательна, как выразительница аналогичных тенденций, так называемая *гормическая психология Мак-Дугола*. Под «горме» понимается целеустремленная сила влечений, которая мыслится как первичное основное качество всего живого. Из этой первичной творческой силы — «матери инстинктов» — стремится гормическая психология вывести все поведение человека; генеалогия инстинктов должна объяснить все высшие формы человеческой деятельности на основе первичной силы, которая сама не нуждается в объяснении. На вопрос о том, почему человек стремится к тем или иным целям, ответ прост — потому что делать это соответствует его природе». Стремление к целям и ценностям переносится из области духовного в биологическую природу. Биологическая концепция человеческой психологии реализуется на основе виталистической концепции биологии.

В иной, утонченно спиритуализированной форме эти виталистические тенденции выражает и *Бергсон*, утверждающий превосходство связанного с основами жизни бессознательного инстинкта над сознательным интеллектом, прикованным к материи и интересам социальной практики. Навстречу идеализму «сверху» идет идеализм «снизу». В то время как на одном полюсе закрепляется метафизическое понимание духовного, на другом крепнет идеалистическое, виталистическое понимание биологического в человеке.

И в психологии духа и в психологии «влечений» у Фрейда и еще ярче затем у Адлера, а также в психологических течениях, выдвигающих принцип целостности, все рельефнее начинает выступать проблема, совсем почти выпавшая из поля зрения традиционной психологии — проблема личности. *Персоналистическая психология Штерна* попыталась поставить ее в центре психологической системы. Включение проблемы личности в проблематику

психологии является, безусловно, актуальной задачей. Оно необходимо и с точки зрения правильного раскрытия философских и социальных основ психологии и в интересах обоснования практического применения психологии.

Сознание нельзя рассматривать в отрыве от конкретной исторической личности, сознанием которой оно является; только при таком рассмотрении можно вскрыть его реальные, материальные, социальные условия и получить из его изучения выводы, применимые на практике. Но в персоналистической концепции Штерна проблема личности получила ложное преломление. Для того чтобы преодолеть расщепление личности на психическое и физическое — «душу» и тело, Штерн вместо обоснования подлинного психофизического единства выдвинул принцип *психофизической нейтральности личности*. Личность, признанная в основе своей ни психической, ни физической, оказалась чисто метафизическим понятием, лежащим по ту сторону всего реального, физического и психического бытия. Личностью в этом метафизическом смысле был признан не только общественный человек, но также народ, мир, бог — с одной стороны, клетка, неорганические тела — с другой. Личность при этом определяется целостностью и присущей ей целеустремленностью: отличительная особенность сознательной волевой деятельности человека, сформировавшаяся в результате исторического развития, идеалистически превращается в изначальное свойство всего сущего. Лишь перенесение проблемы личности в реальный план, включение личности в систему общественных отношений может создать истинные предпосылки для изучения ее сознания.

Социальная обусловленность психики в буржуазной литературе до сих пор была очень мало разработана. Так называемая *коллективная*, или *социальная*, *психология* большей частью пыталась заменить изучение психики общественного человека в его социальной обусловленности изучением коллектива с тем, чтобы, наоборот, свести формы общественной жизни к психологическим закономерностям. Наряду с этим коллективная психология иногда трактовалась в буржуазной науке как психология толпы (*Ле-Бон*). Основная тенденция этого течения заключалась в том, чтобы доказать, что психология индивида в коллективе, то есть в «толпе», всегда знаменует его деградацию, приводит к нивелировке на низшем уровне, разнудывает зверя в человеке.

Иная серьезная постановка проблемы социальной обусловленности психики дана главным образом в психологических исследованиях, вышедших из французской *социологической школы Дюркгейма* или возникших под ее влиянием. К числу этих работ могут быть отнесены исследования *Леви-Брюля*, *Блонделя*, а также *Пиаже*. Своеобразную психологию, исходящую из социальных форм поведения как центральной проблемы, развивает в последние годы *Жане*; основная идея этой психологии заключается в следующем: высшие психологические функции возникли в результате перенесения индивидуумом на самого себя тех форм социального поведения, которые выработались первоначально в его отношениях к другим

людям. Так, размышление есть спор, внутренняя дискуссия с самим собой. Но проблема социальной обусловленности сознания не получила и в исследованиях французских психологов ни правильного разрешения, ни даже правильной постановки. В работах, исходящих из социологической концепции. Дюркгейма, социальность была понята идеалистически в отрыве от реальных, социально трудовых, производственных отношений людей и их отношения к природе; социальное так же, как и все объективное содержание мира, было сведено к общественному сознанию — к идеологии: социальные отношения — к общению в плане сознания.

Эта идеалистически понятая социальность была внешне противопоставлена биологической природе человека. Психологическое развитие было понято как процесс вытеснения примитивных форм биологически обусловленной психики — психикой социализированной. «Социализированное» сознание общественного человека было отождествлено с общественным сознанием, с идеологией (с «коллективными представлениями»). Психологи, исходившие из этих предпосылок и пытавшиеся избежать полного отождествления идеологии и психологии (*Блондель, Валлон*), пришли к разграничению социализированного сознания человека и несоциализированной «чистой психики» и к утверждению о полной разнородности, неадекватности их друг другу. На основе «социологической» их концепции психологии социализированное сознание общественного человека было снова признано не выражением его преобразованной природы, а кривым зеркалом, искажающим внутреннюю природу глубинного человека; на новых путях, исходящих от социологии, психология снова приближается к идеям — отчасти Фрейда (аутистическое сознание психоаналитиков; примитивное сознание Леви-Брюля; эгоцентрическое мышление Пиаже), отчасти Бергсона (у Блонделя).

Методологические основы современной зарубежной психологии требуют, очевидно, радикальной критики, а все резче обнаруживающиеся в ней фашистские тенденции — заостренной борьбы. Огромный фактический материал, добытый экспериментальным исследованием за последние десятилетия, должен быть переработан советской психологией на основах нашей методологии.

История советской психологии, осложненная наследием прошлого и отчасти связанными с ними перипетиями своего развития в послеоктябрьский период, теперь лишь подходит к разрешению больших стоящих перед ней задач.

Состояние психологии в России накануне Октябрьской революции в основном отражало ее состояние на Западе. Главное отличие заключалось в том, что в соответствии с характером общественных отношений, господствовавших в царской России, метафизические тенденции в психологии, на Западе в довоенный период отступившие на задний план, уступая место экспериментальной психологии, в России занимали еще господствующие позиции. Метафизические тенденции русской философии

(Лопатин), через В. Соловьева связанной с христианским богословием, отражаются и на психологии <...>.

<...> *В сознании человека нет реально отделимых составных частей, из которых одна была бы определена только биологическими особенностями организма независимо от социальных условий, как нет в нем и составной части, которая была бы определена только социальными условиями независимо от биологических (точнее, анатомо-физиологических). Биологическое и социальное входит в единую систему условий. Каждое психологическое явление, взятое во всей своей конкретности, представляет собой функцию единой системы, в которую входят как биологические, так и социальные условия. Одни и другие играют, однако, в ней не одну и ту же роль. Биологическое является первичным условием; но это еще не значит, что оно является основным. Биологическое как бы перекрыто; оно опосредовано социальным. Пользуясь гегелевским термином, можно сказать, что оно «снято»¹.*

Сознание человека насквозь пронизано формирующим его воздействием продуктов общественной практики; его психология опосредована идеологией. В результате индивидуальное сознание, то есть сознание индивидуума, само является «общественным сознанием».

Социальность не остается только внешним по отношению к человеку фактом: она проникает внутрь и изнутри определяет природу его сознания. Через посредство а) языка, речи — этой «общественной формы познания», б) системы знания, являющейся теоретически осознанным и оформленным итогом общественной практики, в) идеологии, в классовом обществе отражающей классовые интересы и, наконец, г) посредством соответствующей организации индивидуальной практики общество формирует как содержание, так и форму индивидуального сознания каждого человека. Поскольку индивидуальное сознание является, таким образом, функцией общественных отношений, оно — *продукт истории. Если развитие психики животных включается в общий процесс биологического развития, то развитие сознания человека включено в процесс исторического развития и совершается на основе определяющих его закономерностей. Сознание — это качественно специфическая форма человеческой психики.* Сознание предполагает возможность выделить себя из природы и осознать свое отношение к природе, к другим людям и к самому себе. Это выделение себя совершается прежде всего в отношениях человека к другим людям. Сознание человека — «изначально общественный продукт».

Осознание это всегда не только переживание, но и соотнесение. Я осознал то, что я делаю, когда я понял значение и учел последствия моего действия, то есть когда я включил его в причинно-следственную связь

¹ Но при этом нужно отметить, что «снять» (aufheben) у Гегеля не значит устранить, а, напротив, сохранить, но только «схоронив», то есть как бы прикрыв или опосредовав. И необходимо подчеркнуть, что значение этого термина у Маркса иное, чем у Гегеля: у Гегеля снятое лишь перекрывается, у Маркса снятие и опосредование означают не простую надстройку, а вместе с тем и перестройку: природа человека остается природой, но становится человеческой природой, преломляясь через общественные отношения.

[См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Подготовительные работы к «Святому семейству».]

событий. Я осознал то, что я воспринял, поскольку я понял его «смысл», то есть установил его предметную отнесенность и мысленно включил его в более или менее обширный контекст предметного мира. *Сознание* в подлинном специфическом смысле слова, *это отличное от чисто субъективного переживания, — предметное сознание.* Оно определяется отношением к существующему независимо от него бытию, которое оно отражает.

Поскольку осознание есть всегда соотнесение и осмысливание, можно говорить о различных степенях сознания и уровнях сознательности в зависимости от того, насколько полно, глубоко и адекватно осознаны предметные связи. Нельзя расчленять психику человека, как это делает Фрейд, на две *внешние друг другу сферы* сознательного и бессознательного. Но, однако, очевидно, что далеко не все, нами переживаемое, в равной мере осознано. Осознанное и неосознанное сплетаются друг с другом в сложном единстве. Не существует у человека, обладающего сознанием, совершенно внеположных сознанию психических переживаний: если они полностью вне сознания, то это физиологические, а не психологические процессы. Но лишь как об идеальном пределе можно говорить о такой полной сознательности, в которой не было бы ничего неосознанного. Сознание всегда включено в связи предметного мира, которые выходят за его пределы; не все связи, от которых зависит содержание сознания, сами являются содержанием сознания. Всякое осознанное содержание обычно включает в себя не до конца и не полностью осознанные зависимости и соотношения. Осознанное и неосознанное вплетены друг в друга. Маркс говорил о несознательности рабочих, на заре капитализма ломавших машины, в которых они видели главных виновников своих бедствий. Ленин, противопоставляя сознательность стихийности, говорил о несознательности русского рабочего класса в 90-х годах. Классики марксизма-ленинизма говорят о бессознательном возникновении идеологии. Во всех этих высказываниях речь идет не об отсутствии у людей психических процессов и не о наличии в них психических процессов, лежащих вовсе вне сознания, а о том, что реальная обусловленность их действия и идеологического содержания их сознания не адекватно ими осознаны. В ходе исторического развития общества и в обусловленном им развитии каждого индивида подвижная, динамическая сфера сознания внутри диалектического единства осознанного и неосознанного все углубляется и расширяется. Развитие сознания — исторический процесс.

То положение, что сознание человека есть «общественный продукт», не означает, что психология — общественная наука в том смысле, в каком общественной наукой является, например, политическая экономия. Предмет психологии *обусловлен общественными отношениями*, но сами общественные отношения не являются предметом психологии. Включить самые общественные отношения в предмет психологии значило бы совершенно неправомерно их психологизировать. Психология человека обусловлена общественными отношениями, поскольку сам человек определен

совокупностью общественных отношений. Но психология изучает не «общественное сознание», не идеологию, а опосредованное общественной, в классовом обществе классовой, идеологией сознание общественного индивидуума. Если в отличие от организма как только биологического индивидуума термином *личность* обозначить социальный индивидуум, построение которого опосредствовано всей совокупностью общественных отношений, в которые он включен, то можно будет сказать, что *психология человека изучает психику как качественно специфическое свойство личности или что она изучает психику исторической личности в единстве ее внутренних и внешних проявлений.*

Включение проблемы личности в психологию является необходимым следствием правильного решения психофизической проблемы. Учение о единстве психического и физического в конкретной форме означает, что психика включается в жизнь организма, а сознание включается в жизнь личности. Всякое изучение сознания вне личности может быть только идеалистическим, так же, как всякое изучение личности, помимо сознания, может быть только механистическим. Однако это утверждение о включении личности в психологическую проблематику в такой общей форме двусмысленно. Личность в целом — не психологическое образование. Психология не может выключить личность из области своего исследования, но она не может и включить ее целиком, поскольку личность, как целое, включает в себя свойства и процессы, изучаемые и анатомией, и физиологией, а в своей деятельности также является предметом социальных наук.

Психология не изучает «целостную» личность, как некое нерасчлененное единство, и в таком смысле личность не изучает и не может изучать ни одна наука. Попытка такого изучения означает по существу отрицание качественной специфичности психологических, физиологических и социальных закономерностей. Из признания специфичности этих закономерностей вытекает необходимость изучения личности различными науками. Психология таким образом не выключает личность из области своего исследования и не делает принципиально несостоятельной попытки комплексно-целостного, всестороннего изучения личности. С полной принципиальной ясностью и четкостью она должна ставить своей задачей изучение не всех вообще, а *психологических* свойств личности, ее сознания.

Однако в известном смысле изучение сознания и психологических закономерностей его развития является изучением целостной личности. Так как личностью человек является лишь, поскольку он выделяет себя из окружающего и соотносится с другими, осознавая свое отношение к ним как отношение, то сознание является существенным атрибутом или, выражаясь языком диалектической логики, качеством личности. Личность — это всегда сознательная личность. Это не значит, что сознание является основным, то есть первичным и обуславливающим собой все остальное в личности. *Сознание*, напротив, является производным, и самым, говоря образно, верхушечным, но именно поэтому и наиболее *интегральным выражением*

личности в ее отношении к миру. Производный характер сознания при этом ни в коем случае не означает, что сознание является в жизни человека лишь бездейственным эпифеноменом. Зависимость сознания от бытия не механическая. Сознание формируется в связи с деятельностью человека. Но, развиваясь, оно приводит к преобразованию самого бытия человека и его деятельности. Чем выше уровень развития, тем эта роль сознания значительнее. Данные сознания не являются всегда абсолютно адекватным выражением личности, как это считает психология, отождествляющая личность с ее самосознанием. Но неправильным было бы считать, вместе с Фрейдом и Адлером, что сознание всегда лишь прикрытие и маскировка личности, подлинная природа которой заключается только в глубинах бессознательного. Весь вопрос в том, как подойти к изучению сознания и как использовать его данные при изучении личности.

Отношения, в которые включена личность и которые выражаются в ее переживаниях, не всегда адекватно отражаются в сознании как отношения. Поэтому всегда возможно и обычно существует большее или меньшее расхождение между реальным отношением личности к окружающему миру и ее идеальным, осознанным отношением. Реальные отношения личности не всегда получают адекватное отражение в сознании как отношения, но, и не будучи даны в сознании как отношения, они объективно определяют сознание и находят себе выражение в ее переживаниях. Из этого вытекает, что психологическое исследование не может замкнуться в той системе отношений, которые даны в сознании как отношения: поскольку все реальные отношения, в которые включена личность, определяют сознание, они должны и могут быть выявлены при изучении сознания. Поэтому изучение сознания должно быть психологическим изучением сознательной личности; в отличие от комплексно-целостного «всестороннего» изучения личности это подлинно целостное ее изучение, поскольку оно изучает не все стороны ее, а существенные отношения, определяющие ее как качественно специфическое целое.

Изучая сознание в его развитии, психология изучает его в процессе становления сознательной личности.

Если понятие жизни поднять над уровнем только биологических функций организма, и соответственно под жизнью понимать не взятую самое по себе совокупность биологических процессов, а единую разворачивающуюся систему внутренних и внешних актов, которыми человек соотносится с другими людьми через посредство отношений к вещам и с вещами опосредованно через свои отношения к людям, то можно будет, подытоживая, сказать, что *психология человека изучает психику как качественно специфическую сторону жизни человека. Психологическое познание — это познание психического, опосредованное всеми существенными конкретными связями, в которые включена жизнь человека; оно поэтому изучение не только механизмов психики, но и ее конкретного содержания.*

Эти конечные формулы, к которым стянуты и в которые включены предшествующие определения, означают принципиальное преодоление чисто абстрактной психологии; они означают приближение психологии к конкретным вопросам практической жизни <...>.

<...> Глубоким преобразованиям, которые с развитием у человека мышления совершаются в структуре его сознания, соответствуют не менее глубокие изменения и в характере его поведения. Иной, опосредственный способ познания мира связан с иным, опосредственным способом деятельности. Мышление отчасти предполагает, отчасти обуславливает иное отношение человека к миру: способность, выделив, противопоставить себя окружающему и выйти за, пределы непосредственно данного. Другой стороной того же измененного отношения к миру должна, очевидно, являться и известная свобода действия, способного не только реагировать на наличную ситуацию, но и преобразовывать ее.

Вопрос о характере человеческой деятельности и ее мотивах в этой связи заостряется прежде всего на роли инстинктов в поведении человека. Для современной буржуазной психологии характерной является тенденция перенести центр тяжести при объяснении поведения человека из социальной сферы в область биологического, от высших исторически сложившихся форм сознания — к доисторическим, примитивным «глубинным» основам психики в недрах организма, от сознательного — к бессознательному и инстинктивному. В связи с этим инстинктам и влечениям отводится в современной буржуазной психологии значительное место; в них ряд ведущих современных психологов видит движущие силы человеческого поведения. Прежде всего Фрейд выдвинул в теории, разработанной с величайшей, фанатической последовательностью и изобретательностью, эту ведущую роль влечений. На признании решающей роли инстинктов построена популярная теперь «гормическая психология» Мак-Дауголла. В ином плане, но не менее показательно выступает инстинкт, как связанная с творческим жизненным порывом сила в психологической и философской концепции Бергсона.

Наряду с углубленной трактовкой инстинкта в ряде крупных современных психологических систем в популярно-психологической литературе, особенно англо-американской, очень распространена сейчас тенденция, почти что мода, так широко оперировать понятием инстинкта, что оно лишается какого-либо точного, научного содержания. Бернерд в специальной работе подсчитал, что 412 авторов в 495 книгах, которые он проработал, упоминают около 6000 (5755) инстинктов у человека. В их числе фигурируют: 83 религиозных, 281 экономических, 697 социальных инстинктов и т.д. Среди этих инстинктов имеются и такие, как инстинкт анимизма, инстинкт христианства, инстинкт строгого соблюдения воскресения у англичан и т.п. Самые сложные, социально опосредованные и чрезвычайно условные формы поведения, связанные с идеологией и экономикой капиталистического строя, объявляются инстинктами, заложенными в неизменной природе человека. Для того чтобы понятиями

инстинкта и влечения можно было пользоваться как научными терминами, необходимо, очевидно, уточнить их значение. При этом можно было бы отграничить инстинкты в более специальном смысле слова и влечения. В этих целях термин *инстинкт* целесообразно сохранить для обозначения реакций, в которых *наследственно закрепленным является не только импульс к действию, но и структура самого действия*. Инстинкт — это наследственная стереотипная реакция. К инстинктам в этом точном смысле слова у человека может быть отнесено лишь минимальное количество таких элементарных актов, как, например, сосание. Их роль в деятельности человека совершенно минимальна.

От инстинктов *влечения* отличаются тем, что *в них фиксировано уже не действие в целом, а только импульс к действию*. Учение о влечениях разработал главным образом Фрейд, вписавший этим учением новую, своеобразную главу в психологию. Он построил его на большом клиническом материале, преломленном через призму общей его концепции. Первая отличительная черта влечения заключается в том, что оно имеет соматический источник; оно происходит от раздражения идущего не из внешнего мира, а изнутри организма. Происхождение из соматического источника составляет первый, самый решающий признак влечения. Во-вторых, общую особенность, самую сущность всех влечений составляет признак импульсивного напряжения. При этом влечения никогда не производят действия мгновенного толчка, а всегда являются постоянной силой. В силу постоянного, длительного напряжения, которое оно создает, влечение является основным импульсом к действию. Поскольку оно действует не извне, а изнутри организма, один из его дальнейших признаков заключается в том, что «бегством невозможно избавиться от его действия»). Влечение требует удовлетворения, которое может быть достигнуто лишь направленной на это удовлетворение деятельностью. Поэтому для Фрейда «именно, они, влечения, а не внешние раздражения, являются истинными двигателями прогресса»: они — основные стимулы человеческой деятельности, которая «подчиняется принципу наслаждения, то есть автоматически регулируется ощущениями наслаждения или удовольствия или неудовольствия».

Фрейд различает две группы влечений: сексуальные влечения и влечения «я» или самосохранения, а позже: влечения эроса и влечения смерти. Но, введя вторую группу влечений в построение своей системы, Фрейд фактически сосредоточил свое исследование на изучении сексуальности. Превращение сексуального влечения в основную силу человеческого поведения отражается на самом понимании любви. Она очень обобщенно определяется как отношение к источникам своей наслаждения. Источник наслаждения, то есть объект, служащий для удовлетворения влечения, это, с точки зрения Фрейда, «самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный». Он присоединяется к влечению только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение. Но для влечения существенна способность перемещаться с одного объекта на другой.

Влечения имеют свою судьбу, которая определяет, по Фрейду, и судьбу человека. Поскольку от влечения, как походящего изнутри организма, нельзя «спастись бегством», влечение необходимо требует удовлетворения. Однако непосредственно удовлетворение влечения не всегда возможно. Общественная среда часто налагает на него свой запрет; подвергает его «цензуре». Тогда влечение либо *вытесняется* в бессознательное, либо *сублимируется*; сексуальное влечение переключается на другие пути и находит себе опосредственное удовлетворение в различных формах творческой человеческой деятельности. Вытесненные из сознания влечения проявляются в замаскированной символической форме во сне — в сновидениях, а наяву сначала наиболее безобидным образом — в обмолвках, в описках, в ошибочных действиях и забывании. Когда отреагирование неудовлетворенных, вытесненных влечений этими безобидными способами оказывается недостаточным, тогда неизбежным результатом оказывается невроз.

Фрейд дал достаточно разработанную картину *развития сексуального влечения в онтогенезе*. Он отмечает очень раннее появление сексуальности у ребенка. Сексуальность, по Фрейду, проходит через всю жизнь человека: в различные возрастные периоды она имеет лишь иной характер. Эти изменения ограничиваются в основном изменением объекта, на который она направлена. Сексуальное влечение связано сначала с элементарными органическими актами, как, например, сосание груди матери. Затем объектом сексуального влечения становятся части собственного тела ребенка; сексуальное влечение связано с так называемыми эрогенными зонами. С этого начинается стадия аутоэротизма, второй фазой которого является нарцизм, под которым Фрейд, опираясь на легенду о самолюбующемся Нарциссе, понимает направленность сексуального влечения на самого себя — не на отдельные части своего организма, а на себя в целом. Следующий период в развитии сексуальности Фрейд называет бисексуальным: сексуальное влечение направлено на внешний объект, но не дифференцировано в половом отношении. И, наконец, сексуальное влечение направляется на лицо другого пола. В эволюции влечения основным таким образом является перенос его с одного объекта на другой. Если вычленим понятие влечения из специфического контекста фрейдовской системы и удержим в нем самое основное, определяющее природу влечения, как такового, то в первую очередь нужно будет отметить то, что влечение полностью детерминировано внутренним органическим источником и независимо от объекта, на который оно направлено; оно определено внутренним состоянием организма независимо от отношения его к внешнему миру объектов.

При сопоставлении этого понятия влечения с понятием инстинкта оказывается, что во влечении уже не фиксировано внешнее действие, поскольку «к одной и той же конечной цели могут вести различные пути», но «конечная цель остается неизменной для всякого влечения»: если не само

действие, то импульс, определяющий направление действия, остается инвариантным, фиксированным изнутри.

Именно эта особенность влечения и заставляет некоторых современных психологов, в первую очередь *Каца*,¹ *Левина*, выдвинуть понятие *потребности*, значение которой так подчеркнул Маркс².

Подчеркивая значение изменчивости потребностей, Левин пишет: «В противовес учению об инстинктах я указал на то, что оно недостаточно учитывает эту изменчивость и что понятие *влечения* должно быть вообще заменено понятием *потребностей*». «Характерной динамической особенностью потребности нужно считать то, что состояние потребности, из которого проистекает действие, в результате этого действия радикально изменяется (я имею в виду состояние голода, насыщения и перенасыщения). Даже для относительно коротких промежутков времени здесь не имеет места то внутреннее постоянство тенденций, которое обычно приписывается влечениям и инстинктам».

Для потребности, таким образом, существенно то, что, в отличие от фиксированных внутри организма влечений, они изменяются в зависимости от внешних условий, а также в результате собственной деятельности субъекта. Учет изменчивости потребностей в зависимости от внешних условий реализуется у Левина, главным образом, в учении о *квазипотребностях*. Квазипотребности — это от ситуации к ситуации изменяющиеся временные потребности, которые надстраиваются над коренными природными потребностями. Потребности основные, природные и квазипотребности создают, как и влечения, состояния напряжения, которые и являются импульсами к действию.

Введение понятия *потребности* не означает отрицания у человека влечений, а прежде всего иное, методологически более правильное их понимание. *Потребность* — функция не только организма, но и среды или, вернее, их взаимоотношения.

Основное различие между влечениями и потребностями, обуславливающее все остальное, заключается в ином соотношении внутреннего и внешнего. Левин с полным основанием подчеркивает двусторонний, субъективно-объективный характер потребностей. Сказать, что у человека появилась такая-то потребность, это равнозначно тому, чтобы сказать, что такие-то вещи приобрели для него побуждающий характер. Наличие у человека потребностей означает наличие побуждающей силы у окружающих его вещей. Это правильное положение получает у Левина

¹ В докладе на X Международном психологическом конгрессе в Копенгагене Кац выдвинул то положение, что «понятие потребности решительно должно будет заменить понятие инстинкта, которое оказалось малоприспособленным для работы над новыми проблемами»; при этом «понятие потребности охватывает как естественные, так и искусственные, как прирожденные, так и приобретенные потребности» (см. Отчет Валентинера в «Советской психотехнике» за 1933 г.). См. также доклад Каца на XII съезде немецких психологов «О голоде и инстинкте» (Bericht über den XII Kongress für experimentelle Psychologie in Hamburg, 1932). На том же конгрессе доклад о проблеме потребностей сделал Клапаред (*Ed. Clapared*, La psychologie fonctionnelle, «Revue Philosophique», № 1–2, 1933).

² *Маркс*, Подготовительные работы к «Святому семейству», см. также статью С. Л. Рубинштейна «К. Маркс и проблемы психологии», «Сов. психотехника» № 1 за 1934 г.

ошибочно одностороннее развитие. При появлении у человека потребности коренным образом изменяется ситуация, или, как выражается Левин, структура поля, в котором он находится. Эта ситуация превращается в силовое поле, в котором определенным образом располагаются идущие от вещей к человеку силовые линии; эти силы определяют поведение человека. Также, как тело движется в гравитационном поле под действием сил тяготения, движения и действия человека определяются силами, устанавливающимися на основе потребностей. Зная эти силы, можно определить поведение человека и, регистрируя его движения в силовом поле, можно определить относительно побуждающую силу, расположенных в ней вещей, точно так же, как по движению тела в гравитационном поле можно определить размеры тех сил и расположение тех тел, которые его обуславливают. Вещи, обступая человека, начинают предъявлять к нему требования (*Aufforderungscharaktere der Dinge*): стоящее на столе блюдо требует от меня, когда я голоден, чтобы я его съел, лежащее передо мной зеркало, — чтобы я в него заглянул, а блестящая ручка двери, — чтобы я за нее взялся и, открыв дверь, вышел. Вещи начинают управлять человеком. *Ситуационная связанность* действий особенно ярко выражена, согласно Левину, у детей; но она же, с его точки зрения, характеризует большей частью и действия человека. Таким образом, если в учении Фрейда влечения изнутри управляют поведением человека независимо от внешних объектов, то в теории Левина в результате возникновения потребностей вещи извне начинают управлять им. Правильное соотношение между внутренним и внешним не соблюдено ни тут, ни там, хотя понятие потребности открывает принципиальную возможность для разрешения вопроса об их соотношении.

В соответствии с глубокими мыслями *Маркса об истории потребностей*, которые мы противопоставляем концепции *Фрейда о судьбе влечений*, — изменчивость потребностей выражается в двух основных положениях: во-первых, в процессе исторического развития преобразуются природные, органически обусловленные потребности, которые, будучи биологически обусловленными, всегда вместе с тем опосредованы общественными отношениями, в которые включен человек, и потому изменяются вместе с ними. Преломляясь через общественные отношения людей и преобразуясь ими, *потребности человека становятся*, по выражению Маркса, *человеческими потребностями*. Во-вторых, наряду с преобразованием уже имеющихся у человека потребностей, возникают и новые потребности. Это двойное изменение потребностей вносит существенные изменения в мотивацию человеческой деятельности. Стимулы к деятельности у человека оказываются таким образом и в значительной мере пластичными и все более многообразными и богатыми.

В учении о влечениях, как основной движущей силе человеческой деятельности, стимуляция человеческой деятельности представляется и очень косной и очень бедной; в ней господствуют инерция и однообразие. Учение о потребностях вскрывает тот кардинальный по своему значению факт, что в процессе исторического развития человечества и обусловленного

им онтогенетического развития каждого индивидуума все потребности изменяются, и в новых потребностях создаются все новые движущие силы и побуждающие стимулы человеческой деятельности. Представление о фиксированности импульсов и неизменности целей, господствующее в учении о влечениях, преобразуется в учение о потребностях, выявляющем известную пластичность движущих сил человеческой активности. Неизбежная в чисто биологической концепции влечений тенденция свести движущие силы или мотивы поведения к минимальному числу — у Фрейда в конечном счете, в сущности, к одному единственному импульсу — к сексуальности, сменяется учением растущего разнообразия и постоянного обогащения, с возникновением новых потребностей, импульсов и мотивов к деятельности. В условиях общества, построенного на частной собственности, каждая новая потребность, как отмечает Маркс, накладывает новые пути на человека, создавая новую зависимость от отчужденных от него вещей. Но это специфический эффект отношений, построенных на принципе частной собственности. В других подлинно человеческих общественных условиях возникновение новых потребностей означает, как подчеркивает Маркс, обогащение человеческой природы и стимуляции человеческой деятельности.

Но как бы ни были подвижны и изменчивы потребности по сравнению с влечениями, направленность человеческой личности проявляется и в других еще более исторических образованиях — в интересах. *Интересы* иногда возникают как результат осознания потребностей? Но нечто может уже представлять интерес и *еще не* быть *потребностью*. «Если один путь ведет от потребностей к интересам: интересы возникают иногда просто в результате осознания потребностей, то у человека прокладывается также путь в обратном направлении: интересы, возникающие в конечном счете *в связи* — более или менее отдаленной и опосредственной — с потребностями, но *не из них*, затем, укореняясь в человеке; превращаются в его потребности. В отличие от потребностей, как более или менее автоматически действующих стимулов, *интерес это — стимул, действующий в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности*. В каждом интересе представлены оба эти момента. Уровень интереса тем выше, чем большую роль в нем играет *осознание объективной значимости* тех задач, в которые в своей сознательной деятельности включается человек <...>.

<...> Не подлежит опять-таки сомнению, что железы внутренней секреции включаются в систему условий, от которых зависит характер. Так (по данным Мебиуса), при усиленной инкреции щитовидной железы «характер изменяется, больные становятся вспыльчивыми, капризными, то приподнятыми, то глубоко подавленными». Врожденное отсутствие щитовидной железы или гипопункция ее при микседеме вызывает, как уже указывалось, характерную апатию, которая приводит к задержке психических функций, к вялым монотонным поступкам и т.д. (*Вейль*). Чрезмерная работа мозгового придатка влечет за собою часто замедление реакций и снижение импульсивности, что создает благоприятствующие

условия для большей сосредоточенности. Интенсивная деятельность поджелудочной железы вызывает физическую слабость и создает предпосылки для вялого, ленивого характера и т.д.

Но как ни наглядна связь характера со строением тела, с внешним обликом человека и как ни существенна роль эндокринного аппарата, было бы неправомерно недоучесть роль нервной системы в конституции человека и в определении его характера.

Учитывая ведущее значение нервной системы, ряд исследователей, преимущественно невропатологов и психиатров, выдвигает в конституции на первый план нервную систему. Основная тенденция их концепции — создать в понятии *нейроконституции* схему для «психической конституции».

Они при этом стремятся выделить в «психической структуре» наиболее устойчивое внутреннее ядро и, дифференцировав фило- и онтогенетические компоненты, более древние пласты и новейшие наслоения, установить иерархическую этажность в психике, в соответствии с генетическими ступенями развития нервной системы. В результате некоторые авторы различают архео-, палео- и неопсихику; другие (Stransky, Kleist) намечают дифференциацию психики на телесную психику (*Somatopsyche*), связанную с серым веществом желудочка, или «вегетативное я», на «аффективную психику» (*Thymopsyche*) и на «характер» (*Autopsyche*), связанные с таламостриарной системой.

При этом в последнее время наметилась тенденция выделить в качестве «ядра» личности «вегетативную личность», которая локализуется в стволовом аппарате, в подкорке (в субкортикальных ганглиях) и признается глубинной личностью (*Краус*).

Для современной неврологии чрезвычайно симптоматична тенденция отнести «ядро личности» к субкортикальным центрам инстинктивной деятельности, заостренная в концепции глубинной «вегетативной» личности. Она представляет собой отражение в области физиологии нервной системы тех же тенденций, которые в современной психологии воплотились в глубинной психологии Фрейда, в гормической психологии Мак-Дауголла и в последних концепциях Монакова, который синтезировал эти неврологические теории с гормической психологией. Смысл этих концепций заключается в том, чтобы закрепить и в физиологическом, неврологическом плане перенос центра тяжести от высших, сознательных проявлений человеческой личности к примитивным, инстинктивным влечениям и признать за ними самостоятельную роль («вегетативная личность») и основное значение («ядро личности»).

Выделение «вегетативного я» как глубинной личности в неврологическом плане находится в полном созвучии с фрейдовской глубинной психологией. Со свойственной ему бесстрашной последовательностью Фрейд лишь сформулировал с полной четкостью конечное положение, к которому приводит это расщепление человека на несколько «личностей» и перенос центра тяжести в подкорковые функции, когда он «ядром» личности признал «Оно»: *обезличение личности является неизбежным результатом расщепления единой личности на ряд личностей*».

Однако критика теорий, стремящихся эмансипировать подкорку от коры и перенести в нее центр тяжести, не должна заслонить от нас тех фактических данных, которые были вскрыты исследованием и легли в основу современных теорий, подчеркивающих значение субкортикальных центров. Они образуют базу, на которой строится деятельность коры. В подкорке, в частности в мозговом стволе, в его рефлекторных и инстинктивных центрах локализованы филогенетически закрепленные и потому особенно устойчивые, менее изменчивые компоненты нервной деятельности человека. Тонус подкорковых центров, их динамика оказывают определяющее влияние на тонус коры и ее «готовность к действию». Играя, таким образом, значительную роль в определении тонуса, динамики деятельности человека, *подкорковые центры, действительно, обуславливают темперамент.*

Но работа подкорки и коры неразрывно связана друг с другом. Нельзя поэтому отрывать первую от второй. *Решающее значение в конечном счете имеет не динамика подкорки сама по себе, а динамическое соотношение подкорки и коры.* Именно в этом плане строится та классификация типов нервной системы и темпераментов, которую намечает Павлов¹. На основании своих исследований над собаками Павлов приходит к тому заключению, которое он затем переносит и на человека, что «имеются *три разных типа нервной системы* — центральный, уравновешенный и два крайних — возбудимый и тормозной». Центральный тип имеется в двух формах.

Таким образом получаются *четыре группы*: две группы краевые, возбудимые и тормозные и две центральные: обе — уравновешенные, но одна из них спокойная, другая — оживленная. «Очевидно, эти типы — пишет Павлов, — есть то, что мы называем у людей темпераментами. Темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека, самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или другую печать на всю деятельность каждого индивидуума». Павлов сопоставляет 4 группы нервных систем и соответствующие им типы темпераментов, к которым он пришел лабораторным путем с древней от *Гиппократ* идущей классификацией темпераментов. Он склонен отождествить свой возбудимый тип с *холерическим*, меланхолический с *тормозным*, две формы центрального типа — спокойную и оживленную — с *флегматическим* и *сангвиническим*. Основным доказательством в пользу той дифференциации типов нервной системы, которые он установил, Павлов считает различные реакции при очень трудных встречах раздражительного и тормозного процессов. Центральный тип оказывается устойчивым, мало подверженным неврозу. Возбудимый тип — это тот, который при таких трудных условиях оказывается подверженным неврастению. Истерия является болезненной формой, соответствующей тормозному типу. Павлов высказывает предположение, что обе главные группы конституциональных эндогенных психозов — циркулярный психоз и шизофрения (из которых

¹ *И. П. Павлов*, «Физиологическое учение о типах нервной системы, темпераментах», Сообщение на торжественном заседании Русского хирургического общества им. Пирогова, посвященном памяти Н. И. Пирогова, 6 декабря 1927 г., «Двадцатилетний опыт», изд. 5-е, 1932 г.

исходил *Кречмер* при определении своих типов) — представляют высшую степень тех же заболеваний.

Подытоживая результаты исследований, посвященных изучению конституциональной типологии, можно сказать, что они в своем фактическом содержании вскрывают биологические особенности организма, от которых характер поведения человека находится в реальной зависимости. В число их включаются кора и подкорка в их взаимодействии, эндокринный аппарат в его взаимодействии с нервной системой. Включенные в одно единство, которое современная наука пытается охватить в понятии конституции, они в своем внутреннем взаимодействии отражаются на строении тела и выражении лица, на внешнем облике человека и включаются в систему условий, определяющих его характер. Всякое научное изучение формирования характера должно их учесть.

Однако, как бы ни была значительна роль биологических особенностей организма как частных условий, входящих в построение личности, — человек все же не просто организм, а личность.

Попытки вывести характер человека только из биологических особенностей его организма носят механистически-биологизаторский характер и обречены на неудачу. Они обычно выражаются в признании темперамента биологической основой характера, то есть в сведении характера на темперамент.

Яркий образчик этих биологизаторских тенденций представляет *Кречмер*. Опираясь на свое учение о конституциональном темпераменте, он под конец пытается вывести из него все социальные установки человека и его идеологию.

Так, циклотимики, по *Кречмеру*, дают энергичных практиков и жизнерадостных жуиров, склонных к материалистическому образу мыслей, благожелательных, рассудительных дипломатов, крупных организаторов и энергичных борцов. Из среды шизотимиков выходят холодные аристократы, чуждые миру идеалисты, фанатики и деспоты <...>.

Эта заключительная попытка вывести характер социальных установок человека из конституциональных особенностей его темперамента обнаруживает с исключительной ясностью явную ненаучность так называемого «биологизаторского» учения о характере, сводящего характер к внутри заложенным, «данным» при рождении качествам.

В целях установления правильного соотношения между биологическими условиями и специальными основами характера необходимо прежде всего уточнить соотношение между темпераментом и характером.

Темперамент определяет главным образом характерный для данного индивидуума тонус его деятельности. *Основу темперамента составляет нейродинамика мозга, то есть нейродинамическое соотношение коры и подкорки*, которое, в свою очередь, находится во внутреннем взаимодействии с системой гуморальных факторов. Значительную роль в темпераменте играет возбудимость «инстинктивных», подкорковых центров, с которыми связаны особенности моторики, статики и вегетатики. Заряженность этих

центров отражается и на кортикальном тоне. Отделение темперамента от характера и превращение его в основу характера, которая определяет характер, сама не определяясь им, означает по существу — в физиологическом плане — неправомерную эмансипацию подкорки от коры, нарушающую их неразрывное функциональное единство. В психологическом плане оно означает признание инстинктов, влечений самодовлеющей основой характера, определяющей направленность личности и регулирующей ее деятельность. Свое наиболее мощное и последовательное выражение эта точка зрения получила в психоаналитической концепции Фрейда. В действительности же *темперамент — это не биологическая основа характера, а его динамический аспект*. Темперамент таким образом включается в характер, образуя вместе с ним единое динамическое целое. Поэтому неправомерно выводить характер из темперамента. В равной мере неправомерной является и та точка зрения, которая расчленяет темперамент и характер и признает исключительно биологическую обусловленность первого <...>.

<...> *Психологическое развитие человека в процессе становления сознательной личности должно было бы быть одной из основных проблем понимающей свои задачи психологии*. Фактически эта проблема разработана еще далеко недостаточно.

Большой заслугой Фрейда и Адлера является ее постановка. Но решение, которой они ей дают, в корне неправильно. Ложная постановка проблемы развития связана с самими основами их теории. Они исходили из влечений. Но особенность влечений заключается в том, что импульс к действию и его направление неизменно фиксирован изнутри. Поэтому для Фрейда, как в конце концов и для Адлера, цели остаются неизменными на протяжении всей жизни. Они не развиваются. Они лишь переносятся с объекта на объект и из одной ситуации в другую. Исходные стадии роковым образом предопределяют весь жизненный путь человека. Узел жизни завязывается в раннем детстве. Вся остальная жизнь — лишь изживание тех тенденций, которые были порождены начальной ситуацией.

Педология считает эту проблему развития сознательной личности основным предметом своего изучения. Но эту проблему нельзя ни разрешить, ни даже правильно поставить, если взять детство само по себе, вне его отношения к зрелому возрасту. «Психическая жизнь человека, — пишет Адлер, — стремится, как действующее лицо в драме, написанной хорошим поэтом, к своему пятому акту». В этом изречении Адлера проступают основные ошибки его концепции — ее телеологизм и психологизм: в реальной жизни место действующего лица в драме занимает психическая жизнь, которая превращается в самостоятельное действующее лицо; ее развитие определяет жизненный путь реальной личности. Но в этом изречении есть и искаженная телеологическими и идеалистическими тенденциями правильная мысль. Изучая детство, необходимо понять его место и его функции внутри всего жизненного пути человека как становления сознательной личности. Этот путь должен быть понят как

единое целое. Однако внутри этого целого выделяются качественно различные периоды. Каждый из них должен быть выявлен в своем специфическом отличии от других, но и в своей связи с ними. Каждый предшествующий период должен быть понят как подготовительный этап к последующему. В результате, все периоды, которые выдифференцировывает исследование, должны снова сомкнуться в одно расчлененное и связанное целое.

Ш. Бюлер выдвинула в последнее время вопрос о «жизненном пути человека как психологической проблеме». В ее трактовке этой проблемы, заключающей ряд ценных моментов, есть два коренных недостатка.

Первый, основной недостаток заключается в том, что весь жизненный путь человека рассматривается как детерминированный исключительно внутренними биопсихологическими закономерностями. Второй недостаток заключается в своеобразной, перевернутой теории рекапитуляции. Исходя из намеченной ею периодизации детства и юношества, подразделяемых ею на пять основных фаз, она эти же пять фаз устанавливает в жизни человека в целом. Взрослый человек на всем дальнейшем своем жизненном пути осуществляет в окончательной форме то, что эскизно было сделано им в детстве и отрочестве. Это соотношение эскиза и картины не предполагает появления в зрелом возрасте новых сюжетов и неизвестных детству мотивов. Всякое подлинное развитие характеризуется тем, что оно не просто разворачивание — «эволюция» — с самого начала заложенных задатков, не изживание создавшихся в исходном пункте ситуаций и не рекапитуляции уже пройденных этапов, а последовательно выступающий ряд новообразований. Каждое из этих новообразований специфично; на каждом этапе оно иное. При изучении процесса развития для каждого периода должно быть, в первую очередь, выявлено новообразование этого периода. Но при этом концепция развития как последовательности новообразований превратилась бы в чисто формальный принцип, позволяющий выхватывать любые новообразования, не различая основных от производных, если неопределенной останется та многомерная система связанных между собой отношений, внутри которой нужно искать определяющие новообразования психологического развития человека. Для того чтобы эту систему отношений определить, нужно прежде всего учесть, что психологическое развитие является качественно специфическим компонентом общего развития личности, определяемого совокупностью реальных конкретно-исторических отношений, в которые включен человек.

Определяя систему отношений, в которой выступают основные новообразования психологического развития личности, можно было бы предварительно сказать, что определяющим является различный на различных стадиях тип отношений к окружающей среде — в том понимании, которое заключено в формуле Маркса о сознании как отношении к среде. Но эту общую формулу необходимо раскрыть в ее конкретном содержании. Мое отношение к среде включает отношение а) к предметному *миру* — к природе, вещам и идеологии, б) к *другим людям* и тем самым в) к *самому себе*. При

этом решающим для понимания движущих сил развития человека является то, что эти три основных отношения не внеположны друг к другу. Каждое из них опосредовано всеми остальными. Изменение одного из них отражается на всех остальных<...>.

***Рубинштейн С. Л. Основы психологии.
Пособие для высших педагогических учебных заведений.
М., 1935, с. 33–35, 60–63, 382–387, 466–469, 486–487***

Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок

В.П.Адрианова-Перетц

От публикатора

Инициатором данной публикации является В.И.Овчаренко, не только прекрасный ученый-исследователь, но и удивительно чуткий и справедливый человек, которому мы обязаны восстановлением «связи времен» отечественного психоанализа и созданием нынешней традиции.

Публикуемый текст принадлежит перу видного русского ученого, крупнейшего знатока древней русской литературы, автора фундаментальных монографий и множества статей Варвары Павловны Адриановой-Перетц (1888-1972), единственной женщины – специалиста в данной области, избранной в Академию Наук СССР (член-корреспондент с 1943 г.).¹

Впервые эта статья была напечатана в сборнике «Академику Н.Я.Марру – Академия наук СССР. М.-Л., 1935, XLV (С. 497-505). Долгое время запрета психоанализа в нашей стране она исключалась из библиографии ученого (равно как и весь сборник – по причине «вредности», по мнению Сталина, учения Марра). В наши дни данное издание сохранилось лишь в отделах редких книг, да и то лишь – специальных библиотек.

Обратим внимание на дату выхода данной статьи – 1935 г., в то время как уже «к 1930 г. российский психоанализ был практически разгромлен ... а сторонники психоанализа репрессированы»,² а 1934 г. (после убийства С.М. Кирова) положил начало массовым сталинским репрессиям. Были и другие драматические обстоятельства, связанные с выходом этой работы, которая явилась новаторской не только для русского прикладного психоанализа (где больше интересовались русской классической литературой, нежели фольклором), но и для сравнительно узкого и вполне академического по своим предпочтениям круга В.П.Адриановой-Перетц, ориентированного на сугубо филологические, как тогда говорили, «изыскания» в памятниках древней словесности, к тому же, преимущественно, религиозно-церковного содержания. Это были люди, так сказать, «старой школы», т.е. высокой гуманитарной культуры вкупе с научной тщательностью, вкусом к деталям и черновой работе, и «старомодной» порядочностью. Кстати сказать, Варвару Павловну даже в этом, столь элитарном сообществе, именовали за глаза «игуменьей».

Однако сие отнюдь не мешало ей быть человеком и специалистом, свободным от идейных и прочих шор, интересоваться свежими и даже экстравагантными по тем временам научными веяниями. Надо заметить, что и в собственно древнерусской филологии она не обходила маргинальные темы, занимаясь также письменностью и фольклором городских низов с их

«неприличными» сюжетами и даже более того, острыми выпадами против авторитета властей, их всевластия, жестокости и равнодушия к нуждам «малых сих», звучавшими на фоне 30-х гг. прошлого века достаточно двусмысленно.³ Конечно же, В.П. была человеком своего времени, вольно или невольно применявшая «классовый подход»; но не это главное в ее работе.

Полагаю, что знакомство современного читателя с публикуемой работой небезынтересно также с клинических позиций, во имя большего привлечения фольклора в качестве стимульного и метафорического материала в психодинамических целях, связанных с распознаванием конфликтных фиксаций, фокусированием на релевантных проблемах и т.д.

Иногда просто поражает удивительная психоаналитичность фольклора, особенно его малых форм. Возьмем буквально наугад пару старинных русских пословиц (XVII – XVIII вв.): «про себя знает, а на других лает», «с каким обычаем (т.е. нравом – А.К.) в колыбельку, с таким и в могилку»...

Непаханое поле русского народного психоанализа!⁴

Данную публикацию, разумеется, нельзя назвать научной в буквальном смысле слова поскольку (требуется обновление аппарата ссылок, целого ряда комментариев и пр.), она лишь воспроизводит изданный ранее текст статьи В.П. Адриановой-Перетц и носит *неотложно-информативный* характер.

Дело в том, что готовя ее к публикации, я уже обнаружил некий текст белорусского автора не только со сходным названием, но и с целыми фрагментами публикуемой работы В.П., однако без всяких ссылок на последнюю.⁵

Как часто, увы, мы узнаем о своих открытиях весьма специфическим образом.

Опять нет «пророков в своем отечестве» ...

А.Кантор

Среди современных направлений в этнологии нельзя не отметить течение, представленное школой З.Фрейда. Его теория, и в целом и в частности, подвергалась за последние годы серьезной критике в марксистской литературе, так как, по справедливому замечанию одного критика, «положительная оценка некоторых элементов учения Фрейда вовсе не исключает ряда существенных возражений против его формально-психологической теории в целом».⁶

В частности, что касается его этнологических построений, то его попытку приравнять психику невротика к психике первобытного человека, конечно, нельзя признать полностью удачной, но некоторые выводы и Фрейда и его школы, касающиеся области бессознательного и ее обнаружений у человека, должны быть учтены при изучении первобытного творчества.

Для этнологии, несомненно, интересна та часть учения Фрейда, которая трактует о символике сновидений, как непосредственно примыкающая к вопросу о формах ассоциативной деятельности, протекающей в области бессознательного. Конечно, при толковании этой символики легко впасть в субъективность и произвольность, если действительно пользоваться при этом «общими правилами символики», в чем упрекает Фрейд цитированный выше критик (стр. 63).

Но справедливость требует отметить, что и сам Фрейд считал эту часть своей теории лишенной еще прочного фундамента и нуждающейся в поддержке со стороны разных специалистов, в том числе и фольклористов. Как бы предчувствуя возражения и обвинения в произвольности своих толкований, Фрейд сам ставит вопрос: «Откуда же нам узнать значения этой символики сновидений», о которой лицо, видевшее сон, или не дает нам совсем никаких сведений, или, в лучшем случае, только весьма недостаточные?... Из сказок, мифов, водевилей и острот, из фольклора, т. е. науки о нравах, обычаях, поговорках и песнях народов, употребляемых в поэзии и в обыденной жизни, в выражениях нашего языка. Здесь повсюду встречается та же символика, и во многих из указанных случаев мы ее понимаем безо всяких указаний. Если мы подробно станем изучать эти источники, то найдем столько параллелей к символике сновидений, что получим твердую уверенность в правильности нашего толкования».⁷

Таким образом, сам Фрейд предлагает при толковании снов не ограничиваться «общими правилами символики», а подкрепить это толкование бытующими в языке вообще и в частности в поэтическом языке образами, т. е. теми образами, которые, быть может, тоже зародившись в области бессознательного, уже стали достоянием сознания и потому могут быть объяснены без необходимости прибегать при этом объяснении к произвольным истолкованиям.

Не задаваясь целью исчерпать весь материал, я хочу в настоящей заметке попробовать иллюстрировать наблюдения Фрейда над символикой сновидений и поэтикой русских загадок. Какие же основания можно выдвинуть для подобного сближения двух, казалось бы, таких далеких одна от другой областей?

Сравнительно-историческое изучение памятников устного творчества давно уже показало, что устная символика обладает большой устойчивостью; ее образы повторяются у народов географически и культурно настолько разъединенных, что о заимствовании между ними не может быть и речи. Эта повторяемость опирается с одной стороны на свойственные человеку законы ассоциативного мышления, с другой — на сходство определяющих содержание мышления условий социально-экономической жизни.

Загадки представляют типичный образец такого ассоциативного мышления: это развернутые метафоры, построенные на тех или иных видах ассоциаций по сходству. Рассматривая тот материал, который Фрейд называет символами сновидений, мы видим, что в большинстве случаев это тоже простые или развернутые метафоры, вытекающие из ассоциаций по

сходству либо внешнего вида предметов, либо их функций, либо эмоциональной окраски. Они также в массе, по наблюдениям психоаналитиков, у представителей разных языковых и культурных (точнее – классовых – В. А.) групп сохраняют общую линию своего образования. Их повторяемость в смысле общей направленности, очевидно, также опирается на законы ассоциативной деятельности. Вот почему возможно сопоставление символов сновидений с загадками: и те и другие строятся одним путем, и при наличии одного исходного пункта, между ними возможно сходство и в результате ассоциации, т. е. возникновение одного и того же заменяющего образа. То обстоятельство, что во сне этот образ появляется без участия сознания, а в загадке он сознается уже вполне отчетливо, не делает эти две области несравнимыми.

Фрейд отмечает, что сновидение выражает символически только определенные элементы своих скрытых мыслей. Очень малым количеством символов изображаются такие предметы, как «человеческое тело в целом, родители, братья, сестры, смерть, нагота» (ор. cit., стр. 159), зато все, что касается сексуальной жизни, передается с помощью необыкновенно богатой символики (стр. 160—165).

Толкование именно этих сексуальных символов вызывало особенно много возражений среди критиков этой части учения Фрейда. В соответствии с материалом Фрейда, и из русских загадок придется извлечь по преимуществу те, которые носят сексуальный характер.

Это обстоятельство создает одно большое затруднение для исследователя. До недавнего времени собиратели фольклорного материала по своим собственным или по цензурным соображениям пропускали в изданиях многое, касающееся этой области. Так оставались вне поля зрения исследователя целые группы сказок, песен. В этом направлении были вычищены и все наиболее крупные сборники русских загадок. Садовников (Загадки русского народа, примеч., стр. 314) в своем издании оговорил этот пропуск. В примечании к загадке о замке и ключе он пишет: «Почти все загадки о замке и ключе очень двусмысленны, и некоторые не могли войти в этот сборник. Процент подобных загадок довольно велик и, можно смело сказать, что они принадлежат к числу самых распространенных. Дети загадывают их, не стесняясь, парни со смешками, бабы и девки — на ушко. Последнее, впрочем, редко: разве уж загадка такая, что все в ней своим именем названо, но и из нее, как из песни, слова не выкидывают, только предупреждают, что она нехорошо загадывается».

Подобная цензура изданий должна быть учтена исследователем, чтобы появление группы загадок сексуального характера в новейших записях не навело на мысль о возникновении их в последнее время.

Часть таких загадок с более или менее затушеванной основной темой встречается, конечно, и в старых изданиях, но они там разбросаны среди прочего материала, и истинный смысл их иногда даже с трудом распознается. Между тем, сам народ строго обособляет загадки сексуального характера, объединяя их общими терминами—«про мужика», «про бабу», «про мужика

и бабу». В эти группы попадают и такие загадки, сексуальный оттенок которых на первый взгляд и незаметен.

Такие циклы загадок оказались в значительном количестве в материалах, привезенных сотрудниками бывшего Государственного Института истории искусств из их экспедиций на Север — в Заонежье, на Мезень, Пинегу и Печору — в 1926—1929 гг. Немало привезено их в 1932 г. с Терского берега Н.П.Колпаковой. Всмотревшись в эти загадки, мы видим, что они разделяются на две группы: «нехорошие», по народной терминологии, загадки с простой отгадкой и простые загадки с «нехорошей» отгадкой. И те и другие могут быть использованы при проверке сексуальных символов сновидений.

Имея отчетливо выделенную самими носителями их группу загадок с явным или скрытым, но во всякой случае ясно сознаваемым сексуальным содержанием, мы можем и из печатных сборников извлечь аналогичный материал. Тогда видно будет, что и прежние собиратели встречали подобные загадки, но не всегда считали нужным отметить особое отношение к ним самого народа. Любопытно сопоставить иногда с русскими загадками очень близкие к ним порою загадки того же типа, записанные или у народов, живущих на территории Союза, или у соседей: обычно эти загадки еще откровеннее обнаруживают свой сексуальный характер.⁸

Весь этот материал рассматриваю параллельно с теми символами, которые установил на основании своих наблюдений Фрейд. Но разбить загадки на две такие группы, на какие разделяет символы сновидений Фрейд, — мужские и женские — трудно, так как в большинстве случаев их разгадка парная: загадка чаще объединяет оба элемента.

Как выше указано, не все загадки, которые можно привлечь в качестве комментария к символам Фрейда, носят сексуальный характер, но их мало, как мало и у Фрейда несексуальных символов сновидений. Остановимся в первую очередь на них.

«Дом» в целом—по Фрейду,—человек; иногда этот символ детализируется — дом с гладкими стенами обозначает мужчину, с балконами и другими выдающимися частями—женщину (op. cit., стр. 159).

В загадке— «изба»—беременная женщина: «Хлеб на углу избы лежит, а в хлебе крыса сидит» (Садовников, 1703). То же «баня»: «В бане порог выше каменицы» (Садовников, 1704).

По Фрейду, дети—маленькие звереныши (стр. 159). См. выше — ребенок-крыса, или у корел — мышенок: «Скребется в углу, пузырьчатый мышенок в брюхе»—беременная женщина (Лесков, Загадки корел Олонецкой губ. 538. Живая старина, 1893, IV).

«Д в е р и», «ворота» — у Фрейда женские символы (стр. 162); в загадке—«Стоит баба поперек, одна рука в избе, а другая на дворе», «Две кумушки кланяются, а вместе не сходятся» — двери (Садовников, 78, 79, 84); или—«Два подъячих водят Марью вертячу»—петли и дверь (Садовников, 90).

«Печь»—женский "символ у Фрейда (стр. 162)—встречается в загадках обоих типов: «Стоит баба в углу, а рот в боку» — печь и чело (Садовников, 127); ср. в польской загадке: «Stożi panna w murze w czerwonym kapturze» (Kolberg, Lud VIII, cz. IV, 244), Рядом с этими большое число загадок, заносимых крестьянами в особую группу, также отгадываются — печь.

В следующих загадках будут часто встречаться парные отгадка, поэтому перечислю наиболее распространенные символы обеих групп Фрейда:

«Все, что торчит вверх, длинное»—может быть мужским символом, напр., палки, зонтики, деревья, коль я, карандаши, ручки, молотки (стр. 161). «Все предметы, ограничивающие полое пространство, способное быть чем-нибудь наполненным», могут быть женскими символами, напр., сосуды, коробки, ящики, чемоданы, карманы (стр. 162).

В загадках имеем такие парные отгадки, включающие параллели и к мужским и к женским символам: «пест и ступа», «палец и кольцо», «кольцо и свайка», «перо в чернильнице», «сковородка и сковородник», «крючок и петля»; у уйгуров к числу таких парных символов можно прибавить следующие: «игла и нитка», «пуговица и петля» (С. Малов, Рассказы, пословицы и загадки у желтых уйгуров. Жив. ст., 1914, стр.313).

В тот же ряд женских символов в загадке входят—«бочка»—ср. в свадебных песнях девица-сосуд (чаша, бочка), (см. Потеня, Объяснение малорусских и сродных народных песен, I, стр. 7), «бадьа», «корзина», «амбар».

В загадках других народов женские символы берутся из того же ряда предметов: у корел — «корытце», у калмыков и туркмен — «сундук», у туркмен — «капкан».

Отмеченный Фрейдом мужской символ «рука» в загадке тянет за собой соответствующий женский — «рукавица». Следует заметить, что в загадках подобного типа мы имеем иногда как бы двойную символику:— рука-колотушка, рукавица-мохнушка, и каждая пара вызывает представление о мужском и женском начале.

«Открывающий ключ» у Фрейда назван мужским символом (стр. 165); в загадках, чрезвычайно распространенных и разнообразных на эту тему, он появляется вместе с парным к нему «замком».

По Фрейду — «что проникает в тело, острое — ножи, кинжалы — мужской символ (стр. 161). В загадке здесь в пару появляются «ножны». В параллель к таким загадкам следует отметить, что в украинском языке слово «тхва» обозначает одновременно—ножны и влагалище (Рос.-укр. словник. УАН под ред. ак. Кримського I, 81; Е. Тимченко, Рус.-малорус. слов. I, 37, 258).

У Фрейда — «предмет, из которого течет вода — водопроводный кран, чайник, Фонтан — может быть мужским символом» (стр. 161). В русской загадке, в соответствии с бытом, такую роль чаще всего играет самовар, причем самоварная труба выступает в виде женского символа (тот же женский символ —труба в другой паре — «труба в саже и флюгер»). В

примечаниях к своим загадкам Садовников пишет (стр. 317): «Эта загадка про самовар—одна из самых ходячих, но на Волге и около Москвы она загадывается иначе, в форме, неудобной для печати. Роль самоварной трубы играет девица, роль самовара—добрый молодец». Загадку о самоваре знают и другие народы, но у них она выражена еще откровеннее.

«Веник» или «помело», как мужской символ, в загадке обычно встречается в паре с баней или печью.

В соответствии с женскими символами Фрейда— «яблоки, персики, вообще плоды» (стр. 163)—в загадках находим «малину» (в некоторых вариантах с парным мужским символом—стержень в малине), вообще «ягоду на кусту», «орех» (последний иногда и как мужской символ); но морошка в русских загадках обычно ассоциируется с мужским началом.

Несомненно женским символом Фрейд считает улитку и раковину (стр.163). В загадке на тему «ключ и замок» этот символ встречается в качестве вторичного. Рот как женский символ (см. Фрейд, стр. 163), в русских загадках не находим, но туркменам он известен.

К «специальным символам для изображения полового акта» Фрейд относит «некоторые ремесленные работы», не детализируя это понятие (стр. 163), а «инструменты разных производств он считает мужскими символами» (стр. 170). В русских загадках это представление связывается чаще всего с тканьем или прядением, далее—то же обозначает «месить тесто в квашне», «сети плести», «давку шоркают веником», «ключами трясут и ящик отпирают», «сажают хлеб в печь», «полощут белье в проруби», «помелом печку опахивают» и даже «впотьмах спички ищут».

Интересное объяснение, в связи с занятием земледелием, записано на Суре для одной загадки, которая обычно обозначает «веник и пол» или «ножик и квашня»: «Старик старушку шангил-лангил, заросла у старушки шанга-ланга»—«орют поля и засевают, земля и закрывается» (рукопись). Здесь чувствуется несомненный отзвук старого образа—«мать-сыра земля», вообще земли, как женского начала (ср. у Фрейда, стр. 169). Тот же мотив посева встречаем в загадке на тему беременная женщина: «Посеял бог пшеницу, этой пшеницы не выжать ни попам, ни дьякам, ни простым мужикам, пока бог не подсобят» (рукопись). Ср. в славянской песне—символ: орать—любить (Потебня, О некоторых символах в славянской народной поэзии, стр. 120).

У Фрейда не встречаем в числе сексуальных символов «сон». Между тем загадки на эту тему соединяются с представлением о половом акте.

Заканчивая обзор загадок на сексуальные темы, приведу две загадки, проникшие в былинку о Ставре Годиновиче. Когда он не узнает свою жену, переодетую в мужское платье, она напоминает ему о себе такими загадками:

А помнишь ли, Ставер да сын Годинович,
Как мы с тобою грамоте учились ли,
А моя была чернильница серебряна,
А твое было перо да позолочено,

Ты тут поманивал всегды, всегды,
А я поманивал тогды, сегды.
— Я с тобой грамоте не училася.
А помнишь ли, Ставер да сын Гоудинович,
А мы с тобою сваечкой игрывали,
А мое было колечко золоченое,
Твоя то была сваечка серебряна,
Ты тут попадавал всегды, всегды,
А я попадавал тогды, сегды.

(Гильфердинг, Онеж. был., 1, стр. 101).

«Перо и чернильница», «кольцо и свайка» — это те же самые символы, которые мы встречали выше в загадке. В одном варианте, помещенном у Рыбникова, сексуальный смысл кольца—свайки прямо раскрывается. Когда Ставер и после загадок не узнал жену, —

Тут грозен посол Васильюшко
Вздымал свои платья по самый пуп,
И вот молодой Ставер сын Годинавич
Признал кольцо позолоченое (IV, 35).

О.Миллер в примечаниях пишет по поводу этого варианта: «Это дополнение отличается эпическим простодушием, можно сказать даже целомудренною передачею того, что поставленное вне условий устно-народной поэзии, представлялось бы просто циническим» (т. IV, стр. XII—XIII).

Это замечание может быть отнесено и к значительной части разобранных выше загадок: вряд ли в них следует видеть повышенный эротизм; скорее это простое, естественное ассоциирование сексуальных предметов и переживаний с окружающими человека явлениями. Какие-либо искусственно притянутые сюда сравнения встречаются очень редко и, во всяком случае, они не характерны для сексуальной загадки.

Какие же выводы дает сопоставление символики сновидений, предполагаемой Фрейдом, и соответствующих загадок? Несомненно, путь возникновения образов, заменяющих сексуальные представления, в обеих областях один и тот же — везде можно отметить одни и те же ассоциации но сходству.

Сравнение направляется в круг предметов и явлений повседневного быта, поэтому отдельные образы варьируются в зависимости от среды, где они возникают, и от эпохи их создания. В этом отношении загадки разобранных нами типа представляют, несомненно, отражения разных исторических эпох, но в сохранившемся материале трудно рассмотреть что-либо, выходящее за пределы земледельческой эпохи.

Наиболее распространенные символы— дом, печь, земля, предметы домашнего обихода—все это уже аксессуары оседлого быта.

Но делать отсюда вывод о позднем возникновении такого типа загадок, конечно, нельзя. Причина, вероятно, заключается в том, что цензура всякого рода, вообще косо смотревшая на устное творчество, начиная с принятия у нас христианства, подобные темы преследовала особенно строго.

И даже в тот период, когда уже велась научная регистрация устно-поэтического материала, загадки «про мужика и бабу» лишь случайно попадали в научный кругозор.

Поэтому всякие вопросы исторического порядка относительно этих загадок приходится оставить именно в области вопросов. Мы видим лишь их общую направленность, отмечаем их тесную связь с бытом, их многообразие, сравнительно с загадками на другие темы. То же многообразие сексуальных символов наблюдает Фрейд и в сновидениях.

Свойственная человеческой психике вообще склонность к ассоциированию в сексуальной области, как видно из рассмотрения загадок, проявляется чрезвычайно широко, но формы этого ассоциирования, те заменяющие образы, которые становятся на место сексуальных представлений, конечно, всецело определяются содержанием мышления ассоциирующего субъекта, т. е. отражают в каждый данный исторический момент его классовую сущность. Вот почему изучение образного поэтического языка, одну из разновидностей которого представляет загадка, может дать для психоаналитика лишь указание на то, в каком направлении должно идти толкование символов сновидений, но оно не позволяет механически переносить готовые символы из одной области в другую.

Если у русского, сейчас широко знающего в своем быту, напр., самовар, он легко ассоциируется с мужским и женским началом, то не надо забывать, что не так давно еще этот символ был бы для него совершенно невозможен. Таким образом, как ни полезно вообще для психоаналитика знакомство с поэтическим языком и в частности с фольклором, но не менее важно для него и знакомство с содержанием психики каждого отдельного субъекта, чьи сны подлежат истолкованию.

Конечно, в свете фольклорного материала учение Фрейда о символике сновидений перестает быть «экстравагантным», по выражению Л. Я. Штернберга (*Этнография*, 1926, № 1—2, стр. 41); мы видим, что отмеченные им у больных символы далеко не произвольны, но их многообразие и в фольклоре заставляет быть особенно осторожным в толковании каждого отдельного символа.

Во всяком случае, символика загадок уже показывает, что сотрудничество психоаналитика с фольклористами может быть чрезвычайно плодотворным, принимая во внимание то большое значение, которое Фрейд придает в своей системе возможности вскрыть истинный смысл сновидения.

Примечания

¹ См. о ней: Литература и общественная мысль Древней Руси. (К 80-летию В.П.Адриановой-Перетц). Л.; 1969; Вопросы истории русской средневековой литературы. Л.: 1974 и др.

² В.И. Овчаренко. Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994, С. 29.

³ См.: В.П.Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; 1937.

⁴ См. Подробнее: А.М.Кантор. Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века. Очерки. М.; 1999. Гл. вторая «Социально-философские взгляды городского демоса».

⁵ С.П.Добижи. «Нехорошие» загадки и символика сновидений З. Фрейда. (Горки, Беларусь) // II Международная конференция «Язык и культура». Тезисы докладов. Мн.; 2003, С. 345-346.

⁶ И. Д. Сапир. Фрейдизм и марксизм. // Под знаменем марксизма, 1926, № 11, С. 8.

⁷ З. Фрейд. Лекции по введению в психоанализ, Вып. 1, М., 1922, С. 165.

⁸ В дальнейшем, кроме рукописного материала, собранного указанными выше экспедициями. хранящегося частью в Архиве ИАУ Академии Наук СССР, и материала, любезно предоставленного мне Н. П. Колпаковой, пользуюсь следующими печатными изданиями загадок: Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1875; Худяков. Верхоянский сборник;

Лесков. Загадки корел Олонецкой губ. Жив. ст., 1893, IV; Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Сев.-зап. края, II; Самойлович. Загадки туркмен. Жив. ст., 1909, II—III; Заварин. Османские загадки, собранные в Брусе. М., 1912; Добровольский. Загадки, записанные в Смоленском уезде. Жив. ст., 1905, I—II; Романов. Белорус. сб. 1—2; С. Малов. Рассказы песни, пословицы и загадки желтых уйгуров. Жив. ст., 1914, 1916, 1—II; Котвич. Калмыцкие загадки и пословицы.

Фрейдизм в свете современных научных дискуссий

Ф. В. Бассин

Учение, разработанное Фрейдом, неоднократно подвергалось за последние годы критическому обсуждению как в нашей, так и в зарубежной литературе. В настоящее время не вызывает сомнений, что современный фрейдизм, распространивший за рубежом свое влияние на самые различные области духовной жизни [56], [57], [50], [89], [82], [43], [45] и претендующий, по существу, на значение своего рода философской системы, на роль целостного и законченного мировоззрения [81], [54], является концепцией глубоко реакционной, резко враждебной диалектико-материалистическому направлению в неврологических и гуманитарных науках [5], [44]. Какие же причины побуждают нас вновь вернуться к рассмотрению этой теории?

Первая из них заключается в следующем. Развитие учения о локализации мозговых функций по-новому осветило значение активности подкорковых формаций для отправления наиболее сложных форм мозговой деятельности [75], [65], [77], [76], [74]. Это обстоятельство, отразившее бесспорный и крайне важный для всего дальнейшего развития нейрофизиологии прогресс представлений, спровоцировало одновременно и некоторые отрицательные сдвиги. В зарубежной психологии и психиатрии оно вызвало резкое оживление фрейдистских трактовок, пытающихся использовать новые данные учения о локализации для углубления психоаналитической концепции [69]. В неврологии же оно стимулировало оживление линии, наметившейся еще в начале века в работах Рейхарда, Хасковца, Кюпперса, Камюса и других и настойчиво стремящейся связать отправление высших форм мозговой активности с функциями формаций подкоркового уровня [81], [62], [5]. При таком положении вещей возникает необходимость, подвергнув новые данные учения о локализации внимательному рассмотрению, подать всю необоснованность попыток использовать их для защиты основного тезиса фрейдизма о ведущей роли, которую якобы играют в определении поведения аффективные и витальные факторы подкоркового происхождения. Однако эту задачу мы сможем выполнить до конца лишь в том случае, если покажем одновременно, как именно эти новые иные объясняются с позиций исходной для нас павловской концепции о тонигенной функции подкорковых образований.

Имеется и вторая причина, побуждающая нас вернуться к критике психоаналитической концепции. В 1954 году был обнаружен и впервые опубликован [59] ранее неизвестный труд Фрейда, написанный еще в 1895 г., — так называемый «Проект». В свете этой работы вся многолетняя история фрейдизма обрисовывается как процесс непрерывно углублявшейся научной деградации психоаналитических представлений, тесно связанной с отказом от механистических трактовок, которых Фрейд придерживался, как

оказывается, в первой фазе разработки своей концепции. При таком толковании перед нами возникает, очевидно, необходимость провести какие-то разграничения между клинико-психологическими представлениями, выдвинутыми Фрейдом еще в прошлом веке, укладывавшимися в рамки механистического мировоззрения и содержащими потенциально, как мы это увидим далее, определенные возможности дальнейшего продуктивного развития, и всей фактически имевшей место в дальнейшем спекулятивной, научно и философски глубоко неадекватной интерпретацией этих представлений, превратившей фрейдизм под конец в одно из наиболее реакционных проявлений современной буржуазной идеологии, глубоко враждебных всякому подлинному научному прогрессу.

Мы остановимся сначала именно на вопросах зарождения и развития фрейдовского учения, а затем подвергнем анализу отношение современного неофрейдизма к проблемам теории локализации мозговых функций.

* *

*

Изучение более чем полувековой эволюции фрейдизма позволяет выделить в ней четыре последовательных этапа.

Первый относится к последнему пятнадцатилетию прошлого века. В этом периоде Фрейдом совместно с Брейером были опубликованы две монографии [38], [39], в которых были впервые сформулированы основные положения фрейдовской теории так называемого вытеснения, ставшей впоследствии основой психоаналитической теории «функциональных» расстройств. Существо этих положений можно резюмировать в следующих немногих словах: каждое переживание, носящее характер влечение к определенному действию, обладает как бы запасом своего рода энергии, вследствие которой оно стремится к реализации в поведении. Если же такая реализация оказывается почему-либо недоступной, то подавленная энергия импульса к действию может найти окольный выход провоцируя возникновение истерического симптома.

После опубликования фрейдовского «Проекта» [59] — труда, относящегося именно к этому начальному периоду и являющегося попыткой, непосредственного выведения основных психологических закономерностей из особенностей возбуждения и торможения корковых нейронов, — не остается сомнений в том, что в этой ранней фазе Фрейд отнюдь еще не был приверженцем антифизиологического идеализма. Напротив, исследования тех лет характеризуют его как, скорее всего, позитивистически настроенного невропатолога, как ученика общепризнанных ученых Брюкке, Мейнерта и особенно Шарко, как невропатолога, сосредоточившегося на изучении вначале афазий и детских параличей, а в дальнейшем — вопросов терапии функциональных расстройств и стремившейся опереться в своей работе на всю совокупность реальных знаний, которые накопились к концу XIX века. При исследовании афазий Фрейд критиковал узколокализационные теории Брока и Вернике с позиций более широких представлений, близких по духу

идеям Джексона; а его работа, посвященная проблеме детского церебрального паралича, явилась, по мнению Пьера Мари, как указывает Бенасси [46], наиболее полной, наиболее точной и наиболее продуманной из всех монографий, которые к тому времени были на эту тему написаны. Ни о какой склонности Фрейда к спекулятивным психологическим построениям работы этого этапа еще не говорят.

Второй этап в развитии фрейдизма, многократно критически освещавшийся в нашей литературе, характеризуется прогрессирующим переклещением Фрейда на путь крайне своеобразного анализа. В этом периоде Фрейдом была предложена теория психологических факторов, которые подавляют влечения, стремящиеся к реализации, — теория, оперирующая вычурной символикой Я, Сверх-Я и «цензуры»; был произведен анализ условий, при которых происходит нейтрализация патогенной энергии подавленного импульса к действию (главным из таких условий является, по Фрейду, осознание подавлению влечения); были разработаны методические приемы психоаналитического обнаружения вытесненных аффектов; была, наконец, создана сложная система представлений о характере преимущественно подавляемых устремлений. Как хорошо известно, эти подавляемые устремления, с точки зрения ортодоксального фрейдизма, носят почти исключительно сексуальный характер, а беспредельное многообразие других тормозных импульсов в расчет почти не принимается [27]; [28]; [29]; [30]; [31]; [32]; [33]; [34]; [42]; [63].

Что же касается методологических установок Фрейда в этом периоде, то они ясно выразились в его характерном убеждении, что, поскольку о физиологических механизмах работы мозга мы знаем мало, психологическую теорию надлежит разрабатывать независимо от всякой физиологии, не опираясь на последнюю [35]; [36].

Запрет на включение физиологических понятий в систему психологического анализа весьма выразителен для фрейдизма той эпохи. Он выступает как своеобразная антитеза знаменитого павловского запрета первых годов XX века на включение психологических понятий в систему физиологического анализа и подчеркивает всю полярность взаимоотношений между духом павловского учения и стилем исследований Фрейда. История показала в дальнейшем, какой дорогой ценой заплатил Фрейд за методологически порочную попытку построить теорию деятельности мозга в условиях игнорирования физиологической теории мозговых механизмов. Действительно, поскольку Фрейд отказывался от сближения с физиологией, он естественным образом оказался вынужденным сомкнуть свои построения с областью обобщений социально-исторического порядка. А так как идеология марксизма оставалась для Фрейда на протяжении всей его жизни глубоко чуждой, его экскурсы в область социологических дисциплин не могли стать не чем иным, как уходом в сторону исторического идеализма, обскурантизма и наиболее вульгарных псевдонаучных измышлений. Лучшее всего это доказывает ознакомление с такими более поздними работами Фрейда, как его теория происхождения человеческого общества из

сексуального Эдипова комплекса [37], [56]; [57]; как его представление о биологической обусловленности войн врожденным инстинктом агрессии, изложенное в его закрытом письме А. Эйнштейну [60]; как его отрицание ценности культурного прогресса [81]; [11]; как его теория существования особого инстинкта смерти, встретившая самую резкую критику на происходившем недавно во Франции специальном симпозиуме по проблеме инстинкта [46]; как ряд других его работ, относящихся к «метапсихологии», или психоаналитической социологии фрейдизма. Период создания этих работ, связанных с попытками анализа вопросов социологического порядка, охватывает два последних десятилетия жизни Фрейда и является третьим большим этапом в развитии психоаналитической концепции. Что же касается последнего, четвертого этапа, то он относится уже к послевоенному периоду и современности

Для четвертого этапа наиболее характерным является неожиданное изменение отношения психоаналитиков к вопросам физиологии. Неразрешимые трудности, на которые натолкнулась психоаналитическая теория в связи с ее традиционным антифизиологизмом, идейный тупик, в котором оказался в конце концов фрейдизм, породили в самом лагере фрейдистов в последние годы глубокие расхождения и пересмотр отношения к понятиям и методам современной нейро- и электрофизиологии. Ярким выражением этого поворота явился доклад Кэби [68], одного из наиболее видных фрейдистов США, на предпоследнем международном психологическом конгрессе в Монреале, и ряд других работ, опубликованных фрейдистами за последние годы. Новая, явно вынужденная ориентация фрейдизма выразительно подчеркнула всю бесплодность основного направления, которого психоанализ придерживался на протяжении полувека. Вместе с тем она поставила перед критикой фрейдизма задачу опровержения тех псевдоаргументов от физиологии, которые пытаются выдвигать современные психоаналитики.

Таковы четыре основных этапа, характеризующих эволюцию фрейдизма. Мы остановимся, однако, только на первом и последнем из них, так как по поводу второго этапа — фазы окончательного оформления психоаналитической теории и ее шумной известности — у нас уже существует обширная критическая литература, а обсуждать проблемы третьего этапа — фрейдовской социальной «метапсихологии» — было бы, из-за их явной псевдонаучности совершенно излишним.

* *

*

Как мы уже упомянули, Фрейд и Брейер отправлялись от представления, по которому заторможенный импульс к действию, влечение, не нашедшее реализации в поведении, становится патогенным. Мы сталкиваемся в данном случае, очевидно, со своеобразно выраженной мыслью о патогенности конфликта влечений. Как это представление развивалось Фрейдом в дальнейшем? Вряд ли нужно подчеркнуть, что идея

патогенности конфликта влечений является сама по себе важным общим положением, которое было выдвинуто клиникой и павловской физиологией вне какой бы то ни было связи с теорией Фрейда. Мы имеем в виду исследования М. К. Петровой [19], [20] и многие другие широко известные работы физиологом павловской школы, исследования ученых XIX века Захарьина и Боткина, клинические работы более позднего периода, выполненные Г. Ф. Лангом [7], А. А. Богомольцем [2], Р. А. Лурия [10], М. Л. Мясниковым [14], Бергманом и многими другими авторами, убедительно в совокупности показавшие всю широту возможностей развития самых тяжелых функциональных и органических расстройств, как результата так называемых «сшибок» и жизненных аффективных противоречий.

Из указанных исследований вытекает, что идею патогенности конфликта влечений и фрейдовское истолкование психологических механизмов этой патогенности ни в коем случае не следует отождествлять. В критике фрейдизма данное обстоятельство должно быть подчеркнуто так как неправильное представление о том, что конфликты влечений изучаются якобы только фрейдизмом, до сих пор, к сожалению, довольно распространено.

Чтобы понять, в чем заключается неправильность фрейдовской подстановки проблемы аффективного конфликта, следует вспомнить совершенно особое понимание механизмов действия этого конфликта, которое было с самого начала выдвинуто Фрейдом, по-видимому, под влиянием идей Шарко. Оно основывалось на предположении, что между характером подавленного импульса и характером спровоцированного клинического синдрома существуют отношения совершенно особого типа — отмщения, благодаря которым клинический синдром не только обуславливается подавленным влечением, но и символическим образом выражает это влечение в поведении [27]. Если подавляется, например, влечение идти к определенному лицу или танцевать с ним, то такой конфликт должен вызвать у невротика, по Фрейду, не просто ухудшение состояния не связанное по своему характеру с психологическим содержанием влечения, а функциональное расстройство в форме, например, нарушения походки, в котором заторможенный импульс находит свое символическое выражение и замещение. Очевидно, что, став на позицию такого своеобразного понимания, Фрейд полностью отрезал для себя возможность использования гораздо более широкой концепции, реальность которой была доказана впоследствии бесчисленным множеством как экспериментальных фактов, так и клинических наблюдений, и по которой функциональные и органические расстройства, вызываемые конфликтом, отражают в подавляющем большинстве случаев всего лишь неспецифические нарушения в динамике нервных процессов, а к психологическому содержанию конфликта вообще никакого отношения не имеют.

Опыт весьма многих работ, выполненных в клинике самых разнообразных расстройств, показывает, что с такими неспецифическими сдвигами, которые с психологическим содержанием конфликта ни в какой форме не

связаны, приходится иметь дело наиболее часто. Что же касается значительно более редких, но тем не менее отмечаемых иногда, особенно в клинике истерии [4], своеобразных эпизодов, при которых между функциональным нарушением, возникшим в результате конфликта, и психологическим содержанием этого конфликта обрисовывается определенная смысловая связь, то здесь действительно можно говорить в своеобразном проявлении в патологическом синдроме подавленного влечения, о своеобразном окольном выходе задержанных импульсов к действию, однако отнюдь не о проявлении этих заторможенных влечений, происходящем на основе какой-то их предварительной символической переработки. Истерическое расстройство безусловно может иметь адаптационный характер, то есть характер реакции, способствующей достижению больным определенной цели (примером может служить хотя бы возникновение истерического двигательного паралича в ситуации, когда это страдание избавляет больного от необходимости развивать нежелательную для него деятельность). Однако рассматривать такое расстройство как «символическое выражение» подавленного импульса допустимо не в большей степени, чем, скажем, трактовать обычное поведение как символическое выражение нормальных мотивов деятельности. Сама психологическая адекватность, логичность отношений, устанавливающихся в подобных случаях между клиническим синдромом и подавленным импульсом, несовместимы с оценкой этих отношений как связанных с символической переработкой влечения, поскольку при наличии такой переработки логичность связей между синдромом и ситуацией была бы неизбежным образом замаскирована.

Можно, таким образом, допустить (и на это, как мы увидим далее, есть достаточно веские и клинические и экспериментальные основания), что патологический синдром, провоцируемый конфликтом, действительно отражает иногда психологическое содержание подавленного влечения. Но у нас нет никаких оснований предполагать, что такое проявление подавленных импульсов происходит на основе какой-то их обязательной символической трансформации.

Мы остановились на своеобразии фрейдовского перехода к проблеме конфликта потому, что психоаналитическая методика выявления задержанных влечений, по существу, полностью построена на представлении о существовании процесса обязательной символической переработки влечений. Приняв такое представление, Фрейд должен был бы, казалось, уделить самое серьезное внимание анализу объективных закономерностей этой символической переработки. В действительности же он пошел по принципиально иному пути. Рассматривая истолкование символических переживаний, возникающих якобы в условиях сна и бодрствования, как своего рода интуитивно постигаемое искусство, Фрейд с самого начала внес в психоаналитическую технику величайшую произвольность толкования, которая лишила его методику всякой убедительности и объективности. В работах Фрейда можно встретить обширные перечни различных образов с

пояснением их символического значения, но узнать, на основе чего именно психоаналитик приходит к выводу, что данный образ символизирует именно такое содержание, ни из работ Фрейда, ни из исследований его многочисленных учеников совершенно невозможно. Никакого экспериментального контроля гипотезы символической переработки, никакого теоретического обоснования предполагаемых связей между переживанием и его символическим выражением фрейдизм не дает.

Все это в целом хорошо показывает, как дорого заплатил Фрейд за свой принципиальный антифизиологизм: поняв еще более полувек назад патогенетическое значение аффективных конфликтов, Фрейд пошел, однако, в анализе подобных процессов по методологически неправильному пути и из-за этого не смог даже в малой степени используя те неоспоримые преимущества, которые потенциально содержит в себе идея конфликта.

* *
*

Переходим ко второму из исходных положений раннего фрейдизма — представлению, по которому влечение или импульс к действию может быть фактором, влияющим на поведение также и в том случае если он остается неосознанным. Как и при обсуждении проблемы конфликта влечений, здесь следует подчеркнуть различие, существующее между психоаналитической трактовкой феномена и самым фактом существования этого феномена. Если психоаналитическая трактовка механизмов действия неосознаваемых влечений вызывает все те же возражения, которые мы только что привели, касаясь проблемы конфликта влечений, то самый факт существования неосознаваемых переживаний которые могут выражаться в поведении, налагать определенный отпечаток на динамику психологических, физиологических и клинических процессов и быть при этом связанными с совершенно определенным психологическим содержанием, вряд ли может вызвать какие-либо сомнения.

На возможность того, что различные сложные психологически содержательные переживания могут затормаживаться, тем самым устраняться из области осознаваемого, но при этом не разрушаться, а длительно оставаться сохранными в заторможенном состоянии, чтобы в дальнейшем с ослаблением торможения вновь проникнуть в сознание неоднократно указывал И. П. Павлов, как это хорошо известно хотя бы из «Павловских клинических сред» (см. «Среду» 6-го июня 1934 г. и др. Анализ физиологической основы таких латентных следов был дан павловской школой при рассмотрении феноменов растормаживания (торможения торможения, приводящего к освобождению заторможенных реакций), явлений замаскирования условных рефлексов и многих других процессов сходного типа. А то, что подобные неосознаваемые переживания могут, будучи заторможенными, тем не менее проявлять себя активным образом, налагая глубокий отпечаток на динамику как элементарных физиологических реакций, так и наиболее сложных форм поведения, было убедительно

показано в ряде самых разнообразных клинических и экспериментальных исследований последних десятилетий.

К числу таких исследований можно было бы отнести описания Молля [13], Бернгейма [47], Фореля [40], К. И. Платонова [21] и других; в которых приводятся обобщения данных, полученных по методике отсроченных постгипнотических внушений. Эти работы хорошо показали возможность удержания загипнотизированным лицом на протяжении длительного срока сложной инструкции, которая остается неосознаваемой, но тем не менее реализуется, когда наступают объективные условия, при которых она должна быть, согласно указанию гипнотизера, выполнена. К исследованиям подобного же типа относятся: экспериментальное изучение способности к спонтанному пробуждению от нормального сна в заранее, то есть перед засыпанием, заданные точные сроки (Эстергази, Маргерит и др.); исследование неосознаваемых психологических установок в смысле, придаваемом этому понятию Д. Н. Узнадзе, глубоко влияющих, как показали работы автора и его учеников, на всю сферу осознаваемой рецепции и моторики [25]; [22]; [23]; [1]; [15]; изучения А. М. Свядошем [24] способности восприятия во время нормального сна с удержанием в памяти после пробуждения сложных речевых инструкции; изучение влияния, оказываемого на электроэнцефалограмму, кожные биопотенциалы и другие вегетативные показатели речевыми сигналами, лежащими ниже порога слышимости (Мацумото и Чжан Цули), изучение Л. Б. Перельманом способности к неосознаваемому восприятию речи при функциональных поражениях слуха [18]; исследование при истерической слепоте условнорефлекторных реакций, вызываемых световыми сигналами различной силы (Баггавут и Оболенская), и многие другие разнообразные работы, подробное перечисление которых было бы сейчас излишним.

Данные всего этого широкого круга наблюдений заставляют прийти к выводу, что представление, по которому восприятия и высшие формы нервной деятельности, связанные с определенным психологическим содержанием, способны влиять на поведение также в тех случаях, когда сами эти процессы не осознаются, не может быть отвергнуто и подлежи дальнейшему клиническому и экспериментальному изучению. Важнейшим условием продуктивности такого изучения является, однако, раз работка представлений о механизмах действия подобных неосознаваемых факторов поведения с позиций павловской физиологии и с позиций психологической теории, которые с фрейдовской концепцией ничего общего не имеют.

* *
*

Чтобы исчерпать характеристику положений, которые явились для раннего фрейдизма исходными, нам остается коснуться еще одного во проса, имеющего особенно большое значение для их оценки. В чем сущность фрейдовского представления о переживании, как о функционально напряженном импульсе к действию, как о своего рода энергетически

заряженном векторе? Имеем ли мы здесь дело лишь с образным выражением, с художественной метафорой или же этому представлению фрейдизмом придается какой-то конкретный и специфический смысл?

Прежде всего следует установить, что Фрейд никогда даже не пытался уточнить значение данного исходного для него понятия. Мы обращаем внимание на этот факт, так как многие критики фрейдизма основывают на бесспорной неясности центрального фрейдовского представления всю свою оценку психоаналитической концепции. Так поступает, в частности, один из наиболее оригинальных и интересных современных критиков фрейдизма хорошо известный советским читателям Гарри Уэллс [26], [86].

«Понятие функциональной напряженности импульса к действию, — говорит Уэллс, — Фрейдом физиологически не раскрывается; следует поэтому думать, что оно было введено под влиянием виталистических идей об энтелехии, волюнтаризма Шопенгауэра и идеалистических концепций Фехнера». «Фрейд, — продолжает Уэллс, — не дал никакого экспериментального обоснования своей идее функциональной напряженности импульса. Эту идею нужно, следовательно, рассматривать как чисто спекулятивную, а поскольку система психоанализа на эту идет в основном опирается, то и вся конструкция Фрейда ничего, кроме спекуляции, по существу собой не представляет».

Таков общий скептический вывод Уэллса. Более строгий анализ показывает, однако, что, рассуждая подобным образом, Уэллс допускает некоторые неточности, из-за которых то, что является наиболее глубоким, коренным недостатком фрейдизма, им подчеркивается в недостаточной степени, а приводимые им критические соображения оказываются справедливыми лишь частично.

Физиологического раскрытия понятия функциональной напряженности влечений Фрейд действительно не дал. В более позднем периоде здесь сказался, по-видимому, его принципиальный антифизиологизм. Что же касается отсутствия такой расшифровки в период зарождения этого понятия, то вряд ли оно может быть поставлено Фрейду в вину. Для физиологии конца XIX века подобная расшифровка была задачей совершенно непосильной. Даже в наши дни, после открытия так называемых неспецифических корково-подкорковых проекций [84]; [66]; [79]; [78] и тонических влияний, оказываемых на различные формы высшей мозговой активности ретикулярной формацией мозгового ствола [87]; [85]; [70]; [49]; [61], вопрос о физиологической основе аффективной напряженности переживания, связанного с конкретным психологическим со держанием, остается, по существу, еще совершенно темным. А то, что идейным вдохновителем Фрейда в период выработки им понятия функциональной напряженности влечения было не идеалистическое, а материалистическое направление в неврологии, не вызывает после ознакомления с его «Проектом» [59] никаких сомнений.

Второе замечание Уэллса — о том, что идея функциональной напряженности влечения Фрейдом экспериментально разработана не была,

— само по себе правильно. Для нас, однако, наиболее важным является не столько вопрос о личном участии или неучастии Фрейда в подобных экспериментальных разработках, сколько самая возможность таких разработок, их фактическое проведение и их конкретные результаты. Для того, чтобы получить ответ на эти более общие вопросы, мы должны обратиться к широкому кругу исследований, проведенных десятилетия спустя после периода первых публикаций Фрейда авторами, никогда не находившимися ни в какой идейной связи с Фрейдом, но имевшими предметом изучения все ту же проблему задержанного импульса к действию и изменений в динамике элементарных и сложных реакций, которые вызываются такими задержанными импульсами. В рамках настоящего сообщения мы не можем входить в сколько-нибудь подробное рассмотрение этих работ, несмотря на весь их глубокий интерес и важность. Мы ограничимся только напоминанием, что совокупностью их была убедительно показана при помощи самых разнообразных экспериментальных приемов вся глубина реальных влияний, которые оказывает на динамику как психологических, так и физиологических процессов задержка сформировавшегося импульса к действию. В плане психологического анализа работы подобного типа проводили еще в 30-х годах Левин [71], Зейгарник [88], Биренбаум [48], Овсянкина [80], Лиснер [72], Малер [73], Хопе [64], Фаянс [53], Карстен [67], Дембо, а в плане физиологического и клинического анализа, с подробным изучением сосудистых, кожно-вегетативных и электрофизиологических показателей, годы спустя — Люнебург, Крис, Эльстред, Крейн и другие. В результате некоторых из этих работ были созданы как бы своеобразные лабораторные модели изменений функционального состояния, обусловливаемых задержанным импульсом к действию. Хорошим примером таких моделей могут служить сдвиги, получившие в мировой психологической литературе название по имени открывшего их советского психолога «феномена Зейгарник» [88] и явившиеся предметом обсуждения на одном из последних международных психологических конгрессов (1953г.) в докладе Толмэна [85]. Анализ феномена Зейгарник показал, как известно, что процессы запоминания протекают в условиях завершеного и незавершеного действия по-разному и что, следовательно, активность памяти так же, как и динамика многих других психологических функций, глубоким образом зависит от той функциональной напряженности, которая создается импульсом к действию до того, как последний находит свое выражение в поведении.

Что же касается общего вывода, который из всего этого круга исследований вытекает, то его можно сформулировать так: напряженность импульса к действию является функциональной психологической характеристикой, которая доступна для точного экспериментального и клинического изучения и, следовательно, такому изучению подлежит.

Само собой разумеется, что, пользуясь понятием функциональной напряженности импульса к действию, мы применяем категорию, которая ни в коем случае не выходит за рамки представлений чисто функциональной

психологии и отнюдь не раскрываем физиологической основы напряженности аффекта или влечения, а только заключаем о существовании подобной напряженности по тем сдвигам в динамике элементарных реакций и поведения, которые она вызывает и которые устраняются, если импульс к действию реализуется. Тем самым, однако, подтверждается реальность такой напряженности и устанавливается активный характер ее влияния и возможность ее объективного изучения.

Ясно, что обвинять Фрейда в том, что он положил в основу своей концепции понятие надуманное, своего рода психологическую функцию, как это делает Уэллс, — значит развивать критику, недостаточно строгую. Основная ошибка Фрейда носит гораздо более тонкий, сложный замаскированный характер и заключается в том, какую роль он для того понятия в своей системе отвел. Мы имеем в виду следующее.

Для Фрейда функционально напряженный импульс к действию — своеобразный атом системы человеческого поведения. Вся душевная жизнь человека, вся его деятельность объясняется, по Фрейду, борьбой подобных импульсов с противостоящими им психологическими факторами, порожденными общественной природой человеческого сознания. Никаких других психологических категорий фрейдизм при анализе поведения, по существу, не применяет, и потому подлинное, неизмеримо более сложное психологическое строение человеческой деятельности, связанное с определенными отношениями между мотивами поступка — потребностью, целевой установкой, пусковым стимулом, с одной стороны, и со свершившимся действием — с другой, — ускользнуло от Фрейда навсегда. А из-за отсутствия подобных, более глубоких представлений о психологической организации поведения, о строении деятельности функционально напряженные влечения выступают в понимании Фрейда как абстрактные психологические векторы, движущиеся как бы в своеобразном вакууме сознания (или «подсознательного»), в котором, кроме них, могут находиться разве только еще антагонистические им силы типа «цензуры», Сверх-Я и т. п.

При такой упрощенности, если не сказать вульгарности, подходу к проблеме строения человеческой деятельности вопрос о зависимости судьбы влечений от включения последних в более общие психологические структуры типа целевых установок (в смысле, придаваемом последнему понятию Д. Н. Узнадзе) психоаналитической теорией и не мог быть, по существу, поднят. А из-за этого недоступным для Фрейда оказался не только важнейший вопрос о зависимости влечения от той общей системы отношения к действительности, в рамках которой данное влечение проявляется, но и вся проблематика беспредельных возможностей трансформации влечений, происходящей на основе их сознательного связывания с новым психологическим содержанием и без всякой, следовательно, механики пресловутых «вытеснений».

Справедливость требует, впрочем, отметить, что дважды Фрейд был весьма, по-видимому, близок к тому, чтобы затронуть эту важнейшую для

всей теории психологического строения деятельности проблему зависимости судьбы влечения от той более общей психологической структуры, в которую влечение включено, а именно при разработке проблемы так называемой Сублимации и особенно при анализе представления, по которому выздоровление зависит от осознания подавленного влечения. Для стиля мышления Фрейда в высшей степени, однако, характерно, что он ни разу не попытался раскрыть более глубоким образом свой основной терапевтический тезис, пояснив, почему именно осознание подавленного влечения исцеляет. Есть многие основания думать, что клинические сдвиги, вызываемые подавленным влечением, действительно глубоко изменяются после того, как такое влечение осознается, но объяснить этот факт вряд ли вообще возможно, не допустив, что осознание влечения означает его неизбежное включение в определенную систему отношения к действительности, в определенную психологическую установку, способствующую возникновению критического отношения к этому влечению и именно поэтому глубоко изменяющую всю совокупность психологических и физиологических влияний, которые влечение способно оказывать. Такой способ толкования был, однако Фрейду всегда глубоко чужд, и поэтому естественно, что он никогда и не пытался его развивать.

Что же касается психоаналитического объяснения так называемой сублимации влечений, то здесь особенно ярко проявилось, насколько Фрейда привлекали псевдопсихологические построения, близкие по духу понятиям физики и оствальдовской энергетики. Сублимация влечения, то есть переключение последнего на новое психологическое содержание, объясняется, по Фрейду, всего лишь переводом заряда «психической энергии» с одного импульса действия на другой [28], [54]. Более откровенный и примитивный физикализм, более механистический подход в психологии подыскать было бы, пожалуй, трудно.

Мы не можем более задерживаться на критике того способа истолкования понятия функциональной напряженности импульса к действию, которое характеризует психоаналитическую теорию. Углубление такой критики связано с анализом взаимоотношений, существующих между аффективными влечениями, поведением и установками в понимании Д. Н. Узнадзе, с анализом всей проблемы психологической организации деятельности и увело бы от основных интересующих нас вопросов. Сказанного, однако, достаточно, чтобы обосновать наиболее важный для нас вывод. Психологически понимаемая напряженность импульса к действию является таким же научно правомерным и доступным для точного изучения понятием, как и идея патогенности конфликта влечений и представление о существовании разнообразных проявлений неосознанного влечения. Каждое из этих трех общих положений требует, однако, своего методологически и научно адекватного раскрытия.

Фрейдизм же ни одному из них такого раскрытия дать не смог, и поэтому ни одно из них в орудие научного анализа не превратил. В этом заключается основная, быть может, причина научной бесплодности всей гро-

моздкой теоретической конструкции, которую фрейдизм возводил с таким упорством на протяжении полувека.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *И. Т. Бжсалава*. Фиксированная установка и механизм временных связей. Сообщения АН ГрузССР, 1953, 14, 6.
2. *А. А. Богомолец*. Артериальная гипертония, М.-Л., 1929.
3. *Ф. Вельгьеши*. Фрейд и Павлов. К итогам дискуссии на съезде психотерапевтов в Зап. Германии, февраль 1957. «Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова». 1957, 57, 11.
4. *Ж. Дежерин, Е. Геклер*. Функциональные проявления психоневрозов, М., 1911.
5. *М. Б. Ефимов*. Против реакционных домыслов фрейдистов. «Вопросы философии», № 1, 1957 (о книге Синго Сибата «Критика социальной психологии». Токио, 1955, на японском яз.).
6. *Н. В. Иванов*. Критика фрейдизма в трудах отечественных психиатров, «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1953, 53, 7.
7. *Г. Ф. Ланг*. Гипертоническая болезнь, М., 1950.
8. *В. Лекишвили*. Критика психологической медицины. «Клинич. медицина», 1953, 31, 9.
9. *А. Р. Лурия*. Вступительная статья к монографии Ф. Фурста, «Невротик, его среда и внутренний мир», М., 1957.
10. *Р. А. Лурия*. Внутренняя картина болезни и «ятрогенные» заболевания, М., 1944.
11. *В. Львов*. Жизнь А. Эйнштейна. «Звезда», 1956, № 1–2.
12. *А. Метте*. Замечания по поводу понятия Фрейда о регрессии, «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1958, 58, 1.
13. *Молль*. Гипнотизм, 1909.
14. *А. Л. Мясников*. Роль нарушений высшей нервной деятельности в патогенезе гипертонической болезни. «Журнал ВНД», 1951, 1.
15. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании АПН РСФСР по психологии (июль 1955 г.), «Вопросы психологии», № 6, 1955.
16. *И. П. Павлов*. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Лекция 1, М.-Л., 1927.
17. Павловские клинические среды, тт. 1, 2, 3, М.-Л., АН СССР, 1954, 1955, 1957.
18. *Л. Б. Перельман*. Реактивная постконтузионная глухонмота, М., 1943.
19. *М. К. Петрова*. Патологическое отклонение раздражительного и тормозного процессов при трудной встрече этих процессов. Труды физиологических лабораторий акад. И. П. Павлова, т. 1, вып. 2–3, 1926.
20. *М. К. Петрова*. О роли функционально ослабленной коры головного мозга в возникновении различных патологических процессов в организме, Л., 1946.

21. *К. И. Платонов*. Слово как физиологический и лечебный фактор, М., 1957.
22. *А. С. Прангшвили*. Понятие установки в системе советской психологии, «Вопросы психологии», № 3, 1955.
23. *А. С. Прангшвили*. К проблеме основ уверенности в воспоминании. Труды Ин-та психологии им. Д. Н. Узнадзе, 1956, 10.
24. *А. М. Свядоц*. Восприятие речи во время нормального сна. Кандидатская диссертация, Л., 1940.
25. *Д. Н. Узнадзе*. Общая психология. На груз. языке, Тбилиси, 1940.
26. *Г. Уэллс*. Зигмунд Фрейд и его учение. «Вопросы философии», № 6, 1956.
27. *З. Фрейд*. Психоанализ детского страха (анализ фобии 5-летнего мальчика), М., 1913.
28. *З. Фрейд*. Лекции по введению в психоанализ, тт. 1–2, М.-Л., 1923.
29. *З. Фрейд*. Психоанализ детских неврозов, М.-Л., 1925.
30. *З. Фрейд*, Остроумие и его отношение к бессознательному, М., 1925.
31. *З. Фрейд*. Психология сна (истолкование сновидений), М., 1926.
32. *З. Фрейд*. Психопатология обыденной жизни, М., 1926.
33. *З. Фрейд*. Психоаналитические этюды, Одесса, 1926.
34. *З. Фрейд*. Страх, М., 1927.
35. *З. Фрейд*. По ту сторону принципа удовольствия, М., 1925.
36. *З. Фрейд*. Бессознательное, М., 1925.
37. *З. Фрейд*, Тотем и табу, М., 1923.
38. *З. Фрейд*, И. Брейер. О психическом механизме явлений истерии, Спб., 1899.
39. *З. Фрейд*, И. Брейер. Очерки истерии, Спб., 1900.
40. *А. Форель*. Гипнотизм, внушение и психотерапия, Л., 1928.
41. *Д. Фурст*. Невротик, его среда и внутренний мир, М., 1957.
42. *F. Alexander, T. French*. Psycioanalytic therapy. N. Y. 1946.
43. *F. Alexander, H. Staub*. Der Verbrecher u. seine Richter. Ein anal. Einblick in die Welt der Paragraphen, Vien, 1929.
44. *V. Banscicov, A. Portnow*. Freudismul in alujba reactiunii burghese. Analele rom.-sov. med. gener., 1953. За. III, 116–119.
45. *T. Besold*. Gynndkologie u. Psychoanalyse. Stuttgart, 1925.
46. *M. Benassy*. Interpretation de la theorie psychanalytique de l'inst. Coll. intern.: L'inst. dans le comport. des anim. et de l'homme. Paris, 1954.
47. *H. Bernhein*. Hypnotisrne et Suggestion. Paris, 1910.
48. *G. Birenbaum*. Psychol. Forsch. 1930, 13, 218–284.
49. *F. Bremer*. Quelques problems poses par la physiopathologie d'alterations de la consience. I Intern. Congr. of Neurl. Sc., Brussels, 1957.
50. *A. Brill*. Lectures on psychoanalytic psychiatry. N. Y., 1947.
51. *W. Clark*. Brain, 1932, 40, 406–470.
52. *T. Dembo*. Der Drger als dynamisches Problem, Psychol. Forsch., 1931, 15, 1–144.
53. *S. Fajans*. Psychol. Forsch., 1933, 17, 268–305.

54. *S. Ferenczi*. Final contributions to the problems and methods of psychoanalysis, London, 1955.
55. *A. E. Fessard*. Mechanism of nerv. integration and conscious experience. Symp.: Br. mech. a. consc., Oxf., 1954.
56. *S. Freud*. Moses and Monotheism, N. Y., 1947.
57. *S. Freud*. Leonardo da Vinci, N. Y. 1947.
58. *S. Freud*. Civilization and Its Discontents. Coll. pap., vol. IV, L, 1953.
59. *S. Freud*. The project. The Origins of psychoanalysis, N. Y., 1954.
60. *S. Freud*. Coll. Papers, 5, 280–235, London, 1953.
61. *J. French*. Contributions physiologiques eperimentales aux problemes de Inconscience. J Intern. Congr. of Neurol. Sc., Brussels. 1957.
62. *D. Hebb*. The problem of consciousness and Introspection. Symp.: Br. a. Consc., Oxf. 1954.
63. *E. Hilgard* (and oth.). Psychoanalysis as science. Stanf., Calif., 1952.
64. *F. Hoppe*. Psychol. Forsch., 1930, 14, 1–62.
65. *H. Jasper*. Diffuse projection System: the integrative action of the thalamic reticular system. EEG Clin. Neurophysiol., 1949, 1, 405–413.
66. *H. Jasper*. *C. Ajmonc-Marsan*, *Y. Stoll*. Corticofugal projectic to the brain stem. Arch. of Neurol. a. Psychiat., 1952. 67, 155–177.
67. *A. Karsten*. Psychol. Forsch., 1928, 10, 142. 254.
68. *L. Kubie*. Research possibl. in psychoanal. Proc. of the 14-th Intern. Congr. of psychol., Montreal, 1954.
69. *L. Kubie*. Psychiatrie and psychoanalytic considerations of the problem of consciousness. Symp.: Br. mech. a Consc., Oxf., 1954.
70. *G. Lairy*, *P. Dell* (and oth.). Colloque sur l'activitř ĩlectr. du cerveau en relation avec les phřn. psychol. Marseille. 1955, — EEG Clin. Neuroph., 1956, Suppl. 6.
71. *K. Lewin*. A dynamic theory of personality. N. Y., L, 1955.
72. *K. Lissner*. Psychol. Forsch., 1933, 18, 218–250.
73. *W. Mahler*. Psychol. Forsch., 1933, 18, 27–89.
74. *H. Magoun*. The ascending reticular system and wakefulness. Symp.: Mech. a. consciousness. Oxf., 1954.
75. *R. Morison*, *E. Dempsey*. A study of thalamo-cortical relations, Am. J. Physiol., 1942, 135, 281–292.
76. *G. Moruzzi*. Spontaneous and Evoked Electrical Activity in the Brain stem Retic. Formation. XX-th Intern. Physiol. Congr. Brussels, 1956.
77. *G. Moruzzi*, *H. Magoun*. Brain stem reticular formation and activation of the EEG, EEG. Clin. Neurophysiol. 1949, 1, 455–473.
78. *W. Nauta*, *D. Whitlock*. An anatomical analysis of the non-specific thalamic projection System. Symp.: Br. mech. a. consc.. Oxf., 1954.
79. *J. Olszewski*. The cytoarchitecture of the human reticular formation. Symp: Br. mech a. Consc. Oxf. 1954.
80. *M. Ovsiankina*. Psychol. Forsch., 1928, 11, 302–379.
81. *D. Rioch*. Psychopathological and neuropathological aspects of consciousness. Symp: Br. Mech. a. consc., Oxf. 1954.

82. *O. Seeling*. Die Psychoanalyse in pädagogischer Beleuchtung, Berlin, 1935.
83. *B. Skinner*. Critique of psychoanalytic concepts and theories. *Scient. Month.* 1954, 79, 5, 300–305.
84. *T. Starzl, H. Magoun*. Organisation of the diffuse thalamic projection system. *J. Neurophysiol.* 1951, 14, 133–146.
85. *E. Tolman*. Performance vectors and the unconscious. *Proceed. of the 14-th Intern. Congr. of Psychology, Montreal, 1954.*
86. *H. Wells*. Iwan. P. Pavlov. *Toward a Scient. Physiol. a. Psychiatry.* N. Y. 1956.
87. *R. Yung*. Correlation of bioelectrical and autonomic phenomena with alterations consciousness and arousal in Man. *Symp.: Br. mech. a. consc. Oxf.* 1954.
88. *B. Zeigarnik*. Über das Behalten von Erledigten und Unerledigten Handlungen. *Psychol. Forsch.* 1927, 9, 1–85.
89. *G. Zilboorg*. Recurrent trends in relation to psychopathology. *Proceed. Of the 14-th Intern. Congress of Psychology, Montreal, 1954.*

Вопросы психологии, 1958,
№ 5, с. 133–145

Научное совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом

П. П. Бондаренко, М. Х. Рабинович

В октябре 1958 года в Москве по инициативе Президиума Академии медицинских наук СССР было созвано научное совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом. В совещании приняли участие действительные члены и члены корреспонденты АМН СССР, научные работники из Институтов мозга и неврологии АМН СССР, Физиологического института имени Павлова АН СССР, Института высшей нервной деятельности АН СССР, Института психиатрии Министерства здравоохранения СССР и других научных учреждений Москвы и Ленинграда. В работе совещания участвовали также сотрудники кафедры философии АМН СССР.

В конце XIX - первой четверти XX века широкое распространение в медицине получило реакционное, идеалистическое учение З.Фрейда. Возникнув первоначально как одна из концепций, объясняющих причины и сущность неврозов, фрейдизм стал в дальнейшем претендовать на роль универсальной доктрины, распространив свое влияние не только на медико-биологические науки, но и на область социально экономических и исторических дисциплин.

Эта идейная экспансия фрейдизма проявилась, впрочем, только за рубежом, поскольку в России фрейдизм с самого начала встретил критическое отношение со стороны прогрессивных представителей теоретической и клинической медицины.

Решительной критике фрейдизм подвергался и в советское время, особенно когда в 20—30-е годы текущего столетия его стали пропагандировать у нас некоторые психологи (И.Д.Ермаков, А.Залкинд и др.). Фрейдизм не привился в России, потому что ему было противопоставлено материалистическое учение о нервизме Боткина, Сеченова, Павлова, Введенского, положенное в основу клинко-физиологической интерпретации патологических процессов и предотвратившее распространение антинаучных идей фрейдизма в советской медицине.

Совершенно иное положение сложилось в странах капиталистического Запада, особенно в США, где фрейдизм нашел применение не только в медицине, но и в философии и социологии и даже в таких практических областях, как вопросы организации производства, в области этики, эстетики педагогики и т.д. Являясь типичным продуктом буржуазной идеологической реакции эпохи империализма, фрейдизм стал использоваться буржуазными идеологами как средство для одурманивания масс в интересах империализма как идейное оружие в борьбе против марксизма.

Распространение реакционных идей фрейдизма вызвало за последние годы на Западе нарастание идейной оппозиции этому течению со стороны прогрессивных представителей зарубежной медицины, психологии и философии. В идеологической борьбе с фрейдизмом удалось убедительно показать всю философскую порочность этого учения и его методов.

Все эти обстоятельства обязывают советских ученых принять активное участие в идеологической борьбе с фрейдизмом, развернувшейся на Западе. Эта задача и была поставлена как основная в работе совещания.

Совещание открылось вступительной речью члена Президиума Академии медицинских наук СССР проф. С.А.Саркисова. В буржуазных странах, сказал С.А.Саркисов, многие врачи и социологи восприняли антинаучную концепцию З.Фрейда, в которой утверждается будто бы основной силой, определяющей поведение человека, являются неосознанные биологические инстинкты, берущие свое начало в сексуальных переживаниях детства. Для этих буржуазных ученых характерны попытки использовать методы психоанализа Фрейда не только в медицине, но и в промышленности. Еще в 1949 году на съезде Французской коммунистической партии в Страсбурге были подвергнуты критике попытки фрейдистов использовать методы психоанализа Фрейда с целью сбить с толку рабочих и умиротворить их.

При помощи психоанализа реакционные последователи Фрейда убеждают рабочего в том, что все трудности его жизни заложены якобы в нем самом, а не в буржуазном обществе, не являются следствием существующих в эксплуататорском обществе производственных отношений. Известный английский критик фрейдизма О'Коннор утверждает, что фрейдизм стал использоваться также и в «Национальном бюро психологической стратегии», которое было организовано в США в 1950 году. Во всех планах развертывания «холодиной психологической войны» предусмотрены мероприятия для принижения общественной роли рабочего класса, для выработки в нем пассивного отношения к борьбе за улучшение своего положения.

С критикой подобных реакционных попыток использования фрейдизма выступают не только марксисты, но и другие прогрессивные ученые в зарубежных странах. Так, врач-психиатр Джозеф Уортис из Нью-Йорка, в прошлом ученик З.Фрейда, опубликовал в 1955 году свои записи бесед с Фрейдом в книге «Фрагменты анализа с Фрейдом». Автор указывает, что он отошел от Фрейда, поскольку его концепция лишена всяких научных оснований. К такому же выводу приходит и Э.Пуупиан-Миндлин, редактор книги «Психоанализ как наука», в которой утверждается, что большинство положений фрейдизма не может быть подтверждено экспериментальными данными.

Решительно порвал с фрейдизмом и доктор Дж.Б.Фурст, автор известной советскому читателю книги «Невротик, его среда и внутренний мир», где дана обстоятельная критика всей системы фрейдизма.

Для характеристики состояния современного фрейдизма весьма показательным является XX Международный конгресс психоаналитиков, происходивший в августе 1957 года в Париже. Преобладающая численно делегация США выступила с рядом докладов, в которых выявилась тенденция к упрощению и стандартизации методов психоанализа. Против предложений американских фрейдистов решительно выступила французская делегация. На конгрессе выявились серьезные разногласия и по другим вопросам, что свидетельствует об отсутствии единства в лагере фрейдистов.

За последнее время за рубежом состоялся ряд конференций, симпозиумов и совещаний, на которых обсуждались основные положения психоанализа в сопоставлении с принципами физиологического учения И. П. Павлова. Примером подобного совещания может служить состоявшееся во Фрейбурге (февраль 1957 г.) научное собеседование на тему «Фрейд и Павлов», где делались попытки примирить оба учения.

В этом отношении характерна также статья, опубликованная на страницах журнала Джона Гопкинса, за май 1957 года, озаглавленная «Фрейд и Павлов». В этой статье говорится, что расхождение между школами Фрейда и Павлова можно выразить в двух словах: «объективность» и «субъективность».

«В идеологической борьбе с современным фрейдизмом, происходящей в настоящее время на Западе, — сказал проф. С.А.Саркисов, — советские ученые не принимают достаточного участия, и тем самым нами не выполняется одно из указаний XX съезда партии, подчеркнувшего, что мирное сосуществование двух лагерей — социалистического и капиталистического — ни в коей мере не должно вести к ослаблению идеологической борьбы против враждебных марксизму-ленинизму идей и направлений в буржуазной науке и философии».

С большим докладом «Критический анализ современного фрейдизма» выступил доктор медицинских наук Ф. В. Бассин. Характеризуя основные этапы развития фрейдизма, докладчик указал, что в начале своей деятельности Фрейд еще пытался в своих теоретических построениях опираться на некоторые нейрофизиологические данные. В дальнейшем же Фрейд пришел к крайним субъективно-идеалистическим психологическим построениям.

В этот период 3. Фрейдом была создана пресловутая теория факторов, подавляющих влечения, стремящиеся к реализации, — теория, оперирующая понятиями «Я», «Сверх-Я» и «цензура»; была разработана методика психоанализа для обнаружения ущемленных аффектов и т.д.

Антинаучными были попытки Фрейда распространить свою концепцию и на область социологии: теория происхождения цивилизации из «эдипового комплекса», идея неизбежности войн как проявления врожденных инстинктов агрессии у человека, отрицание общественного прогресса и признание наличия у людей тенденции к разрушению в силу действия инстинкта смерти и другие реакционные социологические измышления Фрейда.

Характеризуя современное состояние фрейдизма, докладчик отметил появление в рамках «ортодоксального» фрейдизма различных конкурирующих направлений (Гартманна, Криса, Левенштейна и др.), углубляющих «ревизию» фрейдизма, начатую в свое время еще А. Адлером. Другой особенностью современного фрейдизма является его тенденция использовать новейшие нейрофизиологические данные в области изучения структур и функций подкорковых образований мозга. для обоснования основной идеи фрейдизма — об определяющей роли «бессознательного» в поведении человека.

Такие реакционные устремления в использовании идей фрейдизма (особенно в социологии) вызвали критику со стороны ряда ученых (Г. Уэллс, А. Метте, Мюллер-Хегеман, Фельгиези и др.). В критической литературе вскрывается антинаучный характер теоретических построений фрейдизма и бесплодность методов психоанализа в лечении заболеваний, доказываемая на основе обширных статистических данных.

Однако влияние фрейдизма за рубежом далеко еще не преодолено. Так, один из основателей кибернетики, Н. Винер, утверждает, что основные установки фрейдизма якобы глубоко созвучны идеям новейшей физики.

Психоанализ продолжает оставаться идейной основой распространенного в США направления, так называемой психосоматической медицины.

Фрейдистские идеи используются не только в области психологии, но и в области эстетики, теории и истории искусства и литературоведения, о чем свидетельствует обширная литература.

Следует отметить, что борьбу против фрейдизма на Западе сильно затрудняет то обстоятельство, что критика его ведется недостаточно строго и последовательно. У некоторых критиков выявляется тенденция к частичному компромиссу между учением Павлова и Фрейда. Такую точку зрения высказывали В. Пенфилд, Б. Рассел, а также некоторые неврологи Индии. На Фрейбургской конференции психоаналитиков 1957 года эти взгляды поддерживали Микорей, Тайрих, Шейперт, Саллер и др.

Поэтому перед советскими учеными встает важная задача — показать недопустимость примирения и согласования двух принципиально несовместимых учений — Фрейда и Павлова. Следует решительно опровергнуть ложный тезис о том, что концепция фрейдизма содержит какие-либо ценные элементы, которые могут быть использованы в науке. Нужно показать, что идея болезнетворности конфликта влечений была выдвинута клиникой и павловской физиологией в России много десятилетий назад и совершенно независимо от теории Фрейда, но у Павлова эта идея имела строго научное обоснование и трактовку. Особенно ценны в этом отношении исследования павловской школы о зависимости глубоких функциональных и органических расстройств высшей нервной деятельности от так называемых «сшибок» и аффективных противоречий.

Ложность пути Фрейда заключалась не в том, что он уделил много внимания проблеме конфликта, а в том, какой эту проблему поставил.

Имеется в виду известное положение фрейдизма, согласно которому неврозы и сновидения не только вызываются подавлением влечения, но и символически выражают содержание этого влечения. Приняв такое надуманное толкование, Фрейд допустил тройную ошибку: во-первых, он отверг пути изучения неврозов как следствия нарушения нормального соотношения нервных процессов; во-вторых, стал на путь субъективного идеализма, положив в основу объяснения неврозов и сновидений теорию символизма; в-третьих, направил изучение вопросов патогенеза заболеваний неврозов и психозов на ложный путь субъективных методов психоанализа.

Никаких объективных данных в пользу того, что неврозы возникают в результате какого-то особого процесса предварительной символической трансформации подавленных аффектов, фрейдизм не дал и не мог дать.

Из вышесказанного необходимо сделать следующий вывод: психоаналитическое фрейдистское толкование проблемы конфликта должно быть отклонено; эта проблема давно научно разрабатывается павловской школой и материалистической психологией с научных позиций.

Важным тезисом фрейдизма является мысль о том, что импульс к определенному действию может влиять на поведение человека даже тогда, когда он не осознается. Однако этот тезис в учении фрейдизма получает мистическое истолкование. И.П.Павлов в своих выступлениях на «Клинических средах» неоднократно указывал, что сложные переживания и аффекты могут затормаживаться и оставлять глубокий след. Анализ таких латентных следов был дан павловской школой при изучении феноменов растормаживания, явлений замаскирования условных рефлексов и других явлений сходного типа.

То, что подобные неосознаваемые впечатления могут влиять на поведение, уже давно было показано в ряде клинических экспериментальных исследований Молля, Фореля, К.И.Платонова и других, а также в более поздних исследованиях Д.Н.Узнадзе и его учеников, изучающих влияние неосознаваемых психологических установок на сферу осознаваемой рецепции и моторики. В этом же направлении выполнены экспериментальные исследования Гершуни по анализу субсенсорных раздражений и т.д.

Все эти данные показывают, что проблема влияния неосознаваемых факторов поведения изучалась независимо от фрейдизма и получала научное истолкование с материалистических позиций.

Для последнего времени характерны попытки современных фрейдистов использовать некоторые новейшие данные нейрофизиологии для обоснования своих ложных концепций об определяющей роли «бессознательного» в поведении. Как известно, с начала 40-х годов был установлен ряд фактов, расширивших и углубивших представления о механизмах работы центральной нервной системы. Было обнаружено наличие активизирующих и тормозящих, восходящих и нисходящих влияний со стороны ретикулярной системы ствола и таламуса. Показано распространение импульсных потоков в специфических и неспецифических проекционных системах головного

мозга по нейронным орбитам кольцевого типа, ориентированных нередко вдоль мозговых вертикалей и дополняющих горизонтальные мозговые тракты. Установлена глубокая связь процессов высшей нервной деятельности с корково-подкорковыми импульсами.

Эти новые данные были неправомерно использованы современными фрейдистами для подтверждения своего ложного учения о ведущей роли врожденных, иррациональных факторов в поведении. В связи с этим следует сказать, что важнейшие из указанных фактов были обнаружены методом электрофизиологического и нейронографического анализа и все они вполне согласуются с общим положением И. П. Павлова о тонизирующей роли подкорковых структур на функцию коры, сформулированным несколько десятилетий назад. Новейшие исследования лишь уточнили представления о возможности локального, избирательного влияния определенных подкорковых систем на функциональное состояние корковых структур; о влиянии этих систем на более сложные формы мозговой деятельности; о непосредственном участии подкорковых образований в проведении импульсов, формирующих условную связь, и другие.

Поскольку корково-подкорковые связи носят двухсторонний характер, они приобретают принципиально иное значение и в функциональном отношении. Любые подкорковые влияния в условиях этих двухсторонних связей выступают лишь как несамостоятельные звенья в сложной цепи взаимообусловленных рефлекторных процессов.

Многими исследованиями последних лет было показано, что начало разветвления рефлекторного акта характеризуется направлением импульсных потоков не только в корковый аппарат высшего анализа и синтеза, но и в разнообразные нервные структуры более низкой локализации, вызывая на этих уровнях изменения и формирование замкнутых циклов, лежащих в основе отправления любых форм сложной рефлекторной деятельности приспособительного характера. Однако из самого приспособительного характера такой деятельности, направленной на уравнивание организма со средой, вытекает, что подкорковые влияния не могут рассматриваться как факторы, первично определяющие динамику внешних реакций.

Рефлекторная деятельность является биологическим явлением, вызываемым изменением среды и обеспечивающим приспособление организма к этим изменениям на основе анализа и синтеза соответствующих сигналов. Поэтому решающую роль в этой приспособительной деятельности играют высшие формы анализа и синтеза коры головного мозга. Что же касается подкорковых влияний, которые стимулируют кору, то они выступают скорее всего как проявление сложившегося в процессе филогенеза механизма саморегулирования функционального состояния высших мозговых уровней.

Важное значение для правильного представления о корково-подкорковых взаимоотношениях дали многочисленные исследования,

выполненные за последние годы как за рубежом, так и в СССР, по изучению ретикулярной формации мозга.

Особенно следует отметить важность электрофизиологического доказательства того, что наблюдаемые при засыпании и пробуждении восходящие подкорковые влияния могут первично провоцироваться самими же корковыми формациями.

Приведенные далеко не полностью новые данные принципиально несовместимы с фрейдистской трактовкой подкорковых влияний, как процессов, независимых от коры, с их ложной идеей о функциональном доминировании подкорки, об определяющей роли «бессознательного» в поведении.

История фрейдизма, заключил Ф.В.Бассин, — это одна из ярких иллюстраций того, как неправильный научный метод и ложная концепция заводят науку в безнадежные тупики и используются в реакционных идеологических целях.

В обсуждении доклада приняли участие представители психиатрии, физиологии, неврологии и психологии. Действительный член АМН СССР Е.А.Попов и проф. О.В.Кербиков подвергли критике применение метода и концепций психоанализа в психиатрии. На целом ряде примеров они продемонстрировали произвольный характер и субъективизм фрейдистского метода «свободных ассоциаций», позволяющего им «доказывать» все что угодно.

Представители классической психиатрии (Крепелин, Сербский, Ганнушкин) решительно отвергали фрейдизм. Борьба с фрейдизмом за рубежом ведется сейчас и в клинической психиатрии. Опровергая пресловутый «эдипов комплекс», который является, по учению Фрейда, главной причиной заболеваний неврозами, клиницисты-антифрейдисты поставили такие вопросы: как проявляется «эдипов комплекс» у детей, которые вскармливаются искусственно, а не грудью матери? Как обстояло с «эдиповым комплексом» в период матриархата, когда дети не знали своих отцов? Как обстоит дело, когда дети с младенчества воспитываются в детских домах? Во всех этих случаях, если верить фрейдистам, у этих детей имеется полная гарантия от заболевания неврозом в течение всей их жизни, поскольку они не прошли через стадию «эдипова комплекса». Эти простые вопросы оказались убийственными для фрейдистов, они бессильны до сих пор дать на них ответ, поскольку факты опровергают все их попытки ответить с фрейдистских позиций на эти вопросы.

Представители современного неофрейдизма в США (Хорни, Салливен) отходят от позиций старого фрейдизма в объяснении причин психических заболеваний. Они заявляют, что источником неврозов является нереалистичное представление о собственном «Я» и столкновение его с реальными условиями. Поэтому самой существенной задачей психоанализа они считают выявление противоречий между тайными желаниями индивида и окружающей жизнью, причем эти желания могут быть не только сексуального характера.

Представитель Института высшей нервной деятельности АН СССР доктор медицинских наук Н.Г.Гардцштейн отметила, что под влиянием феноменологических взглядов Ясперса и метафизических концепций Фрейда в психиатрии сформировалось идеалистическое направление, ставящее целью объяснить психические заболевания путем изучения «скрытых связей» душевной жизни. Видным представителем этого направления является Л. Браун, который в своей работе «Психогенные реакции» считает крупнейшим достоинством фрейдизма отрицание им материализма и близость к мистике Браун высказывает мнение, что изучение психогенных реакций должно проводиться на основе «глубинной психологии самосознания» Он делит психику на три слоя, из которых только третий слой является «истинно сознательным», и в нем происходят высшие процессы интеллектуально-волевого характера, включая аффекты и влечения

Другой представитель этого направления, Бирнбаум, делит психику человека на пять слоев, или сфер, и считает, что в зависимости от поражения той или иной сферы меняется форма и характер реактивного состояния. Разработка проблемы психогенных заболеваний, предпринятая Фрейдом и его последователями, содержит в своей основе грубо биологическую систему «пансексуализма». Социальная сущность человеческой личности при этом игнорируется.

Теория конфликтов, как главный патогенетический фактор невротических состояний, была разработана последователями Фрейда: Шильдером, Майером, Александером, Шульце, Шпиром, Джонсом и другими. Влияние Фрейда мы видим и в работах Курта Шнейдера, Рейхардта, Рейдера и многих других

С ответом своим зарубежным критикам из лагеря фрейдистов выступил директор Института психиатрии Министерства здравоохранения СССР Д. Д. Федотов. В декабрьском номере американского журнала «Матели ревю» за 1957 год была опубликована статья Д. Д. Федотова под названием «Как мы относимся к психоанализу?», в которой излагалось критическое отношение советских ученых к фрейдизму, доказывалось, что эта псевдонаучная доктрина не способствует прогрессу науки и не оправдала себя в медицине. Против статьи Д. Д. Федотова выступили видные американские фрейдисты доктор Лауренс Куби, опубликовавший статью под названием «Павлов, Фрейд и советская психиатрия», и Норман Рейдер со статьей «Ответ психоаналитика»

Обоих авторов объединяет стремление любой ценой отстоять незыблемость фрейдистских позиций даже путем грубых форм полемики, теряющих границы приличия Так, например, Рейдер пишет, что довольно бесполезное занятие отвечать на старые аргументы советских авторов, которые-де не являются результатом объективного исследовательского отношения к психоанализу, а суть выражение «официальной правительственной точки зрения».

Разумеется, это не очень сильный аргумент для защиты фрейдизма, так как Рейдер не хочет признать, что псевдонаучный характер фрейдизма

разоблачается советской наукой на основе диалектического материализма и физиологического учения И.П.Павлова

Совершенно необоснованным является утверждение Рейдера, будто Фрейд и его последователи открыли объективный метод исследования мозга, тогда как всем известно, что методы психоанализа основаны на чисто субъективных психологических приемах. Ложным является и утверждение Рейдера о том, что психоаналитическая концепция об определяющем влиянии «бессознательного» на сознание человека получает якобы обоснование в том факте, что человек не отгорожен от внешнего мира, от той реальности, частью которой он является.

Фрейдизм различает три аспекта душевных процессов, топографический с двумя психическими сферами—сознательной и бессознательной, динамический, характеризующий движение психических процессов между этими двумя сферами, и экономический, включающий распределение и обмен зарядов психической и сексуальной энергии. Органом сознания является кора головного мозга, она облегает мозг так же, как сознание облегает бессознательную часть психики. Но если кора защищена от внешнего мира черепной коробкой, то от низших частей мозга она ничем не ограждена. Поэтому сознание, говорит Фрейд, гораздо больше подвержено воздействию внутренних стимулов, чем внешних. Все эти излюбленные фрейдистские утверждения обычно заканчиваются выводом о том, что человеческое сознание определяется не опытом и общественной практикой, а инстинктами и вытесненными в «бессознательное» сексуальными комплексами.

Другой критик, Куби, пишет, что советские авторы якобы проявляют элементарное непонимание не только психоанализа, но даже павловского учения. В качестве примера он указывает на тот факт, что советские ученые никогда не ссылаются на те работы Павлова, где говорится о сходстве его взглядов со взглядами Фрейда по основным вопросам. Однако сам Куби таких работ не называет. Пытаясь согласовать и примирить учение Павлова и Фрейда, Куби говорит, что их методы якобы дополняют друг друга и различаются только чисто технически.

Еще с большей откровенностью он выступает против основного положения советской науки о том, что главный источник психических заболеваний, неврозов, кроется в социально-экономических условиях жизни людей. Социально-экономические и политические условия, по мнению Куби, играют роль, но не решающую, а второстепенную, в цепи событий, вызывающих невротический процесс. Ни свобода или равенство, ни бедность или богатство, ни досуг или переутомление, ни праздность или чрезмерная работа не вызывают сами по себе невроза, утверждает Куби. К такому выводу он приходит вслед за большинством американских психоаналитиков.

В этих утверждениях ясно вскрывается классовая сущность фрейдизма, поставленного на службу американскому империализму. Вот почему фрейдизм нашел в США свою вторую родину, как это справедливо утверждает Г.Уэллс.

Действительный член АМН СССР Н.И.Гращенко и член-корреспондент А.В.Снежневский в своих выступлениях остановились на истоках философских взглядов Фрейда. Они считают неправильным утверждение некоторых авторов о том, что Фрейд в начале своей научной деятельности был якобы механическим материалистом и придерживался физиологических концепций. По их мнению, Фрейд никогда не был материалистом, хотя его учителями были выдающиеся представители неврологии — Мейнерт и Брюкке в Вене и Шарко в Париже. Философское мировоззрение Фрейда формировалось под идейным влиянием таких мажорных идеалистов и мистиков, как Ницше, Шопенгауэр и Э. Гартман.

Свои мистические идеи символизма Фрейд заимствовал у немецкого идеалиста Берне, который еще до Фрейда проповедовал метод «свободных ассоциаций». Фрейд занимался психологическим обоснованием философии Ницше, особенно когда стал распространять свою концепцию на область социологии.

По своему мировоззрению Фрейд был типичным представителем субъективного идеализма. В своей работе «Толкование сновидений» Фрейд указывал, что в основе психической деятельности лежит рефлекс. Однако сенсорная часть этого рефлекса, по Фрейду, отражает не внешний объективный мир, а мир символов. Сознание, по его мнению, общается с внешним миром посредством органов ощущения, дающих сознанию внешний мир в символах. Таким образом, рефлекторная теория психики у Фрейда с самого начала носила субъективно-идеалистический характер.

Действительный член АМН П.К.Анохин и член-корреспондент Академии педагогических наук В.Н.Мясищев обратили внимание на необходимость более углубленно и конкретно подходить к критике фрейдизма, не упрощая его взглядов. Необходимо противопоставлять научно-материалистические данные для объяснения тех сложных интимных вопросов, которые монополизировал фрейдизм, пытаясь дать им свое истолкование. Следует иметь в виду, что фрейдизм не оставался стабильным; он изменялся, изменялись и его аргументы. Нельзя говорить, что фрейдизм игнорирует социальные явления: он искажает их сущность и дает неправильное объяснение поведения людей. Решительная критика сексуальных мотивов поведения людей заставила фрейдизм сменить в своей концепции сексуальные влечения влечением к смерти, к разрушению, борьбой инстинктов жизни и смерти. Эти реакционные идеи фрейдизма стали составной частью фашистской идеологии.

Надо вытеснить фрейдизм из областей науки, которые он пытается использовать в реакционных целях, и дать научно-материалистическое объяснение психическим явлениям. До сих пор мы увлекались, заявил проф. П.К.Анохин, рассмотрением мозга только как экрана, который реагирует, забывая о том, что мозг фиксирует некоторый остаток впечатлений, находящийся вне сферы сознания. Это тот огромный багаж, который можно назвать памятью мозга, сохраняющей накопленные факты всю жизнь. Физиология высшей нервной деятельности не изучает серьезно вопрос о том, как

используются накопленные остаточные впечатления в мозгу, как они влияют на сферу сознания и поведение. Огромную силу представляет в борьбе с фрейдизмом павловское учение, и это понимают его сторонники в США. Активную борьбу с фрейдизмом в Америке ведет павловское общество в США, председателем которого является Гент, занимающий передовую линию борьбы с американским фрейдизмом.

В ряде выступлений научных работников Ленинграда (Б.В.Андреев, И.Е.Вольперт, Л.Г.Первов) была подвергнута критике фрейдистская трактовка проблемы сновидений. Фрейдизм полностью отвергает принцип причинности в анализа сновидений. Применяя чисто субъективную методику анализа «свободных ассоциаций», путем нагромождения случайных, не связанных друг с другом хаотических мыслей испытуемого, фрейдисты становятся на путь полного произвола в своих выводах, на путь индетерминизма. Сновидение, продукт работы «сонного» мозга, особой состояние сознания, и его физиологические механизмы и содержание, как отражение внешнего мира, подлежат научному изучению. Путь к этому наметила павловская физиология.

На Западе издана большая литература, трактующая проблему сновидения, и существует много других теорий, кроме теории Фрейда. Так, например, в Западной Германии популярностью пользуется теория Юнга. Свои теории выдвинули психоаналитики Бьерре, Шульц-Хенке и другие. Так, Бьерре рассматривает сновидение как один из способов ассимиляции всякого рода трудных житейских проблем. Уподобляя процесс сновидения процессу пищеварения, то есть придавая ему биологический смысл, этот автор считает сновидения формой приспособления к жизненным трудностям. По его мнению, они способствуют обновлению и возрождению человека. Придавая смыслу сновидений мистический «пророческий» характер, Бьерре рассматривает сновидение как процесс, предсказывающий человеку то, что ему надо делать дальше в жизни в решении трудных проблем.

Юнг, трактуя проблему сновидений, считает, что в сновидениях человека раскрывается его «архетип». У нас, к сожалению, мало издается научной и научно-популярной литературы, освещающей материалистически проблему сновидений. А между тем имеется большой экспериментальный материал, накопленный павловской школой, для научно-материалистического освещения этой сложной проблемы.

Б.В.Андреев отметил, что необходимо изучать физиологические механизмы того круга явлений, которые можно назвать подсознательными. У человека существуют разные формы проявления сознания при различных состояниях (во время сна, гипноза, при утомлении, при неврозах и т.д.). В норме у человека слаженно работают обе сигнальные системы, но в ряде случаев может нарушаться их совместная работа, и тогда психическая деятельность осуществляется преимущественно при участии первой сигнальной системы, что обуславливает особую форму состояния сознания. Интересные экспериментальные исследования в этой области ведутся в лаборатории профессора Ф.П.Майорова.

Заведующий кафедрой философии АМН профессор П.П.Бондаренко посвятил свое выступление преимущественно вопросам идеологической борьбы с фрейдизмом в области социологии. Он отметил, что фрейдизм используется буржуазными социологами как идейное оружие в борьбе против марксизма. Характерно, что социологические и политические выводы из фрейдистских концепций делают не только философы и социологи, но и врачи так называемого психосоматического направления медицины США (Александр, Корсини, Кауфман и другие). Ф.Александр, основатель Чикагского института психоанализа, утверждает, что существует прямая зависимость между эмоциональным характером отдельных людей и политическим поведением целых народов и наций. По его мнению, нации и народы реагируют так же, как отдельные личности, причем малые нации и народности якобы реагируют и ведут себя, как малые дети, что и является причиной их политической неустойчивости и незрелости. Поэтому, заключает Александр, эти малые нации нуждаются в опеке «взрослых» наций. Разве это не одна из типичных концепций колониализма, которые ныне широко фабрикуются в США и других странах империализма?

Распространенным течением в современной буржуазной социологии являются так называемые психологические школы, которые пытаются все основные проблемы общественной жизни (права, политики, классовой борьбы, войн и революций и т.д.) рассматривать на основе психологии. Отрицая, по существу, социологию как общественную науку путем сведения ее к психологии, представители этого направления используют для своих теоретических построений антинаучные концепции фрейдизма. Наиболее активные сторонники фрейдизма в буржуазной социологии (Э.Джонс, Д.Хардинг, Р.Моней-Кирль, В.Троттер и другие) отрицают объективные экономические законы в развитии общества, классовую борьбу в условиях капитализма, проповедают крайний субъективизм, произвол случайностей в общественной истории, объявляют первичной основой общественной жизни индивидуальное сознание и даже не сознание, а иррациональное начало, именуемое «бессознательным».

Фрейдисты-социологи стремятся свести все сложные, многообразные формы поведения людей к некоторым неизменным иррациональным началам, вроде полового инстинкта, влечения к смерти, и другим. Они рассматривают человека не как социальное, а как биологическое существо, вся жизнедеятельность которого управляется врожденными инстинктами и бессознательными импульсами.

Фрейдисты считают, что в своем поведении человек действует под влиянием «бессознательного», они, по существу, отрицают роль разума, общественных форм сознания в поведении людей, а само человеческое общество уподобляют стаду животных. Циничнее всего это выразил фрейдист Богардус, заявляя, что толпа человеческих существ находится в тесном родстве со стадом животных, поэтому из поведения стада животных можно познать механизмы, управляющие человеческим обществом, в основе которых лежат биологические инстинкты.

Не приходится удивляться тому, что классовую борьбу, революционные выступления трудящихся фрейдисты-социологи изображают как стихию разнузданного патологического проявления инстинктов.

Свою пресловутую концепцию «эдипова комплекса» Фрейд применял для объяснения роли великих личностей, которые творят историю и играют роль отцов-заместителей в отношении масс. Объясняя причину возвеличивания отдельных личностей в истории, он указывал, что великие личности добиваются власти над людьми благодаря жгучей потребности огромного большинства людей в авторитетах. Эта потребность есть якобы выражение тоски по отцу, живущей в людях с детских лет.

Таким образом, фрейдизм в социологии отрицает ведущую роль народных масс в истории, низводя их до положения пассивной толпы, управляемой великими личностями, творящими историю. Не приходится сомневаться, что фрейдисты выполняют тем самым социальный заказ господствующих буржуазных классов.

Научное совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом вызвало большой интерес медицинской общественности.

В принятом решении было высказано пожелание о дальнейшем развёртывании более активной борьбы советских ученых с псевдонаучными идеями фрейдизма на основе диалектического материализма и физиологического учения Сеченова—Павлова.

Далее в резолюции подчеркивается необходимость решительной критики неправомερных попыток некоторых зарубежных авторов согласовать и примирить совершенно противоположные учения Павлова и Фрейда.

Особое внимание обращается на реакционную сущность устремлений современных фрейдистов распространять теорию Фрейда на область общественно-политических явлений.

Психоаналитическое направление в гуманитарных науках представляет одну из наиболее враждебных форм буржуазной идеологии, разоблачение которой является актуальной задачей марксистской социологии и философии.

*Вопросы философии, 1959,
№2, с. 164–170*

Философия волюнтаризма и психоанализ Фрейда

В. М. Морозов

Психоанализу З.Фрейда посвящена обширная литература. Не только в медицинской, но и в философской литературе часто упоминалось о том, что на Фрейда оказали заметное влияние различные философские и медицинские концепции. По мнению немецкого философа Р.Эйслера [1], на Фрейда оказали сильное влияние психология И. Гербарта (механика представлений), Шарко (учение об истерии) и каббала (искусство истолкования). Р.Эйслер характеризует психоанализ как частью медицинскую, частью психологическую теорию, которая рассматривает всю человеческую психическую жизнь с энергетически-телеологической точки зрения. Кроме того, в литературе неоднократно указывалось, что на З.Фрейда оказали влияние философы А.Шопенгауэр и Ф.Ницше. В «Кратком курсе истории психиатрии» Э.Аккеркнехт [2] пишет, что Фрейд раннего периода был под влиянием Г.Фехнера, а позднее познакомился с философией Шопенгауэра и Ницше; влияние именно этих философов на Фрейда оказалось наиболее существенным.

Сам Фрейд утверждал, что психоанализ не должен отдавать себя в распоряжение определенного философского мирозерцания. В своем выступлении на 5-м Психоаналитическом конгрессе в Будапеште в 1918г. Фрейд сказал: «Да простит нам наш уважаемый друг Д.Патнем в столь враждебной нам теперь Америке, если мы не согласимся и с его требованием, чтобы психоанализ отдал себя в распоряжение определенного философского мирозерцания и навязывал его пациенту с облагораживающей целью» [3, с. 86]. В своем докладе в Венской медицинской коллегии в 1904г. Фрейд говорил: «Не бойтесь, что ...мы глубоко увязли в самых темных областях философии: наше бессознательное не совсем то же, что бессознательное философов, а кроме того, большинство философов знать ничего не хотят о «бессознательном психическом»» [3, с. 26].

Из этих высказываний Фрейда следует сделать вывод, что психоанализ не навязывает больным каких-либо философских убеждений с психотерапевтическими целями и что большинство современных Фрейду философов ничего не хотели знать о психическом бессознательном.

Фрейд подчеркивал, что в создании своего учения он был безусловно самостоятелен. Свою концепцию вытеснения он считал совершенно оригинальной, пока О.Ранк не показал ему места в сочинении А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление», где философ пытается объяснить, что такое безумие. То, что этот мыслитель говорит; о сопротивлении (противодействии) какому-либо мучительному явлению действительности, писал Фрейд, настолько совпадает с содержанием моего понятия о вытеснении, что только вследствие моей незначительности я имел возможность сделать это. оригинальное открытие [4, с. 25]. А ведь, по

Фрейду, учение о вытеснении — фундамент, на котором зиждется все здание психоанализа, оно составляет существеннейшую его часть [4, с. 25]. В своей статье «Трудности психоанализа» Фрейд писал, что совершенно невозможно укротить сексуальные влечения и что душевные процессы сами по себе бессознательны и становятся доступны и подчиняются Я только вследствие неполного и неточного восприятия. Это равносильно утверждению, что Я не является хозяином в своем собственном доме.

Далее Фрейд указывает, что только очень немногие, вероятно, уяснили себе, каким важным по своим последствиям для науки и жизни является предположение о бессознательных душевных процессах. Фрейд заключает: «Но поспешим прибавить, что психоанализ не первый сделал этот шаг. Можно указать на знаменитых философов как на предшественников, прежде всего на великого мыслителя Шопенгауэра, бессознательную «волю» которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями. Кстати, это тот же мыслитель, который в незабываемых по силе словах напоминал людям о все еще недостаточно оцененном значении их сексуальных стремлений. Преимущество психоанализа состоит лишь в том, что он не отвлеченно утверждал эти оба столь мучительных для нарцизма положения о психическом значении сексуальности и бессознательности душевной жизни, а доказал это на материале, который касается лично каждого по отдельности и заставляет его выяснить свое отношение к этим проблемам. Но именно потому он и вызывает к себе все то отвращение и сопротивление, которые пощадили благодаря робости великое имя философа» [4, с. 198].

Указание Фрейда, что «бессознательную волю» по Шопенгауэру можно отождествить с душевными влечениями, с психоаналитической трактовкой душевных влечений, свидетельствует о глубоком внутреннем родстве философии Шопенгауэра с психоанализом.

Как известно, Шопенгауэр и Ницше являются философами-волюнтаристами (лат. *voluntas* — воля). Термин «волюнтаристский» (*voluntaristisch*) был впервые введен в философскую литературу немецким философом Ф. Тённисом в 1883г. и в дальнейшем подхвачен Ф. Паульсеном.

Различают антилогический (алогический) монистический метафизический волюнтаризм, который впервые выдвинул Шопенгауэр, и новый «логический» эмпирико-психологический волюнтаризм, главным представителем которого был В. Вундт.

Известен тезис Шопенгауэра: «мир — мое представление». Для человека несомненно, что он не знает ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий его мир существует только как представление, то есть исключительно по отношению к другому, к представляющему, которым является сам человек. Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно обречено этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта. По Шопенгауэру, первым эту истину решительно высказал Беркли, и это является его бессмертной заслугой перед философией [5, с. 3–4].

Хотя исходным пунктом сноти философии Шопенгауэр считает учение Канта, тем не менее первой ошибкой Канта, по его мнению, было то, что он опустил этот тезис о значении представления.

Еще одно положение Шопенгауэра — «мир — моя воля». Мир, с одной стороны, всецело представление, с другой стороны — всецело воля. Действительность же, которая была бы ни тем, ни другим, и объектом в себе (что у Канта выродилась в вещь в себе), — вымышленная небылица, и допущение ее представляет собой блуждающий огонек философии [5, с. 5].

Познающий субъект в этом мире чувствует себя как индивидуум, то есть его познание, которое является обуславливающим носителем целого мира, все же неизбежно опосредствуется телом, состояния которого служат рассудку исходной точкой для познания мира. Внутреннюю, непонятную познающему субъекту сущность проявлений и действий своего тела он называл бы силой, свойством характера, как ему угодно, но больше о ней не знал бы ничего. На самом деле слово разгадки индивидуума дано: и это слово — *воля*. Субъекту познания, который в силу своего тождества с телом выступает как индивидуум, это тело дано двумя совершенно различными способами: во-первых, как представление в воззрении рассудка, как объект среди объектов, подчиненный их законам; но в то же время оно дано и иначе — как то каждому непосредственно известное, что обозначается словом *воля*. Волевой акт и действие тела — одно и то же, но только данное двумя совершенно различными способами: во-первых, совсем непосредственно, во-вторых, в воззрении для рассудка. Тело не что иное, как объективированная, то есть ставшая представлением, воля. Тело — объективность воли. Воля — это априорное познание тела, а тело — апостериорное познание воли. Каждое воздействие на тело в то же время и непосредственно воздействие на полю; как таковое оно называется болью, если противно воле, называется удовольствием, наслаждением, если удовлетворяет ее. Мое тело и моя воля — одно и то же. То, что я как наглядное представление называю своим телом, то я, поскольку сознаю это совершенно особым, ни с чем несравнимым образом, называю своей волей [5, с. 104–107]. Физический мир сверх представления в себе и по своему внутреннему существу является тем, что мы в самих себе находим непосредственно как волю [5, с. 110]. Сопровождение воли познанием и обусловленная этим определяемость ее по мотивам относятся не к ее существу, а только к ее ясному проявлению в животном и человеке [5, с. 110].

Явление значит представление и больше ничего, но *вещь в себе* — это только воля, которая как таковая вовсе не представление, а нечто отличное от него в своей сущности. Воля проявляется в каждой слепо действующей силе природы, но она же проявляется и в обдуманной деятельности человека: великое различие между первой и второй касается только степени проявления, но не сущности того, что проявляется [5, с. 115].

Шопенгауэр каждую силу природы понимает как волю. Воля действует и там, где ею не руководит познание, а представление как мотив не является необходимым и существенным условием для деятельности воли [5, с. 119].

Во всех функциях нашего тела, не руководимых познанием, воля многообразно действует слепо (животные и растительные процессы, пищеварение, кровообращение, рост, воспроизведение). Здесь воля действует слепо, определяется не мотивами, а *раздражениями*.

Раздражение составляет середину, переход от мотива, который является причинностью, прошедшей через познание, к причине в узком смысле. Все познание вообще, как разумное, так и чисто наглядное, первоначально вытекает из самой воли. Воля сама по себе бессознательна и представляет собой лишь слепой, неудержимый порыв. То, чего хочет воля, всегда есть жизнь: все равно, сказать ли просто *воля* или *воля к жизни* [5, с. 283]. Поддержание тела его собственными силами — это весьма ничтожная степень утверждения воли. Наше собственное сознание и мощь полового влечения учат нас, что в половом акте в чистом виде, без всякой примеси (например, без отрицания чужих индивидуумов) выражается самое решительное утверждение воли к жизни.

В качестве непреклонного и самого могучего утверждения жизни половой инстинкт для человека, близкого к природе, как и для животного, служит последней целью, высшим пределом жизни. В половом влечении внутренняя сущность природы, воля к жизни проявляется сильнее всего. Половые органы гораздо больше, чем всякий другой орган тела, подчинены одной только воле, а вовсе не познанию: половые органы являются настоящим *фокусом* воли и, следовательно, противоположным полюсом мозга, представителя познания, то есть другой стороны мира — мира как представления [5, с. 341]. Положение о примате воли по отношению к познанию и сознанию является существеннейшей частью философии Шопенгауэра.

Воля является вещью в себе, она составляет подлинную и неразрушимую сущность человека: сама по себе она лишена сознания. Сознание обусловлено интеллектом и является функцией мозга, а мозг (вместе с принадлежащими ему нервами и спинным мозгом) является простым производным, продуктом, даже паразитом организма, поскольку он не вмешивается непосредственно в деятельность организма и служит только цели самосохранения последнего, регулируя отношения организма к внешнему миру. Интеллект вторичен, организм первичен; воля метафизична, интеллект обладает физическими данными; воля — субстанция человека, интеллект — его акциденция. Как познаваемое в самосознании выступает исключительно воля. Не только желание и решение в узком смысле этого слова, но все стремления, желания, надежды, любовь, ненависть, опасения, то есть все, что образует наслаждение (*Lust*) и неудовлетворение (*Unlust*), является только деятельностью воли [6, с. 224–225].

Интеллект чужд решениям воли, является для нее только поставщиком мотивов, о последующем интеллект узнает позже, чисто апостериорным путем. Интеллект исключен из среды тайных решений и заключений воли. В отдельных случаях люди могут вообще никогда не догадываться о подлинных мотивах своих поступков, считают себя неспособными к ним.

В связи с этим Шопенгауэр приводит афоризм Ларошфуко: самолюбие более искусно, чем самый искусный человек на свете [6, с. 235]. То, чем служат для неукротимого копя мундштук и узда, тем является у человека интеллект в отношении воли. Тело — функция воли [6, с. 240].

В сновидении воля вынуждает своего слугу — интеллект живописать неудовлетворенное желание, утешать своего господина; при этом направленный на действительность интеллект испытывает насилие и принимает ложное за истинное, чтобы хоть на некоторое время успокоить и усыпить беспокойную и неукротимую волю [6, с. 243]. Мозг со своей функцией познания есть не что иное, как выставленный волей страж, который, находясь наверху в сторожевой башне — голове, смотрит и наблюдает вокруг сквозь окна — органы чувств и сообщает об этом воле, которая и выносит решения [6, с. 272]. Для нас особенно важно указать, что Шопенгауэр пытался обосновать свой тезис о мозге как вспомогательном органе воли (в которой мозг объективируется *вторично*), ссылаясь на достижения естествознания и медицины того времени. Здесь мы видим пример того, как реакционная философия пытается использовать в своих целях данные научного прогресса.

Подтверждение своих взглядов Шопенгауэр видел в работах английского невролога Маршалла Холла¹, который впервые широко использовал учение о рефлексе в терапии и диагностике; спор, возникший вокруг его работ, содействовал тому, что работа Г. Прохазки и его теория нервной деятельности получили широкую известность [7]. Шопенгауэр называет книгу М.Холла «О болезнях нервной системы» превосходной и считает, что созданная последним теория произвольных движений подтверждает его, Шопенгауэра, концепцию о примате и о различии между произвольным и волей [6, с. 290–292].

Подтверждение своих взглядов Шопенгауэр находит также в произведениях французского анатома и физиолога М. Биша; он ссылается на книгу Биша «Sur la vie et la mort», в которой выдвинута концепция органической и анимальной жизни. По мнению Шопенгауэра, органическая жизнь по Биша соответствует воле по Шопенгауэру, а анимальная жизнь соответствует интеллекту. По Биша, интеллект имеет свое седалище в мозге, а органическая жизнь — во всем остальном организме.

По мнению Шопенгауэра, Биша как анатом и физиолог пришел к тем же выводам, что и он, Шопенгауэр, в качестве философа. Органическая жизнь начинается раньше и угасает позже, чем анимальная. Аффекты и страсти имеют свое местопребывание в органической жизни, а анимальная жизнь ограничена интеллектуальными операциями. «Органическая жизнь — это предел, до которого доходят страсти и центр, откуда они исходят» [Биша]. Только анимальная жизнь (функция мозга) подвержена влиянию обучения, воспитания, образования и привычек, в то время как *моральный*

¹ В своей книге «Рефлекторная функция продолговатого и спинного мозга» (1833) М. Холл показал разницу между произвольными движениями и бессознательными рефлексами. Он показал, что спинной мозг — цепь сегментов, чьей функциональной единицей являются отдельные рефлекторные акты.

характер относится к области не поддающейся модификациям извне органической жизни. Этим объясняется неизменность морального характера. Физический темперамент и моральный характер не способны к перемене под влиянием воспитания, которое так изумительно изменяет деятельность анимальной жизни. Характер – физиономия страстей, темперамент — внутренних функций. Воспитание может укрепить анимальную жизнь, чтобы она лучше сопротивлялась импульсам органического а страсти являются продуктом действия всех внутренних органов. Шопенгауэр с удовлетворением принял эти объяснения Биша (6, с. 296–299).

В главе «О безумии» Шопенгауэр писал, что для лучшего уяснения вопроса о происхождении безумия надо подумать о том, как неохотно мы вспоминаем о тех вещах, которые ранят нашу гордость, задевают наши интересы и желания, как тяжело для нас решение представить их нашему интеллекту для более точного и серьезного рассмотрения, как легко мы, наоборот, этого избегаем. В этом сопротивлении воли передаче всего противного ей освещению интеллектом и находится тот пункт, где безумие может вторгнуться в область духа.

Каждое противное воле новое событие должно быть ассимилировано интеллектом, то есть получить место в системе истин, относящихся к нашей воле и ее интересам; постоянно стремящееся к удовлетворению и противное воле интеллект стремится вытеснить. Если это удастся, то интеллект страдает в более слабой степени. Эта операция вытеснения сама по себе часто очень болезненна и большей частью совершается медленно. Если она совершается правильно, то душевное здоровье сохраняется. В тех случаях, когда сопротивление и упрямство воли вопреки восприятию познанием достигают такой степени, что операция вытеснения не может быть проведена полностью, тогда от интеллекта полностью оказываются утаенными известные события или обстоятельства, потому что воля не может перенести их облика. В таких случаях в силу отсутствия необходимой связи возникшие пробелы заполняются любим образом, и тогда появляется безумие. Интеллект лишился своей природной способности быть по вкусу воле и человек воображает теперь то, чему нет места в действительности. Возникшее таким образом безумие является Летой невыносимого страдания: это последнее вспомогательное средство устрешенной природы, то есть воли. В этом заключается психическое происхождение безумия. Сущностью безумия является невозможность последовательных связных воспоминаний прошлого [6, с. 456–460).

Эта созданная Шопенгауэром концепция безумия получила высокую оценку Фрейда, который писал о полном совпадении его понятия вытеснения с определением Шопенгауэра. Созвучен этому афоризм Ницше «...Это я сделал», — говорит моя память. ...Этого я не мог сделать», — говорит моя гордость и остается неумолимой. Наконец, намять уступает» [7, с. 99].

Подведем некоторые итоги. Наиболее отчетливо влияние Шопенгауэра на Фрейда заметно в отношении учения последнего о бессознательном, о вытеснении, о значении сексуального инстинкта и о сексуальном развитии.

Прежде всего надо указать на общность основной идеи Шопенгауэра и Фрейда. То, что у Шопенгауэра выступает как примат воли над интеллектом, выступает у Фрейда первоначально как примат бессознательного над сознанием. Он утверждал, что психическая энергия неудовлетворенного биологического влечения или инстинкта накапливается в бессознательном и стремится к своему выражению. Сексуальность Фрейд понимал широко и обозначил ее термином «либидо», что позволило назвать психоанализ психологией либидо. Связанная первично с биологическими инстинктами психическая энергия неразрушима и динамична. Современные условия цивилизации наиболее часто тормозят проявления полового инстинкта, результатом чего является огромное накопление психосексуальной энергии в бессознательном, что в свою очередь обуславливает большую часть нашей психической деятельности, как нормальной, так и патологической. Первично связанная с сексуальным влечением психическая энергия становится общим стимулом для всевозможных деятельностей и определяется более широко, чем непосредственное сексуальное влечение; либидо выступает как энергетический ресурс психической деятельности вообще.

Позднейшее развитие Фрейдом его первоначальной теории инстинктивного психосексуального либидо заключалось в присоединении инстинкта смерти к сексуальному инстинкту как главному мотиву психической жизни, топографическом разделении личности на Оно, Я и Сверх-Я (1927), создании новой теории страха (anxiety).

По Э.Зискиндю, Фрейд представил систему психологии, которую его последователи превратили в науку о фундаментальных принципах поведения. Эта наука охватила все области человеческой деятельности, включая умственную, обычное житейское поведение, развитие характера, одаренность, искусство, литературу, фольклор, и науку о человеке, включая антропологию, социологию и политические науки. В клинической области эта теория охватывает этнологию, формирование симптомов (психодинамика) и даже классификацию психических расстройств [8, с. 229]. Американский психоаналитик Брилл заявил, что с появлением психоанализа было заново переписано почти все, относящееся к области духовного.

После первой мировой войны Фрейд изменил свою первоначальную теорию либидо. Сновидения лиц, страдавших травматическими боевыми неврозами, были явно далеки от выражения неудовлетворенного сексуального влечения, и Фрейд выдвинул представление о биологической тенденции возврата к прошлому, которая призывает живущее к возврату в прежнее неодушевленное состояние. Энергетическим ресурсом становятся два инстинкта: сексуальный (эрос) и смерти (танатос).

Не все современные психоаналитики придерживаются фрейдовской концепции инстинкта смерти. Первоначально Фрейд считал агрессивность вторично обусловленной неудовлетворенностью либидо. В его новой концепции агрессивность (враждебность) является первичной инстинктивной силой. Садизм и мазохизм рассматриваются как выражение эрогенизированного инстинкта смерти [8, с. 230].

По Шопенгауэру, воля к жизни, самым ярким выражением которой является половой инстинкт, в своем развитии приходит к своему отрицанию, и при этом развивается стремление возвратиться в небытие. Шопенгауэр разделяет идеал буддийской религии — нирвану, абсолютную безмятежность, убивающую волю к жизни. Он указывает, что замкнутый круг является символом природы. Круг — это схема возврата самой общей формы, встречающейся в природе, от смерти до возникновения органического существа [6, с. 545].

В дуалистической теории инстинктов Фрейда с признанием примата инстинктов над разумом и сознанием обнаруживается глубокое внутреннее родство с теорией «воли к жизни и ее отрицания» Шопенгауэра. Присущая инстинктивным силам тенденция к возврату и повторению (*Wiederholungszwang, repetition compulsion*), по Фрейду, соответствует замкнутому кругу, по Шопенгауэру, — символу природы.

Следующим общим для Фрейда и Шопенгауэра понятием является вытеснение, как об этом свидетельствует приведенное выше заявление Фрейда.

Общее в концепциях Фрейда и Шопенгауэра мы усматриваем и в теории психосексуального развития в психоаналитической трактовке. По Фрейду, развитие либидо связано с вызывающими чувство наслаждения ощущениями, возникающими в различных зонах тела и в связи с моторной деятельностью. Выделяются следующие фазы: 1) ранняя оральная, 2) поздняя оральная, 3) ранняя анальная, 4) поздняя анальная, 5) фаллическая, 6) генитальная.

На ранних стадиях либидо аутоэротично. Характер является продуктом трансформации либидо путем сублимации или формирования реакций.

Первоначально генерализованное половое возбуждение затем локализуется и связывается с различными соматическими зонами. В ранней оральной фазе либидо, например, связано с сосанием, а его локализация ограничивается ртом, губами и языком. Из схемы развития инфантильной сексуальности вытекает психоаналитическая трактовка нормального и патологического поведения. Характер и психические заболевания обусловлены динамикой различных фаз инфантильной сексуальности. Либидинозное происхождение характера психоанализ выражает в своей классификации характеров: оральный, анальный, фаллический, уретральный и генитальный [8, с. 232]. В клинической классификации говорится о нарциссическом, истерическом и обсессивном типах характера. Связь свободной энергии либидо с соматическими эрогенными зонами соответствует положению Шопенгауэра, что воля, определяемая раздражениями, слепо действует во всех функциях нашего тела, не определяемых познанием, что воля есть функция тела. Влечение, по Фрейду, никогда не производит действия мгновенного толчка, а всегда постоянной силы: таким же образом характеризует «волю» Шопенгауэр.

По Фрейду, возникающие непрерывно внутри организма раздражения влечений побуждают нервную систему к сложным последовательным

деятельностям, настолько изменяющим внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних источников раздражения. Именно они, влечения, а не внешние раздражения являются настоящим двигателем прогресса, который довел до современной высоты развития столь работоспособную нервную систему [4, с. 106].

Каждый психический акт начинается как бессознательный и может таким и остаться или же, развиваясь дальше, проникнуть в сознание в зависимости от того, наталкивается ли он на сопротивление или нет [4, с. 79]. Душевные процессы сами по себе бессознательны и восприятие их сознанием можно сравнить с восприятиями органами чувств внешнего мира. Фрейд указывал, что психоаналитическое допущение бессознательной психической деятельности является продолжением коррекции, которую внес в наше понимание внешних восприятия Кант. Подобно тому, писал Фрейд, как Кант предупредил нас, чтобы мы всегда принимали во внимание субъективную условность нашего восприятия и никогда не считали его вполне тождественным с не поддающимся познанию воспринимаемым, так и психоанализ предупреждает, чтобы мы не отождествляли восприятия сознания с бессознательным психическим процессом, который является объектом этого сознания. По мнению Фрейда, коррекция внутреннего восприятия не представит такой трудности, как внешнего, и внутренний объект легче познать, чем внешний мир [4, с. 130].

Это значит, что, говоря современным физиологическим языком, сумма раздражений внутренней среды организма первично стимулирует мозговые функции анализа и синтеза раздражений внешней среды и является подлинным двигателем развития человечества. Вместе с тем направленный сознанием психологический анализ внутренних инстинктивных сил позволяет познать их лучше, чем внешний мир, среду, в которой находится человек. Позднее Фрейд писал, что сознательное отгорожено от внешнего мира черепной коробкой, а между сознательным и бессознательным такой преграды нет. Органы чувств подобны усикам насекомых; они только маленькие щели, которые пропускают внутрь ничтожные фрагменты. Это щит, ограждающий сознание. Череп и органы чувств защищают мозг, кору [9].

Фрейд и Шопенгауэр вносят одинаковые «коррективы» в учение Канта. Шопенгауэр считает, что кантовская вещь в себе есть воля (воля к жизни) и что в самосознании как познаваемое выступает исключительно воля; по Фрейду, психоанализ внутренней инстинктивной жизни позволяет познать ее лучше и глубже, чем наше сознание познает внешний мир. И в том, и в другом случае инстинкт как нечто первичное оказывается более доступным познанию, чем его производное — деятельность сознания.

Шопенгауэр приводит мнение немецкого анатома Ф.Тидемана, который, по-видимому, первый утверждал, что центральную нервную систему можно сравнить с паразитом. Шопенгауэр находит это сравнение превосходным [6, с. 279]. Он указывает, что воля объективируется непосредственно в возбудимости, а не в чувствительности [6, с. 283]; самым

непосредственным образом она объективирует себя в крови, а нервная система является ее (воли) вспомогательным органом. Вся нервная система — как бы усики или щупальца воли, которые воля вытягивает наружу и втягивает внутрь [6, с. 290]. Шопенгауэр с ожесточением выступал против французского анатома и физиолога Флуранса, который утверждал, что только мозг является органом души во всей полноте ее функции [6, с. 300–304].

Мы видим, что руководящая общая идея концепций Шопенгауэра и Фрейда отражается также в общности терминологии.

По Шопенгауэру, мозг объективирует волю к познанию, так же как нога объективирует волю к ходьбе. Посредством мозга воля приобретает способность контролировать себя и руководствоваться мотивами, а не раздражениями. Поэтому у человека воля может проявляться не только как слепая сила. По Фрейду, инстинктивные бессознательные силы могут быть сублимированы в ту или иную деятельность, и наша культура является продуктом такого сублимирования. Умственное развитие (*Intelligenz*), по Шопенгауэру, свидетельствует о прогрессирующей смене интеллекта волей, что в исключительных случаях находит свое выражение в гении [6, с. 331].

У человека эмоции и идеи являются двумя обязательными и неотделимыми аспектами отражения в сознании объективной реальности. Эмоции и мысли человека — различные аспекты сознания, отражения человеческим мозгом объективной действительности. Идеалисты Шопенгауэр и Фрейд разделяют волюнтаристскую точку зрения, рассматривают в ее аспекте также общественные отношения и всю проблему развития человечества. Психоанализ Фрейда является, пожалуй, самым ярким примером экспансии философии волюнтаризма в область естествознания и медицины. Познание внешнего мира трактуется в субъективно-идеалистическом плане, а слепые силы инстинктов объявляются более доступными в смысле их познаваемости для сознания, столь беспомощного в отношении познания внешнего мира. Онтологическая точка зрения заключается в примате воли и инстинктов над интеллектом и сознанием, а гносеологическая — в признании ограниченности и беспомощности интеллекта и сознания; я в отношении познания внешнего мира и одновременного признания большей познаваемости инстинктивных влечений сознанием и интеллектом, которые в свою очередь объявляются чем-то вторичным, производным темных инстинктивных сил.

В этом заключается общее внутреннее неразрешимое противоречие концепций Шопенгауэра и Фрейда, вытекающее из субъективного идеализма и волюнтаризма их систем.

Волюнтаризм Шопенгауэра был так же враждебен прогрессу современного ему естествознания, как волюнтаризм Фрейда враждебен современным успехам естествознания, враждебен учению И.П.Павлова. Шопенгауэр писал, что М.Холл открыл рефлекторные движения, связанные со спинным мозгом, и создал теорию произвольных движений. По М. Холлу, произвольные движения частью нормальны, или физиологичны: к

ним относятся сокращения сфинктеров мочевого пузыря и прямой кишки, век во сне, мышц гортани при поперхивании, зевании, чихании, дыхание, эрекция, эякуляция и т.д. К патологическим относятся заикание, всхлипывание, рвота, всевозможные судороги. Судороги — бунт нервов конечностей против суверенитета мозга, нормальные рефлекторные движения — законная автократия подчиненных служащих. Все эти движения связаны со спинным и продолговатым мозгом. Шопенгауэр доказывает, что данные М.Холла полностью подкрепляют учение о воле как главной движущей силе. Фрейд признает рефлекторную схему. Физиология, писал он, дала нам понятие о раздражении и о рефлексной схеме, по которой внешнее раздражение, действующее на живую ткань (или нервное вещество), посредством движения переводится наружу. Однако раздражения влечений отличаются от раздражений иного рода (физиологических), влияющих на психику [4, с. 104]. Рефлексы, о которых говорит М.Холл, используются для подкрепления философской концепции волюнтаризма, а признание рефлексной схемы Фрейдом оставляет ему свободу действий в отношении исследования влечений чисто психологическим путем.

Шопенгауэр яростно протестует против всех, кто считает головной мозг главным руководящим органом психической деятельности. Он обрушивает свой гнев на картезианский дуализм Флуранса только потому, что Флуранс признал головной мозг органом психики и выступил против мнения Биша о принадлежности страстей к области органической жизни. Концепция Шопенгауэра глубоко враждебна принципу нервизма. Так же враждебен нервизму и современный психоанализ, считающий, что научная психология и научная психиатрия могут развиваться без участия физиологии мозга [10].

Общность основных идей Фрейда с философией волюнтаризма должна была сказаться также во влиянии других волюнтаристских концепций на психоанализ. Такое влияние на психоанализ оказала волюнтаристская философия Фридриха Ницше.

Волюнтаризм Ницше отличается от волюнтаризма Шопенгауэра своим воинствующим непримиримым духом. «Воля к жизни» Шопенгауэра превращается у Ницше в «волю к власти». Стремление к возвращению в небытие, которое означает отрицание воли к жизни у Шопенгауэра, превращается в волю к отрицанию жизни в форме отказа от нанесения вреда и насилия у Ницше. Для Ницше воля в понимании Шопенгауэра — абстрактное понятие, метафора, в то время как воля, хотение включает в себя множество чувств и влечений, причем основным является воля к власти в форме жестокости и насилия, а «высшая культура» основывается на одухотворении жестокости.

Отсюда различие в этике Шопенгауэра и Ницше.

Для нас особенно важно указать, что Ницше уделял больше внимания, чем Шопенгауэр, вопросу о психологии «воли к власти», образующих ее влечений.

По Ницше, Шопенгауэр все время блуждает среди аллегорий и сравнений предметов вместо того, чтобы рассмотреть самые предметы [11, с. 295].

Если Фрейд роднит с Шопенгауэром наличие общей схемы, то общность с Ницше больше выступает в трактовке психодинамических механизмов.

По Ницше, память является той функцией мозга, которая больше всего страдает от сна, нельзя сказать, чтобы она исчезала совершенно, но она возвращается к тому состоянию несовершенства, в котором она, вероятно, была у каждого днем и бодрствованием состоянии в первобытные времена человечества. Произвольная и сбивчивая, она постоянно смешивает вещи на основании их мимолетного сходства: однако народы с той же произвольностью и сбивчивостью создавали свои поэтические мифы, и теперь еще путешественники наблюдают, как сильно дикарь склонен к забывчивости, как дух его после сильного напряжения памяти начинает колебаться, и как простой сон, ложь и чепуха возбуждают в нем творчество. Но в сновидении мы все похожи «а этого дикаря; мы плохо узнаем, неправильно сравниваем, а это ведет к ошибочным умозаклучениям, делаемым нами в сновидениях; так, что при ясном воспроизведении нашего сновидения нам страшно за самих себя, за то, как много глупости таится в нас... Итак, во сне и в сновидениях мы опять проделываем умственную работу прежнего человечества [11, с. 25]. И далее: «Я полагаю, что все человечество умозаклучало и наяву в течение многих тысячелетий так же, как современный человек умозаклучает во сне... Во сне в нас оживает эта сторона первобытного человечества, являясь той основой, на которой развивался высший разум и еще продолжает развиваться в каждом человеке: сновидение переносит нас к отдаленным состояниям человеческой культуры и дает нам в руки средство лучше понимать эти состояния. Наши умозаклучения во сне требуют такого ничтожного напряжения мысли, потому что в течение огромных периодов развития человечества мы хорошо выучились именно этой форме фантастического и грубого объяснения вещей первой пришедшей на ум причиной... Эти процессы показывают нам, как поздно развилось более тонкое логическое мышление и строгое понимание причины и действия, если наши умственные функции еще до сих пор невольно возвращаются к примитивным формам умозаклучения и мы проводим в этом состоянии приблизительно половину нашей жизни. Поэт, художник так же подсовывают к своим настроениям и положениям известные причины, далеко не верные; в этом отношении они напоминают прежнее человечество и могут помочь нам понимать его» [11, с. 26–29].

Положению Ницше о сне и сновидениях психоанализ придает огромное значение. Ученик Фрейда Отто Ранк эпиграфом к своей статье «Сновидение и миф» берет слова Ницше: «Сновидение переносит нас к отдаленным состояниям человеческой культуры и дает нам в руки средство лучше понимать эти состояния» [12, с. 368]. По О. Ранку, Ницше нужно

признать прямым предшественником психоанализа также и в отношении учения о сне и сновидениях [12, с. 347].

Фрейд писал, что регрессия в сновидении тройка: топическая, временная и формальная. Регрессия ведет не только к оживлению инфантильных переживаний, но позволяет нам бросить взгляд и на филогенетическое детство, на развитие человеческого рода. Фрейд считает превосходным определением Ницше, что в сновидении продолжает действовать первобытная часть человеческого, которую едва ли можно достигнуть прямым путем [12, с. 409]. Психоанализ учит, что участвуют в нормальной и патологической психической деятельности и в продукции высокоценных в социальном отношении достижений одинаковые бессознательные силы влечений, причем это относится как к отдельным лицам, так и к народам. Учение психоанализа о сновидении как об источнике художественного творчества и создания мифов и о сновидении как о форме воспроизведения архаического мышления и архаических эмоций целиком вытекает из положений Ницше. По свидетельству О. Ранка, Ницше вполне в духе психоанализа понимал отношения сновидения к жизни в бодрствующем состоянии и всеобъемлющим образом интуитивно предвосхитил психоаналитическое учение о сновидениях. Это особенно относится к тому, что Ницше писал о галлюцинаторном удовлетворении влечений в сновидениях (см. выше). Ницше дал психоанализу также понятие о регрессии. Он в гораздо большей степени, чем Шопенгауэр, способствовал созданию концепции психодинамики сновидений, бессознательного и влечений. Шопенгауэр считал, что каждый говорит и действует в сновидении в строгом соответствии со своим характером, сохраняет и в сновидении свою моральную природу [12, с. 46]. Психоанализ считает, что сновидение ничего не знает о требованиях морали [12, с. 45].

Классический психоанализ Фрейда включает теорию либидо совместно с теорией инфантильной сексуальности и признанием эдиповского комплекса, динамическое бессознательное, концепцию сопротивления и перенесения в терапии и методику анализа сновидений, свободных ассоциаций и исторической интерпретации. Теория инстинкта смерти была присоединена Фрейдом позднее. В развитии инфантильной сексуальности Фрейд различал несколько фаз. Он создал также систематику характеров, вытекающую из трансформации либидо. По Фрейду, осуждаемые моралью и требованиями общества аффекты, мысли и переживания вытесняются в область бессознательного, которое является динамическим полем вытесненных стремлений и желаний, постоянно стремящихся найти свое выражение в сознании и проявляющихся в различных замаскированных формах нормального поведения или в симптомах невроза и психического заболевания. Психические процессы, посредством которых вытесненные стремления и переживания трансформируются и в замаскированной форме проникают в сознание, носит название динамизмов. Это психические механизмы приспособления (адаптации), позволяющие личности действовать без особых пертурбаций [8, с. 223–235].

Фрейд постулировал, что количество психической энергии остается постоянным, и речь идет о вытесненных импульсах с зарядом динамичной, свободно» перемещающийся психической энергии или либидо. Эндопсихический фактор — цензура — активно препятствует вытесненному проникнуть в сознание. Фрейд отличал вытеснение от подавления, то есть активного сознательного процесса, посредством которого мы пытаемся воспрепятствовать неприятным мыслям проникнуть в наше сознание.

Динамизмы имеют место как в нормальной жизни, так и в психопатологии. Они являются основой для психоаналитического истолкования сновидений, различных видов нормального поведения, симптомов неврозов и психозов.

По мнению Фрейда, психоанализ до настоящего времени отличался от психологии преимущественно динамическим пониманием душевных процессов; теперь прибавляется еще то, что он принимает ко вниманию и психическую топику и стремится указать, в пределах какой системы или между какими системами протекает любой психический акт. В связи с этим устремлением он получил название психологии глубин (Tiefenpsychologie) [4, с. 132]. Психоаналитическая структура личности связана с вытеснением и динамическим бессознательным.

В личности Фрейд различает Оно (id), Я (ego) и Сверх-Я (superego). Оно состоит из примитивных инстинктивных влечений и стремлений. Его функции действуют в области бессознательного, Оно не подчиняется логике. Я — та часть личности, которая координирует конфликтные тенденции, идущие от Оно (инстинктивные. желания) и Сверх-Я (сознание), а также от реальной действительности, Я действует в области сознательного и бессознательного. Цензура является частью Я. Областью Сверх-Я является деятельность сознания, включая моральные ценности и идеалы. В трансформации вытесненного в симптомы принимают участие Оно, Я и Сверх-Я. При вытеснении психического коррелята влечений — представления — мы узнаем, что обычно вытеснение ведет к возникновению замещающего образования-симптома. Симптомы, являясь признаком возвращения вытесненного, обязаны своим возникновением другим процессам — динамизмам.

Вытеснению подвергаются мысли, представления, ассоциации, связанные с влечениями, которые последние наделили известной суммой психической энергии (либидо). Наряду с представлением необходимо иметь в виду еще другой психический коррелят влечения — аффект: последний соответствует влечению, поскольку оно отделилось от представления и в зависимости от своего количества нашло себе выражение в процессах, воспринимаемых как аффекты. В процессе вытеснения мысль, представление отделяется от сопровождающего ее аффекта или эмоции, потому что аффект существует только в сознании, в то время как инстинкт, импульс или влечение существуют только в бессознательном. Инстинкт никогда не бывает сознательным, а может быть выражен только мыслью, представлением. Цель вытеснения заключается в том, чтобы *не* допустить до ассоциирования с

сознательной эмоцией идеи, связанной с инстинктом или влечением. Диссоциация между вытесненным представлением и его аффективным компонентом проявляется в сознательной деятельности, или в форме «вакуума», или в форме преувеличения эмоций с их мыслительным компонентом. Отсутствие аффекта при конверсионной истерии классический психоанализ объясняет как симптом вытесненного неразрешенного эдиповского комплекса [8, с. 305]. Примеры чрезмерности аффектов наблюдаются при болезненном страхе в случае ипохондрического невроза, в форме агрессивности при маниакальных и параноидных расстройствах.

Фрейдский психоанализ относит к психическим динамизмам сублимацию, проекцию, идентификацию (отождествление), интроекцию, рационализацию, регрессию, фантазию, конверсию, символизм, перенесение и образование реакций [8, с. 305–311]. Для Фрейда сублимация является тотальным переносом психической энергии вытесненной инфантильной сексуальности к сознательной деятельности, обычно социально полезной. При сублимации Я как бы прорывает канал для потока инстинктивных влечений. Всякий вид сублимации характеризуется десексуализацией. Фрейдисты идентифицировали многие виды деятельности с сублимацией вытесненных инфантильных и агрессивных влечений. Например, деятельность живописца они объясняют сублимацией копрофильных желаний и т.д. При проекции проецируются на других собственные влечения, которые подлежат запрету (табу). По Фрейду, при паранойе речь идет о проекции вытесненных гомосексуальных желаний на других лиц. Идентификация и интроекция родственны. При интроекции объект влечения как бы соединяется с личностью, отсюда, например, выражение «он всегда живет в моем сердце»; части внешнего мира становятся частью Я. Интроекция возникает на ранней ступени психического развития, когда объекты внешнего мира еще воспринимаются недостаточно дифференцированными. Тогда интроекция является попыткой сделать части структуры внешнего мира составной частью Я. Известные черты или, по крайней мере, страстное стремление к этому первоначальному «безобъектному состоянию» может продолжаться в течение всей жизни («океаническое чувство»). Ребенок утрачивает это первоначальное состояние, с которым у него было связано представление о своем всемогуществе, и начинает приписывать это всемогущество путем интроекции взрослым. Он пытается путем интроекции опять стать всемогущим по отношению ко взрослым. «Религиозный экстаз, патриотизм и многие социальные явления коренятся в стремлении участвовать во всемогуществе» [8, с. 309]. Рационализация не требует особых разъяснений. Регрессия, по О. Ранку, может доходить до внутриутробного существования. При конверсии речь идет о появлении физических симптомов болезни, которые отражают вытесненные, инстинктивные импульсы. Физической предпосылкой является общая эрогенизация, которая позволяет каждому органу и каждой функции выразить сексуальное возбуждение. Обязательной психологической предпосылкой является интроверсия — замена реальных

сексуальных объектов фантазиями об инфантильных объектах. Символика является языком бессознательного, причем большинство символов имеют специальный смысл. Фобии представляют собой наиболее общую иллюстрацию динамизма перемещения. Например, агорафобию фрейдисты объясняют как перемещение страха вытесненных детских инцестуозных сексуальных желаний. Формирование реакций является результатом противоречия между инфантильными сексуальными и агрессивными тенденциями и социальными требованиями.

Приведем примеры: с оральная стадией может быть связана капризность в отношении пищи, постоянное посещение зубных врачей, участие в движении запрещения алкоголя и т.д., с анальной сексуальной стадией связаны чрезмерная боязнь загрязнения, педантизм, скупость, раздражительность, с генитальной — половой — пуританизм, скромность. Примеры из психопатологии: болезненный страх по отношению к кому-либо из родителей может быть результатом вытесненного враждебного желания; в случае фобии животных — вызывающий страх объект первоначально был либидинозным источником наслаждения и т.д.

«Глубинные» психологи сравнивают психику человека с айсбергом, погруженная в воду часть которого соответствует бессознательному, а поднимающаяся над водой — сомнительному (в айсберге надводная часть равна всего 1/5 или 1/6 находящейся под водой).

После этих предварительных напоминаний перейдем к Ницше как непосредственному предшественнику психоанализа и в области психических динамизмов, психодинамики бессознательного.

Мы уже приводили выше мнение психоаналитика О. Ранка о значении взглядов Ницше на сон и сновидения для позднейшего развития психоанализа. Понятие об одном из психических динамизмов — регрессии в сновидениях с оживлением архаических форм психических переживаний — также сформулировано Ницше и перешло в психоанализ. Один из важнейших динамизмов — сублимация — описан в произведениях Ницше. В его определении высшая культура основывается на одухотворении жестокости. Сюда же можно отнести и его утверждение, что моральные суждения суть средства выразить наши аффекты интеллектуальным путем, как выражаются они и в телодвижениях [11, с. 296]. По Ницше, древние создавали богов, потому что они олицетворяли в них свое чувство власти и силы. Ницше писал, что сильнейшей силой, которая гонит отдельные лица и целые народы вперед в области большой политики, является потребность чувства власти; она пробивается наружу не только в душах государей, но по временам бьет ключом и в душах людей, принадлежащих к низшим слоям. Постоянно повторяются минуты, когда масса бывает готова жертвовать своим имуществом, своей совестью, своей добродетелью, чтобы получить высшее наслаждение власти и тиранически произвольно распоряжаться другими нациями в качестве победительницы. Тогда обильно бьют источники самых разнообразных настроений — щедрости, самопожертвования, надежды, доверия, отваги, воображения [11, с. 98].

Напомним приведенное нами выше психоаналитическое определение, что религиозный экстаз, патриотизм и многие социальные явления коренятся в стремлении участвовать во всемогуществе и что это определяется психодинамикой интроекции и родственной с ней идентификации. Психический динамизм — рационализация — часто встречается в произведениях Ницше. Глубокое внутреннее родство положений Ницше с психоанализом обнаруживается в его определении Я («ego»). По Ницше Я есть совокупность сил, из которых то одна, то другая выступает вперед и смотрит на другие силы, как субъект смотрит на определяющий его и влияющий на него внешний мир. Мы чувствуем степени этих сил как близкое нам или далекое от нас и представляем это себе как бы в виде ландшафта или равнины, тогда как на самом деле это несколько сил различных степеней. То, что берет перевес, мы инстинктивно превращаем в «я», а из того, что в перспективе кажется нам более отдаленным, мы делаем «ты». Ближайшая сила называет себя «я». Когда страсти в борьбе, то «я» постоянно оказывается там, где есть перевес [11, с. 286–287].

Ницше определяет Я как совокупность инстинктивных сил и одновременно описывает, говоря языком психоаналитика, психические динамизмы проекции и перенесения. По Фрейду, в процессе развития Я замена принципа удовольствия принципом реальности вовсе не означает устранения принципа удовольствия, а только подкрепление его. Мгновенное, но сомнительное по своим последствиям удовольствие устраняется только для того, чтобы на новом пути обеспечить себе более надежное, хотя и отсроченное. Однако внутреннее психическое впечатление этой замены до того велико, что оно отразилось на религиозном представлении. Учение о награде на том свете за добровольный или вынужденный отказ от земных наслаждений — не что иное, как мифическая проекция этого психического поворота [4, с. 87]. По Ницше, когда одна страсть господствует над другими, например, страх перед сильными или склонность к общественной жизни, тогда возникает мораль. Более слабые страсти тогда только чувствуются, но не удовлетворяются. Разум морали — трудиться, не обращать внимания на инстинкты и делать вид перед самими собой, будто мы стремимся к цели, то есть хотим чего-то самого хорошего. Фактически приятное и составляет то, что кажется нам самым хорошим [11, с. 289]. Моральные поступки суть средства, цели которых упущены из виду, и теперь уже людям доставляет удовольствие совершать поступки ради них самих [11, с. 296]. Общий ход мысли совпадает у Ницше и Фрейда — речь идет о динамизмах сублимации и проекции.

Бывший до 1924г. верным учеником Фрейда О.Ранк впоследствии развил новую психоаналитическую концепцию «динамической психологии отношений». Он выдвигает на первый план «волю» и считает ее первичной движущей силой человеческого поведения. По Ранку, воля — позитивная руководящая организация и интеграция Я, которая творчески утилизирует, а также тормозит и контролирует инстинктивные влечения [8, с. 257]. Мы не будем анализировать динамическую психологию О.Ранка, а заметим только,

что основной ницшеанский принцип выступает и в этой разновидности неофрейдизма очень ярко.

В своей работе «Психология масс и анализ Я» (1921) Фрейд, опираясь на данные Ле Бона и Макдуголла, утверждает, что масса бессознательно наделяет своего вождя чертами идеального Я и идентифицирует себя с ним. Этим можно объяснить фанатизм и слепое послушание. Такая идентификация имела место и в первобытной орде. Фрейд писал, что у истоков человеческой истории был сверхчеловек Ницше, которого этот философ ожидал в будущем [13, с. 87–88].

Реакционнейший французский социолог Г.Ле Бон считал, что массам свойственны импульсивность, внушаемость, нетерпимость, консерватизм: они легко поддаются под влияние сильных личностей. В массах преобладает инстинктивное, алогическое, индивидуальность отступает на задний план. Бессознательное, алогическое образует коллективную душу массы: это «закон психического единства толп». В этой же работе Фрейд сравнивает человеческие отношения с поведением дикобразов во время холодной погоды; это сравнение заимствовано у Шопенгауэра [13, с. 59]. Термин «Оно» Фрейд заимствовал у Ницше, пользуясь произведением врача и писателя Г. Гроддека [14] (Б. Быховский). По мнению А. Метте, Фрейд был знаком с ранними произведениями Ницше, в частности с его работой о трагедии (1871). Между идеей этой работы и концепцией Фрейда есть известное сходство. Ницше видел в эстетическом средство смягчения страдания, связанного с бытием: Фрейд открыл источник утешения в эротике [16, с. 76]. Метте указывает, что по своему фону фрейдовская психология бессознательного частично схожа с философией Шопенгауэра, в которой темному и скрытому в глубине и одновременно отрицаемому приписывается наибольшая сила. Имеется некоторое сходство и с дионисийским началом у Ницше. В одном из писем своему другу Флиссу Фрейд писал, что он считает себя представителем начала Дионисия, а своего друга — представителем начала Аполлона [16, с. 34].

Все приведенное свидетельствует о том, что Фрейд был достаточно хорошо знаком с произведениями Ф. Ницше. Приведем еще одно доказательство влияния на Фрейда философии волюнтаризма.

Фрейд считал, что влечения насильственно воспроизводят ранее бывшие состояния живой материи [19, с. 79]. Доказательство влечения к смерти он видел и в сходстве состояния, следующего за полным половым удовлетворением, с умиранием, а у низших животных — совпадение актов оплодотворения и смерти. Эти существа умирают во время размножения, поскольку по успокоении Эроса путем удовлетворения стремление к смерти получает полную свободу осуществиться. По Фрейду, влечение к смерти — энергетическая тенденция к разряжению излишнего возбуждения, субъективным выражением которой является принцип наслаждения: влечение к жизни есть органическая тенденция, способствующая повышению раздражения, и функцией ее является принцип неудовлетворения. Стремление к уменьшению, сохранению в состоянии покоя, прекращению

внутреннего раздражения, напряжения, выражается в принципе наслаждения. Наличие этого стремления является для нас одним из самых убедительных мотивов существования влечений к смерти. Отсюда определение Фрейда: «Целью жизни является смерть» [17, с. 36]. Далее Фрейд приводит мнение Шопенгауэра и пишет: мы не можем скрыть от себя того, что неожиданно достигаем пристани философии Шопенгауэра, для которой смерть является подлинным результатом и целью жизни, в то время как сексуальное влечение является воплощением воли к жизни [17, с. 47]. Дуалистическая теория инстинктов Фрейда соответствует философской концепции Шопенгауэра.

Известно, что К.Ясперс является ожесточенным противником психоанализа. Он считает, что понятие сублимации Фрейд заимствовал у Ницше и что Фрейд временами просто подробно излагает взгляды Ницше. Последний показал, что заторможенные инстинкты могут действовать в целях удовлетворения в замаскированном виде и пользуясь символами. Они ищут разнообразные содержания для своего проявления. Инстинктам противостоит сопротивление, не получая разряда во вне, они могут направляться внутрь. Большинство влечений (кроме голода) удовлетворяется воображаемым. Разряд инстинктивных напряжений и аффективных состояний может протекать неадекватным способом. Ясперс приводит выражение Ницше, что всякая душа должна иметь спую «клоаку». Сублимация как термин и понятие создана Ницше.

Ясперс указывает, что Фрейд использовал и одновременно исказил и вульгаризовал все эти мысли Ницше [18, с. 304 и 452]. Мы видим, что у Ясперса нет никаких сомнений во влиянии Ницше на Фрейда. Надо сказать, что идеалист Ясперс в этом отношении оказался зорче многих материалистов (в том числе и у нас), считавших, что волюнтаристские наслоения только скрывают от нас рациональное зерно фрейдовских концепций.

Вопрос о влиянии Ницше на Фрейда продолжает привлекать внимание некоторых зарубежных психиатров и в настоящее время. В недавней работе Р. Бильц приводит примеры вытеснения у Ницше и Фрейда. Понятие вытеснения и у Фрейда, и у Ницше связано с действием аффектов. Фрейд писал, что при вытеснении представление, воплощающее влечение, исчезает из сознания, если оно раньше было сознаваемо, и удерживается вдали от сознания, если готово было сделаться осознанным. Различие уже не имеет значения, оно сводится к тому, что я могу выпроводить неприятного гостя из моей гостиной или из моей передней или, узнав его, вообще не впустить в квартиру. Нужно только прибавить, что я должен поставить у дверей сторожа, чтобы он непрерывно охранял закрытую для гостя дверь, потому что в противном случае выгнанный мог бы ее стереть [4, с. 971]. Активное забывание Ницше сравнивает с привратницей, которая стоит на страже нашего душевного порядка; окна и двери нашего сознания, пишет он, временами закрываются. Активное забывание ведет к более или менее необратимому выбрасыванию запретных представлений и чувств. Бильц находит и общее, и различное в понятиях вытеснения по Фрейду и по Ницше, но не сомневается в наличии у них общего [19].

В 1956 г. отмечалось столетие со дня рождения Фрейда. В связи с этим было опубликовано много статей. В одних из них подчеркивалась оригинальность и независимость Фрейда, в других указывалось на многочисленные влияния, которые он испытывал со стороны своих предшественников и современников. Достаточно указать на такие работы, как «Фехнер и Фрейд» Г.Ф.Элленбергера, «Жане и Фрейд» П.Бейли, «От Аристотеля до Фрейда» И.Рэмзи. Отмечалось, что на Фрейда оказали влияние очень многие, например Дарвин, Шеллинг, Стюарт Милль, Шопенгауэр, Ницше, Гербарт, Лейбниц, Брюкке, Брейер, Флисс, Мейнерт, Шарко, Бернгейм и др. [20]. Против Фрейда в это же время выступили П.Бейли и Вейгандт. Последний заявил, что метод Фрейда является не предметом научного обсуждения, а делом полиции [20].

Португальский психиатр Себра-Диниш дал анализ социальных условий, определивших развитие теории и практики фрейдизма. Наиболее цивилизованные страны вошли в новую «агонистическую фазу» своего развития; наряду с прогрессом техники изменились в худшую сторону отношения между людьми в смысле нарастания взаимной вражды, человек потерял уверенность в надежности своего существования, перестал быть хозяином положения. Чувство неуверенности охватило также обеспеченные классы общества. Началась реакция против господства разума и сознания. Оказалось, что разум не может объяснить и разрешить противоречий. Господствовавшие до этого времени рационалистические психологические понятия оказались бессильными ответить на мучившие людей вопросы, и иррационализм стал широко распространяться в обществе. Психоанализ стал отвечать на эти вопросы, обращаясь к внутренним бессознательным силам человека. Почва для психоанализа была подготовлена историей, и все течения иррационализма нашли во фрейдизме могущественного союзника. Этим объясняется влияние фрейдизма в области философии, социологии, политики, литературы и искусства [20]. Отсюда можно сделать вывод, что известный эклектизм фрейдизма и его неразрешимые внутренние противоречия объясняются влиянием многочисленных видов философского и идеологического иррационализма на него.

Мы согласны с основной оценкой условий распространения фрейдизма в эпоху империализма, данной Себра-Динишом, но считаем необходимым подчеркнуть, что наиболее сильным идеологическим мотивом фрейдизма является принцип волюнтаризма, что при всей своей эклектике иррационализма фрейдизм наиболее близок именно волюнтаристской философии, как она представлена философами-волюнтаристами Шопенгауэром и Ницше. Мы и ограничились этим вопросом, не имея в виду анализировать все иррационалистские оттенки фрейдизма.

Свой волюнтаризм Фрейд черпал не только из «духа времени», но также из произведений Шопенгауэра и Ницше. У нас нет оснований считать, что Фрейд был незнаком с произведениями этих философов. Более того, в историческом аспекте нельзя объяснить возникновение фрейдизма без учета влияния его предшественников — Шопенгауэра и Ницше. Фридрих Энгельс

писал о приносивших к духовному уровню филистера плоских размышлениях Шопенгауэра [21]. Фрейд апеллирует к этому философу, который осмелился назвать подлинно великого представителя немецкой классической философии Гегеля Калибаном! Шопенгауэр оказал большое влияние на Ницше, А.Бергсона, У.Джемса, Кроче, а в области искусства — на Р.Вагнера и символистов. Мы могли установить его далеко идущее влияние и на Фрейда.

Субъективно-идеалистическое направление волюнтаризма отрицает объективную закономерность и необходимость в природе и обществе, приписывает человеческой воле решающее значение. Волюнтаризм скрывает неизбежность гибели капитализма, а у Ницше оправдывает насилие господствующих классов и порабощение масс. «Философия» немецкого фашизма вытекала из волюнтаризма и ее идейными предтечами являются Ницше и Шопенгауэр.

Фрейдизм — наиболее яркое выражение философии волюнтаризма в психиатрии. С психоанализом нельзя вступать в компромисс, его надо отвергнуть целиком. «Дай психоанализу палец, потеряешь всю руку», — говорил Фрейд.

Можно с чувством глубокого удовлетворения отметить, что советская психиатрия в лице крупнейшего советского психиатра П.Б.Ганнушкина с самого начала отказалась применять психоанализ в теории и практике психиатрии. «Метод Фрейда, которым пытаются осветить генез и клинику психопатии, кажется нам слишком и загадочным, и произвольным, и неопределенным для того, чтобы сколько-нибудь серьезно применять его к такой ответственной и широкой проблеме», — писал П.Б.Ганнушкин [22, с. 4–5].

Дальнейшее развитие волюнтаризм Фрейда получил в современном «психологическом направлении» в социологии. В своей статье, посвященной этому вопросу, советский философ Ю.А.Замошкин [23] указывает, что современные психосоциологи свои термины и теории заимствуют у буржуазных психологов и психиатров конца XIX и начала XX века, главным образом у фрейдистов и неофрейдистов и у так называемых бихевиористов. К психосоциологам, стоящим на фрейдистской точке зрения, относятся Э.Джонс, Д.Хардинг, Р.Моней-Кирл, В.Троттер и др. Фрейдисты и бихевиористы из среды психосоциологов тесно сближаются в рассмотрении самого человека, который берется как биологическое существо, определяемое в своем поведении и чувствах некими врожденными инстинктами, подсознательными импульсами или примитивными механическими реакциями на окружающую среду. Для всего психосоциологического направления в социологии характерно стремление свести всю сложность и многообразие человеческих поступков, мыслей и чувств к нескольким вечным подсознательным и простейшим мотивам и чувствам и выдать эти мотивы и чувства за основные двигатели развития общества.

В изданном в США в 1951г. сборнике «Мировая напряженность. Психопатология международных отношений» война объявляется психологическим феноменом, результатом инстинктивных влечений. Указывается, что причина войны коренится в природе человека [23, с. 102, 103, 107].

Тенденции старого волюнтаризма оживают в современной психосоциологии с новой силой.

Психосоциологический фрейдизм является орудием политики капиталистических монополий, современных империалистических правительств.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Eisler R.* Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Berlin, 1929, Bd. 2.
2. *Ackerknecht E. H.* Kurze Geschichte der Psychiatrie. Stuttgart. 1957, S. 89.
3. Психологическая и психоаналитическая библиотека (под ред. проф. И. Д. Ермакова). М., 1923, в. 4.
4. Там же, в. 3.
5. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М., 1900, т. 1.
6. *Schopenhauer A.* Die Welt als Wille und Vorstellung. Leipzig, 1916, Bd. 2.
7. *Прохазка Г.* Трактат о функциях нервной системы. Л., 1957.
7. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. М., 1900.
8. *Ziskind E.* Psychophysiologic Medicine. Philadelphia, 1954.
9. *Уэллс Г. К.* Вопр. философии. 1956, № 6, с. 107.
10. *Wells H. K.* Ivan P. Pawlow. Toward a Scientific Psychology a. Psychiatry. New York, 1956.
11. *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. М., 1901, т. 3, 4, 5.
12. *Freud S.* Die Traumdeutung. Leipzig — Wien, 1922.
13. *Freud S.* Massenpsychologie und Ich-Analyse. Leipzig, 1921.
14. *Groddeck G.* Das Buch vom Es. Wien, 1923.
15. *Mette A.* Sigmund Freud. Berlin, 1956.
16. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925.
17. *Freud S.* Jenseits des Lustprinzips. Leipzig, 1920.
18. *Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Berlin, 1948.
19. *Bilz K.* Nervenarzt. 1958. Bd. 29, S. 145.
20. *Seabra Dinis J.* An. port. psiquiatr., 1956, v. 8. p. 111.
21. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1948, с. 313.
22. *Ганнушкин П. Б.* Клиника психопатий. Их статика, динамика, систематика. М., 1933.
23. *Замошкин Ю. А.* Вопр. философии, 1957, № 2, с. 101.

**Журнал невропатологии и психиатрии
им. С. С. Корсакова, 1959, т. 59, вып. 5,
с. 609–620**

Вступительная статья к книге Г. Уэллса «Павлов и Фрейд»

А. В. Снежневский

«Когда я думаю сейчас о Фрейде и о себе, — говорит И. П. Павлов, — мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы — человеческой психики. Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света... Изучая явления иррадиации и концентрации торможения в мозгу, мы по часам можем ныне проследить, где начался интересующий нас нервный процесс, куда он перешел, сколько времени там оставался и в какой срок вернулся к исходному пункту. А Фрейд может только с большим или меньшим блеском и интуицией гадать о внутренних состояниях человека. Он может, пожалуй, сам стать основателем новой религии...»¹.

В приведенном высказывании содержится научное кредо двух ученых, привлекающих в наше время внимание людей всего мира, — И. П. Павлова и З. Фрейда. В нем выражены два диаметрально противоположных мировоззрения и два совершенно различных способа научного исследования.

Этой теме — взаимоотношению духа и материи, мышления и природы, а также методам исследования этого взаимоотношения — естественнонаучному и умозрительно-спекулятивному и посвящена книга Г. Уэллса «Павлов и Фрейд».

За рубежом в последнее десятилетие в области медицины², психологии, философии и других наук постоянно происходит противопоставление И.П.Павлова З.Фрейду, поскольку фрейдизм претендует на роль универсальной доктрины.

Противопоставление учения И. П. Павлова фрейдизму лишний раз свидетельствует об исключительном обострении борьбы между

¹ Запись Ю. П. Фролова, сообщенная в книге С. Д. Каминского «Динамические нарушения деятельности коры головного мозга», М., 1948, с. 195–196.

² Противопоставление учений И. П. Павлова и З. Фрейда имело место, например, на происходившем в 1951 году в Мексике четвертом Международном конгрессе интернациональной лиги «Охрана психического здоровья», что нашло отражение в общей печати. На другой день работы конгресса, после доклада советского психиатра Н. И. Озерецкого, ряд газет вышел с крупным заголовком на первой странице — «Павлов против Фрейда». Состоявшийся в Фрейбурге в 1957 году Международный конгресс психотерапевтов был посвящен одной теме — «Фрейд и Павлов». На этом конгрессе с докладами об учении И. П. Павлова с успехом выступили и приняли активное участие в дискуссии психиатры и физиологи ГДР Метте, Мюллер-Хегеманн, Пикенгайм и венгерский психиатр Ф. А. Вельдьешти (см. «Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1957, № 11). В ГДР в 1958 году третьим изданием вышла книга А. Метте «Зигмунд Фрейд», посвященная критике фрейдизма и противопоставлению его материалистическому учению И. П. Павлова. Более подробные данные о борьбе фрейдистов против учения И. П. Павлова приведены во вступительном слове С. А. Сакрисова, докладе Ф. В. Бассина и выступлениях на конференции Академии медицинских наук, посвященных критике учений Фрейда («Вестник Академии медицинских наук СССР», 1959, № 1; журнал «Вопросы философии», 1959, № 2.). Активность Фрейдистов в их борьбе против учения И. П. Павлова усилилась в связи с празднованием столетия со дня рождения Фрейда.

материализмом и идеализмом, между передовым и реакционным мировоззрением, отражающим противоречие современной эпохи, — между коммунизмом и капитализмом.

Столь участившееся сопоставление И.П.Павлова и З.Фрейда указывает также на интенсивное распространение за рубежом идей И.П.Павлова о высшей нервной деятельности. Возрастающее влияние учения И.П.Павлова на передовых представителей науки капиталистических стран заставляет их приступить к пересмотру сложившихся представлений. В капиталистических странах все чаще стали появляться критические статьи о фрейдизме и работы, в которых сопоставляется учение И.П.Павлова с концепцией З.Фрейда.

Двухтомная монография Г. Уэллса является капитальным исследованием в этой области. В книге Г. Уэллса «Павлов и Фрейд» проведен тщательный анализ учения И.П.Павлова и теории З.Фрейда, а также описаны условия возникновения, философские истоки, история развития и определено значение для мировой науки этих двух современных диаметрально противоположных учений о природе психического.

Гарри К.Уэллс — американский философ-марксист. Он родился и вырос в Чикаго, высшее образование получил в Гарвардском университете, по окончании которого слушал лекции в Гейдельбергском и Лондонском университетах. Во время второй мировой войны три года был в армии. В 1949 году в колумбийском университете ему была присуждена ученая степень доктора философских наук. В этом же университете он читает в настоящее время лекции по философии. Первая его книга «Процесс и нереальность» направлена против одного из идеалистических течений — философии Уайтхеда. Вторая — «Прагматизм — философия империализма» — получила широкую известность и была переведена на многие языки мира; в СССР она была издана в 1955 году. Новой его работой является данная двухтомная монография, которая выходит на русском языке, объединенной в одном томе.

В лице Г. Уэллса научная психология нашла талантливую и активного последователя Павлова. Учение И.П.Павлова Г.Уэллс рассматривает как целостную концепцию; он излагает его последовательно и ясно с привлечением многих советских источников. Книга Г.Уэллса является одним из лучших образцов изложения павловского учения. Описывая этапы развития учения И.П.Павлова и сопоставляя все его положения с концепцией Фрейда, Г.Уэллс всесторонне обосновывает диалектико-материалистическую основу павловского учения и раскрывает субъективно-идеалистическую сущность фрейдизма.

Если во всех других областях знания природы и общества человечество далеко ушло от ранних наивно мифологических представлений, то в области познания психического оно в конце XIX века пребывало еще почти на прежней ступени. Душа человека оставалась таинственной и загадочной, она по-прежнему была убежищем фантазии, в ней, по убеждению некоторых психологов, происходило то, что когда-то они допускали всюду, — по-

старому «мысль двигала материальные частицы»¹. Правда, все мистические представления в этой области в соответствии с требованием времени были прикрыты ученой терминологией. Наряду с предрассудками имелось уже много, хотя все еще разрозненных, научных фактов, были и гениальные догадки о материальных основах психики. Однако с ними довольно успешно соперничали мистицизм, телепатия и самый вульгарный спиритуализм.

«В течение тысячелетий, — пишет Уэллс, — человечество учили рассматривать психику, или “душу”, как какой-то сверхъестественный и чудесный феномен, нуждающийся во внеприродном, вненаучном объяснении... Таинственный и мистический подход к психике глубоко затаился в каждом из нас и нелегко искореняется» (с. 602).

Вместе с тем достигнутый к концу XIX века уровень развития общества в экономически передовых странах мира требовал более формированного изучения психической деятельности, чему благоприятствовал прогресс естествознания и техники. Именно в это время и стали складываться новые направления в области исследования психики, например учение Торндайка, первоначально близкое к материализму, психофизическое направление Вундта, прагматическое — Джемса и др. Однако, казалось бы, ни объективный способ исследования Торндайком поведения животных, ни привлечение отдельных физиологических методик для изучения психических процессов Вундтом, ни попытки динамического понимания потока сознания и эмоций Джемса не могли пролить свет на сущность психических явлений. Неизменным оставалось положение, при котором «...неудержимый со времен Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, общее говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И казалось, что это — недаром, что здесь — действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации — человеческого мозга — создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания»².

Но И.П.Павлов преодолел этот извечный кризис естествознания. Он, создав физиологию головного мозга, вывел естествознание из тупика. Этот научный подвиг И.П.Павлова Г.Уэллс с полным основанием приравнивает к подвигу Н.Коперника и Ч.Дарвина.

И.П.Павлов открыл природу психического, он доказал его материальную обусловленность. При исследовании психических явлений он исходил из понятия рефлекса как основной формы связи организма с окружающей средой. И.П.Павлов доказал, что психическая деятельность есть вместе с тем и высшая нервная деятельность. Он достиг этого потому, что «...отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов»³.

¹ Эббингауз, Цит. по книге Н. Ланге «Психический мир», М., 1914, с. 78.

² И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, М. — Л., 1951, т. III, кн. 1, с. 113.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, 1953, с. 127.

Открытие условного рефлекса И.П.Павловым было торжеством естественнонаучного метода исследования, новым, высшим этапом развития учения Дарвина. Это открытие, содержащее естественнонаучное обоснование *единства мозга, как органа психической деятельности, и мира, как его источника*, подняло на новый уровень естественнонаучную основу диалектического материализма. Философы-материалисты, как говорит в своей книге Г.Уэллс, с древних веков утверждали первичность материи и вторичность духа, но научные доказательства этого утверждения отсутствовали (с. 602). И.П.Павлов экспериментально, методом условных рефлексов доказал, что психическое — это отражение мозгом действительности, существующей вне и независимо от субъекта. Это была величайшая победа материализма, естественнонаучное доказательство первичности материи и вторичности духа.

Своими исследованиями И.П.Павлов установил неотделимость психических явлений от материальной высшей нервной деятельности. Все психические явления — это рефлекторная деятельность головного мозга, это аналитико-синтетическое отражение воздействия внешнего мира на мозг, воздействия, возникающего в процессе познания, деятельности человека, его практики. Все наши мысли и представления непрерывно управляются действительностью, которая и является их единственным источником.

В течение 30 лет, как пишет в своей книге Г.Уэллс, И.П.Павлов изучал высшие нервные процессы собаки для освещения психической жизни человека. Он установил преемственность высшей нервной деятельности животных и человека и одновременно открыл их исключительное качественное различие. Мозг человека отличается от мозга животных наличием второй сигнальной системы, которая является продуктом общественного труда, новым этапом развития нервной системы. До учения И.П.Павлова о второй сигнальной системе не был известен материальный субстрат высших форм человеческого сознания. Учением о второй сигнальной системе указывает Г.Уэллс, И.П.Павлов заполнил пробел в наших знаниях о стадии перехода от обезьяны к человеку. Ф.Энгельс в своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», говоря о значении руки, что рука не только орган труда, но и продукт труда, указывал, что в отношении деятельности других органов, и в частности органов речи, многое еще остается не известно. Устранив этот пробел, И.П.Павлов доказал, что кора головного мозга с ее сигнальными системами определяет развитие сознания человека в процессе труда.

Г.Уэллс в своей книге этап за этапом прослеживает захватывающую историю открытия и изучения И.П.Павловым условного рефлекса — от первых наблюдений над психически обусловленным выделением слюны до исследования физиологических основ гипноза, первой и второй сигнальной системы, неврозов, психозов и вариантов человеческого темперамента. Читатель книги Уэллса как бы сам вместе с И.П.Павловым присутствует в его лабораториях, размышляет вместе с ним над загадками природы и раскрывает величайшие тайны материального субстрата человеческого духа.

Читателю становится ясным глубокий смысл кропотливых лабораторных исследований, с отсчитыванием капель выделенной слюны и применением различных раздражителей, столь далеких, казалось бы, от движений человеческой души и разнообразных, таинственных своей непонятностью симптомов ее заболевания. Его поражает непреодолимость проникновения в сущность явлений природы объективных методов естественнонаучного исследования, открывающих факты, превосходящие пределы человеческих мечтаний. Ему невольно хочется сказать о И. П. Павлове его же словами, сказанными им о И. М. Сеченове: «Он обладал, несомненно, чрезвычайно сильным и трезвым умом, то есть умом, обращенным в действительность, ориентированным в действительности и утвердившимся в действительности, а не обращающимся в разных словесных комбинациях»¹. Читателя покоряет непреклонная воинственность И. П. Павлова, непрерывно сражавшегося с идеалистами всех толков, его монистическое, последовательно материалистическое мировоззрение.

Создание И.П.Павловым физиологии головного мозга происходило в непрерывной борьбе с идеалистами всех направлений. И.П.Павлов на протяжении всей своей жизни был воинствующим, последовательным и убежденным материалистом. Он вел непримиримую борьбу с представителями субъективистского метода изучения психики — Лешли, Клапаредом, Куртом Левиным и др. Он боролся против индетерминизма в психологии Кёлера, идеализма в физиологии Шеррингтона. Каждое выступление И.П.Павлова было направлено на обоснование и развитие материализма. Неоднократно выступал И.П.Павлов и против З.Фрейда, которого он считал не исследователем, а основателем новой религии.

Следует сказать, что всесторонняя, последовательная и уничтожающая критика любой идеалистической концепции в физиологии, психологии и психиатрии возможна лишь на основе учения И.П.Павлова как монистической, диалектико-материалистической теории. Вне позиций этого учения критический анализ идеалистических концепций неизбежно сводится к более или менее острой полемике, а чаще к критике «справа».

Так было и с теорией З.Фрейда. Она, как будет показано ниже, критиковалась некоторыми авторами и раньше. Однако подобная полемика всегда оставалась несовершенной и поэтому уязвимой. Особым достоинством книги Г.Уэллса является последовательный критический анализ концепции Фрейда с позиций учения И.П.Павлова. Это и позволило ему полностью опровергнуть все положения фрейдизма, доказать их научную несостоятельность, мифологичность и отсебятину.

Вопреки фрейдизму, утверждающему главенство инстинктов во всех психических проявлениях человека вплоть до высших (общественная деятельность, наука, искусство), И.П.Павлов на основе экспериментальных исследований доказал, что верховным регулятором всей деятельности организма, в том числе и психической, является условно-рефлекторная

¹ См. «Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1955, № 11, с. 802.

система, материальную основу которой представляет кора головного мозга. Условные рефлексы, возникнув на базе безусловных (иначе инстинктов, как цепных безусловных рефлексов), начинают непрерывно регулировать деятельность последних, чем и достигается наиболее совершенное приспособление организма к постоянно изменяющимся условиям внешней среды.

Далее исследования И.П.Павлова показали абсолютную зависимость инстинктов от внешнего мира, их изменчивость от условий существования. Вопреки утверждению Фрейда о вечности и неизменности инстинктов, И.П.Павлов установил, что они — одно из проявлений (правда, несовершенное) приспособления организма к конкретным условиям существования.

Вопреки научным фактам, психическую деятельность первобытного человека Фрейд ограничивал лишь инстинктами (преимущественно половым, агрессии и смерти). Напротив, учение И.П.Павлова показало, пишет Г. элс, что все народы независимо от стадии исторического развития обладают наследственным аппаратом человеческой высшей нервной деятельности — двумя сигнальными системами. На протяжении миллиона лет механизмы обеих сигнальных систем стали частью физиологической структуры человека и переходили из поколения в поколение. Все народы, где бы они ни жили, независимо от характера общества, в котором они живут, стоят прямо на обеих ногах, действуют руками, употребляют орудия и говорят, то есть одарены механизмами, которые стали частью наследственной физиологической структуры человека на протяжении сотен тысяч лет. Исторический период классового общества — рабовладельческого, феодального, капиталистического — охватывает не более десяти тысяч лет, то есть бесконечно малую часть общего периода развития человечества. Следовательно, наследственная физиологическая структура человека, включая механизмы высшей нервной деятельности, была полностью развита задолго до возникновения классового общества, а именно рабовладельческого общества. Неизбежный вывод из этого — все народы, находятся ли они на стадии первобытно-общинного строя или капиталистического, обладают полной способностью участия в самой развитой форме различия между людьми различных рас, наций, классов, полов (с. 124). В свое время это положение энергично защищал И.М.Сеченов.

Естественнонаучные физиологические исследования безусловной и условно-рефлекторной деятельности сигнальных систем И.П.Павлова полностью ниспровергли расистские, психоатавистические домыслы Фрейда, его субъективно-идеалистическую концепцию о вечном наследовании в неизменном виде, подобно генам Т.Моргана, инстинктов первобытной орды. Научные факты И.П.Павлова уничтожили этот краеугольный камень фантастической концепции Фрейда.

Условный рефлекс И.П.Павлова полностью опроверг и другое главное положение фрейдизма, столь же иррациональное, как и первое. Павловское учение представляет собой естественнонаучное обоснование психических

явлений как отражения реального мира, объясняет с помощью методов физиологии человеческое сознание как продукт общественной практики. Фрейдизм, напротив, утверждает, что внешний мир обнаруживается лишь в символах наших органов чувств, что в этом и заключается теологическое оправдание существования сознания. «Психический аппарат создает себе внешний мир, — писал З.Фрейд, — для того, чтобы удовлетворить постоянное инстинктивное стремление к наслаждению»¹. Реальный мир по Фрейду — это лишь грёзы инстинктов, или, как он их называет, всемогущего Оно, господствующего над Я и Сверх-Я (совесть).

При сопоставлении с естественнонаучными данными И.П.Павлова сокрушению подвергаются не только основные положения фрейдовской концепции, но и все ее детали, отправные посылки, а также и метод исследования. Г.Уэллс осуществляет это в своей книге с методической последовательностью.

Подробно излагая физиологические данные о механизме сна как результате торможения коры и ближайшей подкорки головного мозга, Уэллс указывает, что в свете этих научных фактов возникновение сновидений объясняется неполным торможением деятельности преимущественно первой сигнальной системы. Сновидения представляют собой хаотически возникающий рой бессвязных образов, следов прошлых восприятий. Это научное положение показывает полную несостоятельность, фантастичность толкования сновидений Фрейдом как символической реализации инстинктивных сексуальных влечений. В свете данных о деятельности головного мозга, как остроумно замечает Г.Уэллс, каталог общечеловеческих символов сновидений Фрейда выглядит сонником XX века.

Наибольшую популярность среди широкого круга читателей приобрела монография Фрейда «Психопатология обыденной жизни». На примерах повседневной жизни, таких, как обмолвки, случайное забывание тех или иных слов, фамилий, намерений, нечаянных действий, Фрейд пытался доказать существование и господство над сознанием бессознательного, непрерывное окольное проявление его энергии. Но этот прием доказательства теряет всякое значение при сопоставлении с данными физиологии высшей нервной деятельности.

Воспроизведение запаса памяти (воспоминание), течение речи, последовательное выполнение тех или иных действий зависит от степени подвижности основных корковых процессов. Волнение, смущение, внутреннее беспокойство под влиянием тех или иных забот, усталость изменяют в той или иной степени деятельность коры головного мозга, и следовательно, нарушают избирательность (элективность) временных связей или их стереотип. А это в свою очередь может привести к обмолвкам, случайному забыванию слов и фамилий и к нарушению выполнения последовательных действий. В частности, волнующие переживания, представления создают в коре головного мозга временный очаг инертного

¹ З. Фрейд, Основные психологические теории в психоанализе, М., 1923, с. 84.

возбуждения, с образованием отрицательной индукции и подавлением деятельности конкурирующих очагов, что также ведет к нарушению подвижности основных нервных процессов и тем самым к задержкам в воспроизведении нужного материала памяти, обмолвкам и т. п. само собой разумеется, что все это разыгрывается не в таинственном фрейдовском бессознательном, а в области сознания, во второй сигнальной системе, а в области сознания, во второй сигнальной системе, в коре, а не в подкорке. Таким образом, подлинно научные данные вскрывают абсолютную несостоятельность и этого, наиболее популярного, раздела фрейдовской концепции.

Сопоставляя павловское и фрейдовское воззрения на неврозы и психозы, Г.Уэллс пишет, что И.П.Павлов доказал, что психиатрия как точная наука не может существовать без использования физиологии. Фрейд, напротив, утверждал, что психиатрия может развиваться независимо от анатомии и физиологии мозга.

Основой психиатрии, по Фрейду, является метапсихология — учение об инстинктах первобытной орды и обусловленном или принципе удовольствия. Он отрицал принципиальную разницу между болезнью и здоровьем. Одни получают удовлетворение от невроза или психоза (бегство от действительности в болезнь), другие от сублимации (переключения инстинкта на ту или иную деятельность). В связи с этим Фрейд писал, что всеобщий невроз навязчивых состояний является источником все идеологии человечества, религии и нравственности, всей культуры, что над каждым человеком господствует тенденция возврата к прошлому, призывающая в прежнее неодушевленное состояние: смысл жизни в смерти.

И.П.Павлов путем экспериментальных физиологических исследований установил конкретные нарушения деятельности головного мозга, составляющие природу неврозов и психозов. Фрейдовское же понимание сущности неврозов и психозов никогда не поднималось выше уровня средневековой магии. Установленные И.П.Павловым патогенетические механизмы неврозов и ряда психозов открыли путь для научно обоснованной их терапии, в том числе и современной химиотерапии (лечение длительным сном, сочетанием брома с кофеином). Фрейдовская терапия неврозов и психозов сводилась к придуманному психологическому зондированию души со стремлением выработать у больных мистическое, сектантское мировоззрение; конечная цель этого лечения заключалась в достижении примирения больного с безнадежностью своего положения.

В свете экспериментальных данных И.П.Павлова о типах высшей нервной деятельности, выражающих единство врожденных и приобретенных свойств, совершенной отсебятиной выглядит фрейдовское разделение склада личности людей на орально-генитальный, анально-генитальный и уретрально-генитальный типы.

Субъективно-идеалистическому, умозрительному способу обоснования Фрейдом своей концепции Г.Уэллс противопоставляет строгий

естественнонаучный метод исследования природы психического И.П.Павлова.

Ни одно положение Фрейда нельзя подтвердить, их можно принимать лишь на веру.

В противоположность этому все положения, выводы И.П.Павлова были неоднократно им самим экспериментально получены и проверены. Каждое утверждение И.П.Павлова в любое время может быть воспроизведено и проконтролировано. Все это и дает полное основание Г.Уэллсу определять фрейдовскую концепцию как мифотворчество.

На основе писем Фрейда, Г.Уэллс устанавливает, что Фрейд создал свою концепцию в результате лечения психоанализом самого себя, собственного невроза, сопровождавшегося отдельными слуховыми галлюцинациями. Самопсихоанализу подвергались главным образом собственным сновидения Фрейда, что и стало базисом учения об Оно, Я и Сверх-Я и комплексе Эдипа. Таков был в действительности метод обоснования этой, несомненно, заумной концепции.

Учение о высшей нервной деятельности И.П.Павлова — это новый этап творческого развития материалистического направления в науке. Предшественниками И.П.Павлова, развивавшими материалистическую линию в исследовании природы психического, были Декарт, М.Холл, Прохазка, Дарвин, Гринзегер, И.М.Сеченов, С.П.Боткин, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев.

Для научного подкрепления своей «метапсихологии» Фрейд с усердием параноика привлекал буквально все, как указывает Уэллс, — от народных сонников до книги Ле Бона «Психология толпы», Рутса о музыкальных феноменах, сочинений Шопенгауэра и Ницше¹. Наряду с порочными в научном отношении и идеалистическими источниками он пользовался также и эволюционным учением, вульгаризируя его, как это делалось в концепции атавизма, имевшей место одно время в медицине и публицистике. Правда, в этом Фрейд был не одинок. В его время как раз стала распространяться вульгаризация в применении эволюционного биогенетического закона в области детской психологии (Прейер, Стенли, Штерн и др.)². Но Фрейд пошел дальше: он пытался фальсифицируя учение Дарвина, доказать существование врожденных идей. Утверждая их наличие (архаическое представление об убийстве главы первобытной орды, кастрация и др.) и фактически отрицая роль ощущений в познании (органы ощущения — это щупальцы, которые время от времени мозг выпускает во внешний мир), Фрейд возвращался, указывает Г.Уэллс, в области гносеологии ко времени, предшествующему Локку.

Необходимо отметить, что Фрейд, несмотря на свою одержимость концепцией бессознательного и крайнюю нетерпимость к какой-либо критике ее, иногда допускал, что она не есть нечто окончательное. Создание

¹ См. также статью В.М.Морозова «Философия волютнатизма и психоанализ Фрейда», «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1959, № 5.

² См. статью И.И.Гриценко «О повторяемости в процессе развития», «Вопросы философии», 1958, № 8.

своей теории он объяснял необходимостью иметь хотя бы предположительное представление о душевной жизни, пока не будет создано физиологическое учение о ее основах.

В минуту откровенности, в письме, цитированном Уэллсом, он называл себя не исследователем, а конквистадором от науки. Однако если пользоваться допущенной самим Фрейдом исторической аналогией, то, учитывая всю относительность исторических сопоставлений, его следует сравнивать не с авантюристами — колонизаторами Южной Америки, а, пожалуй, скорее с графом Калиостро, более чем сомнительным «врачом-чудотворцем», мистиком и масоном, авантюристически пытавшимся открыть тайны человеческой души. Фрейд жил на рубеже империализма и рождения нового, социалистического общества. Калиостро — в эпоху крушения феодализма, перед французской буржуазной революцией.

* *

Концепция Фрейда является зловещим знаменем эпохи — агонистической фазы развития капиталистического общества, фрейдизм — это апокалипсис империализма. Противоречия капиталистического общества достигают предела; противоречия между империалистическими странами разрешаются войнами, охватывающими весь мир. Буржуазные и мелкобуржуазные слои охватывает чувство постоянной неуверенности и страха перед надвигающимися социальными потрясениями. Разум людей из этих слоев оказывается бессильным разрешить вопросы существования. Возникает реакция против господства разума и сознания¹. Человек — высшее творение природы — низвергается с пьедестала, на который он был возведен на заре буржуазной революции. Человек — властитель природы — подвергается осмеянию. Учение о темных силах инстинкта секса и смерти Фрейда отражает это новое иррациональное мировоззрение современного буржуазного общества. Поэтому не случайно, что массовое распространение фрейдизма получил именно в наиболее империалистической стране — США. Г.Уэллс в связи с этим указывает, что именно исторические и идеологические условия США обеспечили влияние там Фрейда. США стали мировым центром этого учения и его распространения, ибо оно соответствует интересам господствующего класса и подкрепляет его идеологию.

На эту особенность еще в конце прошлого века обратил внимание наш выдающийся психиатр В.Х.Кандинский, писавший: «В Англии же и в родственной ей Америке ученые легко становятся спиритуалистами»²; там имеется «повод к возникновению многочисленных сект и учений, часто весьма странных. Движение возникает во время каких-нибудь общественных

¹ Об этом свидетельствуют, в частности, статьи португальского психиатра Сеабра Диниша, напечатанные в журнале «Anais Portugueses de Psiquiatria», 1954–1957, № 1–9.

² В. Кандинский, *Общепонятные психологические этюды*, М., 1881, с. 33.

бедствий и катастроф, например... после финансового кризиса; при таких условиях... легко возрождается с небывалою силою идея обращения к богу... к движению примыкают люди, не знавшие раньше другого бога, кроме денег»¹.

Г.Уэллс в своей книге лишь очень кратко останавливается на причинах распространения фрейдизма в США. Это должно стать темой его отдельной монографии. В докладе, сделанном им в феврале 1959 года в Москве, он в дополнение к общему анализу общественно-экономических особенностей развития США, способствующих распространению фрейдизма, в частности, указывал на сильное влияние этого учения на средние (мелкобуржуазные) слои населения Северной Америки. Распространению концепции Фрейда среди ученых США способствовала слабость научных традиций, которые, кстати сказать, смертельно ненавидел Фрейд и считал их главным препятствием широкой популяризации его теории. Очень благоприятствовало распространению фрейдизма в США учение американского психолога-прагматиста Джемса об инстинктах. Среди американских антропологов большую популярность получила атавистическая фрейдовская концепция инстинктов.

Распространению фрейдизма в империалистических странах способствовали также его элементарность и универсальность. Фрейдизм — это наиболее популярная. Общедоступная идеалистическая философия, дающая «объяснение» всем явлениям человеческого существования, начиная от случаев обыденной жизни и кончая государственным устройством, мировыми войнами и происхождением человеческого общества и цивилизации. Фрейдизм «отвечает» на вопросы здоровья и болезни, пытается их лечить, «устраняет» неведение в области сущности духа и даже выступает в качестве борца против ханжества и лицемерия буржуазного общества, религии и в области вопросов пола.

Видимость научности фрейдизма с успехом используется социологами и психологами капиталистических стран. Безработный или влачащий жалкое существование пролетарий, согласно фрейдовской теории, оказывается сам виноватым в своем несчастии. Он недостаточно познал метапсихологию своей души, плохо сублимировал «свое Оно. Точно так же виноватым оказываются и все пострадавшие от несчастных случаев на производстве. Согласно концепции фрейдистов, на основе положений «Психопатологии обыденной жизни» несчастные случаи происходят не от отсутствия охраны безопасности на производстве, а от предрасположения к несчастным случаям, вследствие бессознательного стремления к наказанию или проявления инстинкта агрессии по отношению к капиталисту. Несчастные случаи на производстве и транспорте некоторые фрейдисты объясняют инстинктивным стремлением пострадавшего наказать сразу и себя и тех, кто ответственен за несчастный случай, а также нетерпимостью к социальным или семейным ограничениям. Возникновение забастовок на предприятиях

¹ В. Кандинский, Нервно-психический контагий и душевные эпидемии, 1881, с. 217.

также трактуется ими как массовое проявление агрессивного инстинкта рабочих по отношению к капиталистам.

Для устранения последнего некоторыми сторонниками фрейдизма (Морено) предлагается групповой психоанализ в форме «социодрамы», во время которой склонные к забастовке рабочие могут отреагировать свои агрессивные тенденции, освободиться от конфликтов не в борьбе с капиталистами на предприятии, а на сцене и этим самым установить нужное отношение с предпринимателями¹.

Таким же образом — проявлением инстинкта агрессии — объясняются вопросы классовой борьбы, войн и революций. Все созидательные процессы в обществе рассматриваются в качестве сублимации инстинкта разрушения и смерти.

Несомненно, что вся эта чрезвычайно активно пропагандируемая социофрейдистская концепция², являясь своего рода психологическим транквилизатором³, оказывает растлевающее влияние на сознание и рабочих и прогрессивной интеллигенции.

После первой мировой войны фрейдизм распространился, особенно в США, среди писателей и деятелей искусств, и, надо сказать, прежде всего среди прогрессивных, представителей. Они были подавлены бессмысленностью бесчисленных жертв первой мировой войны, в их душах рождался протест против ханжества и лицемерия людей своего класса. В учении Фрейда они видели идеологическое оружие, разоблачающее истинную суть внешнего благонравия, благопристойности и благочестия, за которым скрываются агрессия и разврат. Однако фрейдизм вместо стремления к борьбе направлял их энергию на рефлексии, любованию смутной «глубиной» своей души; был причиной безысходного отчаяния и неверия в лучшее будущее человечества, способствовал развитию крайнего индивидуализма.

То же самое произошло и с женским движением в капиталистических странах. Последователи Фрейда утверждают, что распространение фрейдизма способствовало успеху этого движения. Но Уэллс убедительно показывает, что под влиянием концепции Фрейда общественные стремления женщины были направлены по совершенно ложному пути.

Г. Уэллс пишет, что фрейдизм — это оскорбление человечества и всего созданного им — распространялся подобно лесному пожару и готов был поглотить все ценности: науку и искусство, этику и мораль.

Распространение фрейдовского учения в капиталистических странах привело к принятию его католической церковью, несмотря на объяснение Фрейдом происхождения религии сублимацией полового инстинкта,

¹ Подробности см. во французском журнале «La Raison» № 3 и № 4. Обзор этих выпусков опубликован в «Журнале невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1954, № 1, статья В. М. Морозова и Н. Г. Шумского. См. также выступление П. П. Бондаренко, опубликованное в «Вестнике Академии медицинских наук СССР», 1959, № 1.

² Она называется также неофрейдизмом. К неофрейдизму относится и современная биологизация концепции Фрейда (см. ниже).

³ Транквилизаторы — успокаивающие, расслабляющие психику средства.

комплексом Эдипа. Однако, учитывая выгоду от признания фрейдизма, католическая церковь с такой трактовкой учения Христа легко примирилась. Среди всех христианских церквей католицизм — наиболее активная и целеустремленная организация. Он стремится идти в ногу с веком, своевременно отвечать на все вопросы современного человечества и влиять на них в нужном ему направлении. Этим и объясняется его активное участие в международном психогигиеническом движении и интерес к изучению психики¹. Спиритуалистическая, демонологическая трактовка фрейдизмом сущности духа, уводя на ложный путь изучение психической деятельности, соответствует целям религии и, следовательно, укрепляет ее². Напротив, материалистическое учение И. П. Павлова несет гибель религии. Беря на вооружение фрейдовское учение, католическая церковь осовременивает религию, пытается усилить ее в борьбе с материализмом.

В отношении влияния фрейдизма в России, о котором пишет Уэллс, следует сказать, что, несмотря на большую активность в этом отношении некоторых русских последователей Фрейда, это учение не получило у нас распространения. Причина заключалась в тех особенностях социально-экономических условий России, расстановки и борьбы классовых сил, которые привели к социалистической революции, а также в силе материалистических традиций русской науки, давшей миру И. М. Сеченова, Д. И. Менделеева, И. П. Павлова, что тоже было обусловлено особенностями экономического и общественного развития России.

Великой Октябрьской социалистической революции, в тридцатых годах, в результате ряда дискуссий Фрейдизм в нашей стране потерпел окончательный крах. Классовые корни идеализма и мистики к этому времени у нас были уже уничтожены.

Причины влияния фрейдизма на зарубежных медиков различны. Одна из главных — почти полная (в годы распространения этого учения) беспомощность в биологическом и химическом лечении неврозов и психических заболеваний, при таком же незнании патогенеза (механизма развития) этих болезней. То и другое порождало фантастическое толкование причин возникновения и механизма развития нервно-психических заболеваний и таинственные способы их лечения (к ним и относится психоанализ, устанавливающий и доводящий до сознания путем толкования снов и приходящих в голову мыслей обстоятельства отсутствия сублимации комплекса Эдипа и таким способом пытающийся излечить невроз или психоз). Психоанализ с самого начала, а также и в дальнейшем, когда стали появляться биологические способы лечения неврозов и психозов, обладал одной особенностью. Его можно было применять амбулаторно, а это отвечало интересам имущего класса, получавшего при прогрессирующем распространении неврозов и психозов возможность, благодаря наличию

¹ Представители католической церкви принимали, например, активное участие в работах четвертого и пятого конгрессов международной организации «Охрана психического здоровья» и активно выступали за развитие и распространение учения Фрейда.

² См. С. А. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, 1957, с. 27.

средств, лечиться вне стен психиатрических больниц и санаториев. Последнее обстоятельство стало источником больших доходов врачей-психоаналитиков¹, а следовательно и яростной защиты ими концепции Фрейда.

Применение фрейдовского психоанализа в лечебной практике отвечает вместе с тем и мировоззрению представителей буржуазного общества. Врачи-психоаналитики при таком способе лечения становятся духовниками представителей имущего класса, которым поверяют сексуальные коллизии и агрессивные конфликты, какими наполнена жизнь империалистического общества. Врачи, пользуясь фрейдовским учением о непобедимости инстинктов, оправдывают аморальность, отпускают грехи и выдают психоаналитическую индульгенцию на будущее.

Естественно, роль таких врачей-психоаналитиков незавидна. Они сами становятся носителями реакционного мировоззрения империалистического общества. Правда, некоторые из них, например проживающие в Нью-Йорке, в свободное от практики время пытаются заниматься изучением теории Павлова и диалектического материализма². Но повседневная практика врачей с идеалистическими взглядами отнюдь не способствует выработке у них монистического мировоззрения.

Далее, прогрессивно накапливавшиеся естественно-научные факты с нарастающей убедительностью доказывали единство материального мира, единство тела и души и грозили уничтожением идеалистических концепций ряда ученых-медиков.

В лице Фрейда врачи получили возможность толковать единство мира с откровенно спиритуалистических позиций — фрейдовское бессознательное стало вечным духом, создающим тело, управляющим им и его болезнями. Так была создана современная психосоматическая медицина.

Фрейдизм был привлечен и для обоснования американской прагматической психиатрии Адольфа Майера. Метод психоанализа позволял устанавливать бесконечный набор равнозначных по своему действию, лишенных общей закономерности психологических и биологических факторов, сумма которых и рассматривалась как причина психоза, свойственного только данному больному и представляющего собой не столько самостоятельную болезнь, сколько патологическое развитие личности.

Следует сказать, что концепция Фрейда с первых моментов своего развития встретила критику со стороны ряда зарубежных психиатров и философов. Правда, это была критика преимущественно с идеалистических позиций, критика «справа». Крупнейший немецкий психопатолог, а в дальнейшем философ, основатель экзистенциализма К.Ясперс квалифицировал фрейдовскую концепцию в качестве психологического

¹ Доход врачей-психиатров, прежде всего психоаналитиков, в США по сравнению с врачами других специальностей самый высокий.

² Со слов одного видного американского психиатра.

обоснования и вульгаризации учения Ницше¹. В дальнейшем он характеризовал учение Фрейда как сектантское, стоящее вне границ научной критики². Другой немецкий психиатр, А.Кронфельд, полемизировал с Фрейдом с позиций формальной логики и учения Канта. Свою книгу о фрейдизме он заключал утверждением, что все доводы Фрейда в высшей степени произвольны и являются делом игры фантазии, игры, которой каждый может забавляться на свой манер, но спорить о которой вовсе не стоит³.

Немецкий философ Эйслер устанавливал три источника фрейдизма⁴:

1. Концепция Иоганна Фридриха Гербарта, сводившего все содержание психики к представлениям и их борьбе за сознаваемость. Угнетенность представлений, по Гербарту, ведет к чувству неудовольствия, устранение этого угнетения — к удовольствию. Это соответствует фрейдовскому принципу удовольствия — возможности оттока напряженной психической энергии, инстинкта и ассоциированного с ним представления.
2. Концепция о психической энергии французского невропатолога Шарко.
3. Каббала — еврейское религиозно-мистическое учение, основанное на толковании священного писания, религиозных ритуалов, включающее выполнение особых символических обрядов (каббалистика). Это соответствует фрейдовскому толкованию мифов и религиозных ритуалов. А также симптомов болезни как символов вытесненных импульсов бессознательного.

Уэллс верно замечает, что Фрейд заимствовал у Шарко не прогрессивное понимание истерии и гипноза как торможения коры. Но то, что ему было всегда свойственно, — ошибочное предположение французского невропатолога о существовании не зависящей от мозга психической энергии.

Учение Фрейда со стихийно материалистических позиций отвергали такие известные психиатры, как Крепелин⁵, Груле⁶, назвавшие это учение магией, и Майер-Гросс.

Последний в недавно вышедшем руководстве по психиатрии пишет, что фрейдовское учение низводит разум до уровня инстинкта⁷.

* *

Если в прошлом, пишет Уэллс, древние мифотворцы могли рассчитывать на сотни и тысячи лет невежества, а следовательно на долгую жизнь их творений, то в наше время неудержимого прогресса науки жизнь мифов недолговечна (с. 598). Не успел еще Фрейд приступить к созданию

¹ K. Jaspers, *Allgemeine Psychopathologie*, 1913.

² K. Jaspers, *Der Arzt im technischen Zeitalter*, «Klinische Wochenschrift», 1958, № 22.

³ А. Кронфельд, *Психологическая механика*, М., 1913.

⁴ K. Eisler, *Wörterbuch der philosophischen Begriffe*, Bd. II, 1929.

⁵ E. Kraepelin, *Psychiatrie*, Bd. IV, S. 1677

⁶ H. Gruhle, *Handbuch der Geisteskrankheiten Bumkes*, Bd. IX, S. 711.

⁷ W. Mayer-Gross, *Clinical Psychiatrie*, 1954, S. 16.

своей химеры, как впервые в истории человечества И.П.Павлов начал исследование естественнонаучным методом физиологических основ психической деятельности.

Непрерывный успех в развитии новой главы человеческого познания — учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности — не только ограничил влияние фрейдизма, но и создал реальную угрозу его существованию.

По мере расширения естественнонаучного исследования головного мозга идеалисты предпринимали лихорадочные меры по защите теоретических основ фрейдизма. Учитывая естественнонаучное направление главного удара по этой концепции, они стали подкреплять его биологически, трактовать в качестве биолого-психологической концепции.

Биологическое подкрепление фрейдизма осуществлялось в трех направлениях: преимущественно в психоморфологическом, далее — в физиологическом, и наконец, химико-терапевтическом.

Исходные позиции и у Фрейда и у психоморфологов общие¹. И те и другие одинаково рассматривают психическую деятельность как не зависящий от внешнего мира продукт внутримозговых отношений. Общность простирается и дальше. Фрейд разделял человеческую душу пространственно, как он называл, на архитектурные инстанции — бессознательное, предсознание, цензуру и сознание. Психоморфологи также выделяют в психической деятельности самостоятельные функции и, подобно органам, размещают их на различных участках головного мозга, где и морали, и этике, и сознанию, а также Я и аффектам отводятся особые места. Подобная общность понимания психики как совокупности органов облегчила психоморфологам выделение фрейдовским психическим инстанциям соответствующих участков головного мозга: бессознательному — подкорку, цензуре и сознанию — несколько выше, и обоснование соответствующим современным знаниям строением и функциями центральной нервной системы. Причем в последнее время в качестве одного из доказательств подобной психоморфологической трактовки фрейдовских механизмов и их размещения приводится ссылка на опубликованную после смерти Фрейда его работу «Проект», представляющую наиболее вульгарный образец психоморфологической трактовки психической деятельности.

Попытка подкрепить фрейдизм данными современной физиологии, осуществляемая за рубежом некоторыми дуалистически настроенными нейро- и электрофизиологами², основывается вопреки историческим фактам на утверждении, что приоритет в исследовании физиологии подкорки принадлежит якобы Фрейду и что в течение многих лет якобы он один, так сказать, монопольно, изучал эту область. Хотя Фрейд никогда не занимался исследованием материального субстрата Оно, а пространственно рассматривал его лишь в плане психологического поля, современные

¹ См., например, работы известного австрийского психиатра Ганса Гоффа

² См., в частности, S. Cobb, *Foundations of Neurapsychiatry*, 1959.

нейрофизиологи все же утверждают, что по мере прогресса нейрофизиологии и электроэнцефалографии наконец будет найдена физиологическая основа бессознательного.

Правда, делая такое утверждение, подобные нейрофизиологи рискуют уподобиться анекдотическому средневековому ученому, надеявшемуся исследовать пищеварение у ангелов. Но как бестелесны ангелы, так нет плоти и у фрейдовского бессознательного, о чем неоднократно говорил и сам Фрейд.

Физиологическую реабилитацию концепции Фрейда иногда пытаются осуществить путем доказательства идентичности ее с учением И.П.Павлова. При этом указывают на совпадение фрейдовских инстинктов с безусловными рефлексами И.П.Павлова; фрейдовского бессознательного как источника психической энергии — с подкоркой как источником энергии в павловском понимании; сознания как регистратора у Фрейда — с корой как анализатором у И.П.Павлова; говорят о сходстве фрейдовского вытеснения и павловского торможения. Далее вспоминают, что Фрейд не отрицал рефлекторной природы психики и что «темные чувства» И.И.Сеченова схожи с бессознательными фрейдовскими импульсами и т.д. Одним словом, делаются попытки представить павловское учение в качестве физиологического основания метапсихологии Фрейда¹.

Не останавливаясь на спекулятивной произвольности подобных аналогий, следует напомнить их авторам, что павловская безусловно- и условно-рефлекторная деятельность есть деятельность отражательная, источником ее является реальная действительность. Фрейдовская же психическая энергия — не что иной, как продукт не зависящего от внешней среды бессознательного. Психическая деятельность, по Фрейду, отгорожена толстой черепной крышкой от внешнего мира, в среду которого она время от времени выпускает, подобно плазмодиям амебы, щупальцы, воспринимающие не мир, а лишь его символы — грезы инстинктов.

Биологическая модернизация догм фрейдизма иногда подкрепляется ссылкой, будто на заре своей научной деятельности Фрейд был материалистом. Действительно, в первые годы научной деятельности Фрейд занимался исследованием субстанции здорового и больного мозга и изучением некоторых органических нервных болезней. Но не каждый занимающийся исследованием материи является материалистом. Как известно, встречается, не так уже редко, как раз обратное. Так или иначе, а предшествующий предмет исследований Фрейда не может стать ни оправданием, ни биологическим подкреплением его последующей мифологической деятельности. Фрейд стал фрейдистом, и его концепция получила широкое распространение только в результате провозглашения им спиритуализма. Поэтому ссылка на ранние занятия Фрейда анатомией мозга имеет лишь жизнеописательное значение.

¹ Ф. А. Вельдешви, *Павлов и Фрейд* (отчет о Фрейбургском съезде), «Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1957, № 11.

Успех лечения неврозов и психозов современными химическими средствами, воочию убеждая в павловском единстве функций мозга и функций психики, наносит весьма чувствительный удар по теории Фрейда и по практическому ее применению в виде психоанализа. Противохимическая защита фрейдизма осуществляется преимущественно в форме утверждения, что все, даже наиболее эффективные, современные медикаменты сами по себе не излечивают неврозы и психозы, а лишь расширяют возможности психотерапии и прежде всего психоанализа. Такого рода утверждения вытекают из дуалистического убеждения, будто расстройство психики, как духа, можно излечить лишь при помощи духа.

Реакционность всех форм биологизации фрейдизма состоит в том, что добываемым чрезвычайно ценным новым фактам в области познания деятельности головного мозга — материальной основы психики — дается ложное идеалистическое толкование и тем самым важнейшее в наше время исследование направляется на ложный путь и крайне тормозится. Соединение нейроанатомии и нейрофизиологии с концепцией Фрейда иногда неверно определяют как безобидный эклектизм. На самом же деле это нечто другое — сугубо идеалистическое толкование материалистических фактов современной науки о мозге и психике, что преследует цель защиты идеализма, в данном случае в форме фрейдизма.

Укрепление застывшей в своих догмах фрейдовской концепции осуществляется и путем установления ее общности с современными идеалистическими течениями в философии — экзистенциализмом, неопозитивизмом и др. Подобные усилия следует считать весьма полезными — они помогают внести ясность в души тех, кто все еще продолжает терпеливо искать рациональное материалистическое зерно во фрейдизме.

Модернизация фрейдовского психоанализа в последнее время стала осуществляться путем подмены его откровенного обозначения более замаскированным — «глубинная психотерапия»¹, механика которой заключается в том же погружении в область бессознательного, однако с поисками не только сексуальных, но и социальных коллизий. Если Фрейд социальное рассматривал как сублимацию сексуального, то есть сексуальное возводил до социального, то глубинные психотерапевты поступают наоборот — они социальное низводят до сексуального.

* *

Вторую часть первого тома своей книги Г. Уэллс посвящает истории и современному состоянию психологии и психиатрии в США. Он подробно описывает жизнь и деятельность современника Вашингтона, Джефферсона и Франклина — врача-психиатра Бенджамина Раша, а также его сына Джеймса Раша. Оба они были представителями материалистического направления в

¹ См. также статью В. М. Морозова «Глубинная психология и психиатрия», «Журнал психологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1958, № 11.

науке. Их научные воззрения во многом близки И.М.Сеченову. Дальнейшее развитие американской психологии и психиатрии в XIX веке было механистическим, а позднее — интроспективно-идеалистическим: прагматизм, фрейдизм.

Лишь в самое последнее время в США стало укрепляться влияние И.П.Павлова. При этом Г.Уэллс совершенно правильно указывает, что национальные научные материалистические традиции, не импортированные, а сложившиеся внутри каждой науки, неизбежно стремятся к соединению с учением И.П.Павлова¹. Автор высказывает убеждение, что прогресс американской психологии и психиатрии зависит от принятия и творческого развития павловского учения.

Учение И.П.Павлова оказало исключительно плодотворное влияние на развитие физиологии, психологии и психиатрии во всех странах мира. Именно оно противостоит всем идеалистическим течениям в названных областях науки.

Ряд страниц своей книги Г.Уэллс посвящает марксистскому анализу общественно-исторических условий развития России, определивших материалистическое мировоззрение И.П.Павлова и его научные устремления. Такой же анализ дан и в отношении Австрии — родины Фрейда. В книге изложено социальное происхождение Фрейда, выходца из мелкобуржуазной среды, развитие его общественных и научных воззрений.

Г.Уэллс сопоставляет не только научные положения и мировоззрения И.П.Павлова и З.Фрейда, но и их жизнь. Перед читателем проходит полная горения и самоотречения жизнь И.П.Павлова, его самоотверженная борьба с трудностями, которые ему создавали царское правительство и официальная наука в дореволюционной России, и жизнь З.Фрейда — модного врача по нервным болезням, сменившего научную лабораторию на частную практику.

Коротко останавливаясь на достижениях последних лет советской психологии и психиатрии, Г.Уэллс пишет, что мир ждет в этой области проведения, на основе учения И.П.Павлова, исследований в крупном масштабе. Предстоящие исследования здоровой и больной психики человека требуют при современном состоянии науки участия многих специалистов — не только психологов, физиологов, психиатров, но и патофизиологов, биохимиков, биофизиков, электрофизиологов, фармакологов, анатомов. Дальнейшее изучение человеческой психики на основе материалистического павловского учения нуждается в таких же коллективных усилиях, как и исследования космоса. И оно, несомненно, будет осуществлено.

В заключение следует сказать, что монография Г.Уэллса — это талантливое изложение одного из величайших открытий человечества и одного из глубочайших его заблуждений.

¹ См. также статью В. М. Морозова «Учение И. П. Павлова и материалистические научно-медицинские традиции в зарубежных странах», «Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1957, № 6.

*Уэллс Г. Павлов и Фрейд.
М., 1959, с. 5–31*

О фрейдистской психологии и реалистическом романе (фрагмент)

В. Д. Днепров

Если это безумие то в своем роде последовательное.
Шекспир.

В тайник души забралась плесень.
Блок.

Как бы ни относиться к Зигмунду Фрейдю, но в смелости и готовности немедленно решать трудные вопросы науки ему отказать никак нельзя. Фрейд задумал описать человеческую психику, так сказать, на ходу, в ее живой динамике, в движении и взаимоотношении всех ее частей. Заполняя остроумными догадками и гипотезами провалы между фактами, он вывел здание психологии «под крышу». В нарисованной им картине нашли себе место и душевная биография личности и разрывающие ее внутренние противоречия, ее отношения к самой себе и отношения к близким людям, рождение, любовь, смерть и явления повседневности. Эта кажущаяся полнота знания о затаенных процессах душевной жизни, эта интимность общения науки с невыговоренным и тщательно скрываемым содержанием индивидуальности составляют один из источников влияния и популярности фрейдизма. Впервые изображение человеческой психологии в понятиях осмелилось соревноваться с изображением человеческой психологии в образах, с тем всесторонним и целостным воспроизведением душевной жизни, которое давало нам искусство, и в особенности реалистический роман.

В течение столетий преданные истине художники, глубокие наблюдатели жизни, копили знание о проявлениях человеческой природы в различных обстоятельствах, совершенствовали приемы психологического анализа, давая нам заглянуть в сокровеннейшие мотивы человеческих поступков. Общение с великими произведениями искусства — это не только эстетическая, не только нравственная, но еще и психологическая школа для каждого из нас. Как наше понимание человека, так и самый процесс психологического формирования нашей личности в немалой степени зависят от результатов этого общения. Любя и жалея людей. Свифт, Бальзак, Толстой, Чехов вместе с тем рассказывали о них беспощадную правду, и мы, впитывая эту проникнутую любовью правду, учимся доверять знанию художников о том, что такое человек, каковы его внутренние силы и возможности.

И вот Фрейд говорит нам: не верьте этим писателям, они опоэтизировали человека, окружили его прекрасной иллюзией, закутали покрывалами красоты и незаметно для самих себя вложили в реальную личность свои идеальные представления о ней. В действительности человек — более страшное, прозаическое и низменное существо, чем это представлено в самых горьких художественных изображениях.

Но отличается ли столь решительно взгляд Фрейда на сущность человека от взгляда, выработанного и обоснованного гигантской работой реалистического романа?

Именно этот вопрос мы и собираемся рассмотреть.

Фрейдистская эпидемия стала опасной для духовного здоровья целых народов. Ее тлетворное и вредоносное влияние чувствуется во всей идеологической жизни Запада. Теории Фрейда стали популярными не только в среде интеллигенции; вопреки предсказаниям самого Фрейда, то самое мещанство, которое всегда было носителем отвратительнейшего ханжества, с жадностью и увлечением впитало в себя и (после короткого периода замешательства) сделало своим достоянием учение психоанализа. Все основные идеи декадентства, выраженные в других идеологиях непонятно, слишком изысканно или аристократически высокомерно, во фрейдистском облики дошли до любой домашней хозяйки и, так сказать, демократизировались. Декадентство выступило здесь в успокоительно-научообразной оболочке, породнившись с вполне респектабельной медициной. Фрейдизм сделал декадентство — бытом.

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать ту истину, что фрейдизм из скромной терапии неврозов давно превратился в некую популярную философию — «современную философию личности». Еще несомненное, что фрейдизм явно вышел за границы психологии: принявшись объяснять содержание общественного сознания (задача, которая всегда будет лежать за рамками любой психологии), он оказался своего рода универсальной идеологией «для всех»¹. В XX веке влияние всех прочих буржуазно-идеалистических школок не идет ни в какое сравнение с влиянием фрейдизма и составляет рядом с ним исчезающе малую величину. С неудержимостью моды фрейдизм распространился в особенности в Америке, сделавшись чуть ли не идеологической составной частью «американского образа жизни». Как Из рога изобилия, сыплются на голову ошеломленного читателя фрейдистские книги и исследования, касающиеся самых разнообразных областей культуры. Фрейдизм проник в роман и драму, а сейчас энергично внедряется в кино.

Эта проникающая способность фрейдизма сама по себе весьма примечательна и требует объяснения. Дело тут не только в потворстве эротизму, всегда составлявшему атмосферу гибнущих обществ. Дело не только в том, что фрейдизм создал, так сказать, генитальную религию современного мещанина-неврастеника, освятив высоким званием «человеческая природа» его изуродованную и прежде столь тщательно скрываемую сексуальную жизнь. Ханжество всегда было одним из отвратительнейших и злобных проявлений мещанства. Фрейдизм реабилитировал тайную и грязную чувственность мещанина, объявил ее выражением всеобщей сущности человека и благодаря этому сумел

¹ «Не насилуя его сущности, — пишет Фрейд, — психоанализ можно применять с *таким же* успехом к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах» (Фрейд З., Лекции по введению в психоанализ. Москва — Петроград, 1922, Т. II, с. 177).

поставить рядом с ханжеством новомодный «секс». Фрейд в этом отношении находится целиком в русле перехода от идеологии просто лицемерной к идеологии лицемерно-цинической, перехода, охватившего со времени Шопенгауэра и Ницше многие области буржуазной культуры и составляющего один из важнейших моментов современного декадентства.

Но главное, что обеспечило фрейдизму неслыханную популярность, — усовершенствование приемов оправдания и защиты капиталистического общества. Главное в том, что фрейдистская психология последовательно проводит принцип, который следовало бы назвать *пессимистической апологией существующего*. Сикофанты буржуазной реакции, бесстыдно подкрашивая реальность, говорили: это хорошо, и поэтому так должно быть. Фрейдизм везде опирается на другую формулу: *увы, это плохо, но иначе быть не может*. Фрейдизм создает удобную позицию психологического пессимизма как формы соглашения с дурной действительностью; я больше не заставляю называть черное белым, но я показываю психологическую необходимость устраиваться и жить, страдать и навеки пребывать в *черной* действительности. При этом фрейдизм твердит о чувстве нового, об интеллектуальном бесстрашии, одним словом, обнаруживает характернейшие черты явления, которое Томас Манн удивительно метко назвал: «реакция как революция».

Нет ни одной самой вопиющей несправедливости классового строя, для которой Фрейд не подыскал бы основания в психологической сущности человека, в тайниках бессознательного, господствующего над личностью и сливающегося с темными зовами, порывами и томлениями нашей плоти. Он выделил залегающую в глубине душевную зону, независимую от общества, неизменную и недоступную историческим влияниям. Ее содержание — факт первоначальный, ни из чего не выводимый, основной фонд инстинктов и потребностей человека как живого существа, момент превращения биологических процессов, смутных импульсов тела в психологические переживания. Заглядывая в эту глубину через расщелины распадающегося и разорванного сознания, расшифровывая символы снов и образов повседневности, комбинируя гипотезы и предположения, Фрейд, в конце концов, утверждает то самое, что мы знаем из первой попавшейся мещанской действительности: в непроницаемой капсуле бессознательного сидит мелкий эгоист, жаждущий удовольствия и жестокости. Эгоизм — психологическая эманация всего чувственного, телесного, биологического, эротического в человеке. Отсюда Фрейд хочет вывести не только личную, но даже и социальную психологию. «...сами социальные влечения, — пишет он, — развились в особые комплексы благодаря слиянию эгоистических и эротических компонентов»¹.

Вначале был эгоизм. Из него, как из корня, вырастает психологическая личность, резко отличающаяся от личности рассудительно-деятельной. Сон приоткрывает тайную и главную натуру человека, и именно поэтому сон

¹ Фрейд З. Тотем и табу. Москва — Петроград, с. 84.

«находится во власти исключительно эгоистических мотивов»¹. Фрейд конструирует стадию душевного развития, которую называет состоянием нарцизма и которую следует характеризовать как предельное состояние герметического эгоизма. Человек поглощен собой, влюблен в себя, сосредоточен только на себе и наслаждается только собой. Через нарцизм проходят все — «нарцизм является *общим и первоначальным* состоянием, из которого только позднее развивается любовь к объекту» (курсив мой. — В. Д.)². Не сразу и не просто чувственность расширяется до того, чтобы допустить в тесную эгоистическую сферу еще и другого человека — пусть даже только как средство регулярного наслаждения. Отметив, что нарцизм является сущностью всего первобытного, Фрейд добавляет: «Я думаю, что нарцизм является либидинозным дополнением эгоизма»³.

В этом *раздвоении* эгоизма заключена важнейшая идея фрейдовского психологического учения: эгоизм интересов и эгоизм либидинозный», инстинкт самосохранения и инстинкт наслаждения. Первый требует приспособления к *внешнему* миру, вынуждает к целесообразному труду, заставляет — под угрозой гибели — слушаться приказов разума; он открыт влиянию обстоятельств и способен до неузнаваемости менять формы своего проявления в зависимости от того, как согласуются или противоречат друг другу интересы многих людей. Это тот эгоизм, из которого исходили и который хотели возвысить до разумности просветители.

Учение просветителей о естественном эгоизме, о личной пользе как вечном двигателе человеческого поведения (учение теоретически и исторически глубоко неверное), о так называемой взаимной эксплуатации и возможности построить гармонию частных интересов Маркс справедливо называл идеальным предвосхищением буржуазного человека и буржуазного общества. Утопические системы предшественников французской революции были затем использованы для практического оправдания капитализма, нет за полтора столетия хозяйничания буржуазии эти шаблонные приемы основательно поизносились и потребовали «либидинозного дополнения». Правда, и сейчас подлыми баснями о «народном капитализме» стараются подновить представление о гармонии интересов, основанных на частной собственности и разнузданном индивидуализме, но тем, кто не удовлетворится «оптимистическим» обманом, может быть предложено пессимистическое учение Фрейда об эгоизме, *всегда остающемся иррациональным* и не претендующем ни на какую разумность, с начала до конца воплощающем антисоциальные начала личности, пребывающем в недрах бессознательного и качестве греховно-дьявольского центра психики.

Теперь задача сводится к тому, чтобы *разместить* два принципиально различных эгоизма в человеческой душе и установить «механику» их постоянного отношения. Эгоизм самосохранения, соприкасаясь с необходимостью внешнего мира, вынужден руководствоваться логикой и

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. II. с. 204.

² Там же. с. 203—204.

³ Там же, с. 205.

«принципом реальности». Эгоизм либидинозный движется из недр плоти, выражает импульсы и потоки влечений, сокрытые в истоках жизни; он *равнодушен поэтому ко всякой целесообразности*, руководствуясь единственно «принципом наслаждения» и совершенно не считаясь с последствиями наслаждения как для самой индивидуальности, так и для ее взаимоотношений с другими людьми.

Выпустить этот первозданный эгоизм на свободу значит отдать мир произволу, а культуру обречь на полнейшее истребление. Фрейд усматривает величайшую удачу человечества в том, что к моменту полового созревания человеческий интеллект достигает довольно высокой степени развития. «В противном случае, — пишет он, — влечение прорвало бы все преграды и смыло бы возведенное с таким трудом здание культуры»¹. Только благодаря принуждению удастся отклонить энергию сексуальных переживаний в сторону труда и тем самым заставить людей производить условия своей жизни. Либидинозный эгоизм абсолютно аморален.

Сознательное Я вступает в тяжкую и нескончаемую борьбу с огромным и опасным зверем, притаившимся в глубине человеческой природы. Окончательной победы оно одержать не в силах: социально опасные влечения не могут быть ни убиты, ни даже ослаблены. Я способно лишь сбросить страшные желания в «трюм» души, отодвинуть их ниже порога сознания, приставить к ним сторожей совести, обнести решеткой нравственных обязанностей. Процесс культурного развития вовсе *не устраняет* дикого, безумного и первобытного в человеке, он только вытесняет это дикое в область бессознательного. Разумно-человечье строится *не вместо* кроваво-хищного, а *над* ним, неустойчивая площадка гуманной культуры висит над ямой, где сплелись скорпионы непростительных вождлений.

Фрейдовское бессознательное — вместилище либидинозного эгоизма. Там скопились желания, которые — под страхом полного разрушения человеческого общежития — не могут быть позволены, но которые вместе с тем не могут быть устранены и продолжают тайно направлять всю душевную жизнь человека.

Уже поэтому обычный взгляд, по которому именно фрейдизм впервые оценил должным образом значение эроса в душевной жизни и разорвал пелену ханжества, окутывающую вопросы пола, нужно считать хорошо организованным недоразумением. На самом деле здоровые, светлые и гармонически разрешающиеся чувственные влечения не играют в психологии Фрейда почти никакой роли. Да и что делать Фрейду с телесной любовью, если она свободно выходит из состояния бессознательности, если она допускается в чистую горницу души как нечто естественно прекрасное и человеческое. У Фрейда речь идет о правах больной, извращенно хилой чувственности, всем своим строем напоминающей произведения измученного аскезой средневекового воображения.

¹ Там же, с. 101.

Фрейдовское изображение сексуальных влечений к матери у ребенка, только что пробудившегося к жизни, заставляет вспомнить о словах блаженного Августина, писавшего, «что даже невинные младенцы, сосущие материнскую грудь, суть уже порочны и лукавы».

Лишь при том условии, если сексуальное дает начало неразрешимым душевным антагонизмам и дисгармониям, «заводится» фрейдовская психологическая «динамика». Стремления должны обязательно быть постыдными, вредными для общества, чтобы наполнилась мрачная глубина бессознательного и установилось взаимодействие разных психических систем, определяющее весь процесс душевной жизни. Инстинктивные потребности получают значение в теории Фрейда лишь постольку, поскольку они не могут быть согласованы с социальными интересами и противостоят им. Тайные отношения между Я и сексуальностью завязываются *только* потому, что они находятся в явной и открытой вражде друг с другом. «Все сводится опять-таки к конфликту между Я и сексуальностью»¹, — пишет Фрейд, и вряд ли есть теоретическое положение, которое он повторял бы чаще и настойчивей.

Человек есть животное политическое, говорил Аристотель. Человек есть животное, делающее орудия, — заявлял Франклин. Человек есть животное, способное к многообразным отклонениям от сексуальной нормы, — утверждает вполне серьезно Фрейд. «Слишком сильное развитие либидо и ставшее, по-видимому, *благодаря этому* возможным развитие богато развернувшейся душевной жизни» — вот что создает первоначальное отличие человека от животного² (курсив мой. — В. Д.). Не боясь абсурда, Фрейд пытается все главные явления психологии вывести из сексуальной биографии личности. Нормальное влечение ему в этом никакой поддержки оказать не может. Поэтому он вынужден обратиться к извращениям — ненормальным остановкам на инфантильных стадиях полового чувства. Разные части тела по тем или иным случайным причинам становятся преобладающими в нашем либидо, определяя различия человеческих характеров. Человеческий характер — психологический ореол сексуального извращения. Так и возникает фрейдистская классификация характеров, используемая не только при исследовании психозов, но и при изучении великих произведений искусства: оральная, анальная, фаллическая, генитальная и уретральная. Любопытно, что из анального характера вытекает интерес к деньгам и некоторые распространеннейшие формы скупости. Похоже на то, что анальному характеру при капитализме особенно повезло.

Уже в эпоху Возрождения искусство прославило плотскую радость, уравнивало ее в правах со всем человеческим, допустило в царство красоты. Гёте, Пушкин, Вагнер возвысили чувственные картины до высокой поэзии. Толстой довел изображение половой страсти до огромной художественности.

¹ Там же, с. 140.

² Там же, стр. 202.

Художники с изумительной глубиной показали, как в ходе истории *меняется* положение чувственного влечения и наслаждения во всем целом душевной жизни человека. Такие поэты-революционеры, как Гейне или Веерт, связали поэзию плоти со своей ненавистью к затхло-ханжескому миру мещан. Совсем иначе выглядит и совсем другую роль играет чувственность в романах, тронутых молью фрейдизма. Здесь сексуальное сброшено в область низменного и насквозь прозаического, внимание перенесено на отвратительно «техническую» сторону сладострастия, художественное изображение деградирует до «истории болезни», и кажется, что от книги пахнет лекарствами. Какой-то западный литератор метко сказал, что психиатры в современных американских романах встречаются почти так же часто, как ростовщики в романах Бальзака. Влияние фрейдизма было губительным даже для любовной поэзии.

Но дело не только в этом. Дело еще в том, что непримиримо противоположны самые подходы фрейдизма и социально-критического романа к освещению и объяснению чувственной жизни человека. Для Фрейда бессознательно-сексуальное — область, выключенная из исторических влияний, очерченная магическим кругом, внутрь которого не проникают социальные формы. Благодаря этому она остается вполне самостоятельным источником психологических закономерностей. Когда ставятся вопросы душевной жизни, полагает Фрейд, объяснение должно идти *изнутри*, из глубины органической потребности. Фрейд сознательно отделяет *потребности от интересов*, доказывая этим, что он в теоретическом отношении на десять голов выше своих пигмеев-учеников. «Различие между либидо и интересом» составляет, по его убеждению, краеугольный камень всего психоанализа¹.

Только отгородив сексуальные желания от всего круга человеческих интересов, Фрейд смог выделить поток импульсов, движущихся из недр нашего организма навстречу и *наперерез* социальным воздействиям. Объяснять сознательное из бессознательного, объяснять социальное из индивидуального — таков маршрут психоанализа. «В душевной жизни народов, — пишет Фрейд, — должны быть открыты не только подобные же процессы и связи, какие были выявлены при помощи психоанализа у индивида, но должна быть также сделана смелая попытка осветить при помощи сложившихся в психоанализе взглядов то, что осталось темным или сомнительным в психологии народов»².

Великие творцы реалистического романа шли обратным путем: от социальной психологии, неразрывно связанной с господствующими отношениями, к психологии индивидуальной. Общественная жизнь была как бы огромным фонарем, освещавшим внутренний мир человека на всю его глубину. Литература давала бесчисленные доказательства огромной *пластичности* всех психологических сил, *замечательной способности самой*

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. т. II, с. 208.

² Фрейд З. Тотем и табу, с. 13.

сущности человека к историческому развитию, изменчивости форм у самых элементарных чувствований, у самых телесных страстей. Она воочию показывала. до какой степени различными — в самом серьезном и глубоком смысле этого слова — могут быть люди в разных жизненных условиях, и тем самым учила отличать временные и специфические виды человеческого поведения от возможностей человека становиться иным и лучшим.

Захватывает ли ход истории характер любовно-чувственных влечений человека, взятых в их полном объеме, или идет *мимо* этих интимнейших сторон человеческой натуры? Добирается ли поток мотивов и стимулов социальной жизни до самого дна души или останавливается возле заколдованной границы какого-нибудь «Оно»? На эти вопросы художники-реалисты не только дали исчерпывающие ответы, но и доказали эти ответы с тонкостью; и проницательностью воистину поразительными.

Сексуальные желания вовсе не имеют той полнейшей автономии, какую им приписал Фрейд: они испытывают на себе преобразующее влияние со стороны всей эмоциональной и идейной деятельности человека, они оплетены мотивами, которые, будучи сами по себе далеки от сексуального, оказываются вместе с тем очень важными для всего уклада и тона нашей чувственности. *Осуществляющаяся потребность как бы преломляется через специфическую природу человеческих отношений и соответственно видоизменяется.* Это великолепно понимали творцы романа XIX и XX веков. Могла ли быть уместной в этом романе веселая, космически упоенная чувственность Возрождения или всеохватывающая страсть XVII столетия? Мог ли Штольц желать женщину, как Пантагрюэль или Растиньяк, как Отелло?

Мы говорим, разумеется, не о различии личных характеров или темпераментов. Меньше всего имели в виду это различие Стендаль, Бальзак или Мериме, когда настойчиво спрашивали: почему в эпоху, последовавшую за падением Наполеона, исчезла подлинная страсть, почему ее можно встретить только еще в среде трудящихся или в мире добуржуазных отношений? Почему в «трезво практическом» обществе стали неправдоподобными, неуместно громадными не только чувства, соединившие на жизнь и смерть Ромео и Джульетту, Дездемону и Отелло, но и страсти героев Расина? Почему здесь даже самозабвенная привязанность кавалера Дегрие кажется чрезмерно серьезной и патетичной, а «пучина страстей», о которой говорил Прево, мелькает до болота ничтожных страстишек?

Художники видели, что самые интимные формы любовных влечений являются функцией времени и общественных нравов. «Поиски разнообразия в любви, — заметил однажды Бальзак, — признак бессилия. Постоянство — это гениальность в любви, признак могучей внутренней силы, составляющей сущность поэта!» Рассматривание мира через тусклое стекло полезности и расчета, распространение, так сказать, скучного жизнеощущения, влечет за собой далеко идущие последствия в сфере телесных желаний. Притупленная чувственность нуждается в соблазнительных женщинах, которые «разжигают

любопытство, как приправы возбуждают аппетит». Терминология кулинарии вполне уместна, когда любовь низведена до постоянных исканий все новых соблазнов. Эти искания, по словам Бальзака, *говорят об извращенности, порождаемой обществом*. А Фрейд почти через столетие уверяет нас в том, что извращенность вовсе не порождается обществом, что она, как таковая, принадлежит к вечным основам человеческой природы; опыт нескольких вырождающихся поколений закрыл от Фрейда момент исторического перехода, и ему кажется, что так было всегда.

Бальзак со свойственным ему глубоким остроумием показывает, как резко изменилась в сложившемся буржуазном обществе любовно-эротическая психология по сравнению даже с периодом империи. «Это новое искусство любви щедро рассыпает евангельские слова в предисловиях к бесовским деяниям... Лицемерие, ставшее отличительной чертой нашего века, пропитало своим ядом даже любовные связи. Изображают собой двух ангелов, а ведут себя, как два демона, если конечно достанет силы». Буржуазное лицемерие, внедрившееся в самую чувственность и ставшее эротической приманкой, — вот чего не снилось Фрейду, не способному проникнуть дальше поверхностной видимости явлений.

Гениальный роман Бальзака «Кузина Бетта», «этот, — по словам автора, — важный и страшный очерк парижских нравов», — подлинная одиссея буржуазного порока. Но разве не всякий порок одинаков, разве существует какой-то особый *буржуазный порок*? Да, существует, и именно *это* хочет сказать Бальзак всем ходом своего художественного анализа.

Через роман бредут два распутника: бывший герой наполеоновских войн барон Юло и ушедший от дел коммерсант Кревель. Они считают себя продолжателями дворянского разврата XVIII века. «Ведь решено: мы с вами, волокиты времен Регентства, голубых кафтанов, госпожи Помпадур». На самом деле эти слова пузатенького, багровилицего Кревеля — самообольщение «мещанского тщеславия». Если барон Юло в свой ничтожный порок все же вносит размах безудержной природы, одержимость сладострастием, желание импонировать, готовность отдавать и дарить, решимость погубить себя, то Кревель вносит в него дух расчетливости, прозаической мелочности, стремление рассрочить платежи, тщеславие лавочника и лицемерные ужимки буржуа.

«Я человек современный. Я чту деньги!» — любит повторять Кревель, и это определяет место, которое занимают чувственные удовольствия в его жизни. Дворянский распутник — расточитель, пускающий по ветру все, что есть у него и у его семьи. Совсем не таков распутник буржуазный: «бывший коммерсант не может позволить себе повадки вельможи, он должен действовать методично, у него на первом плане экономия и порядок. Можно, конечно, *открыть счет на свои причуды* и ассигновать на *эту статью* известную часть своих доходов, но тронуть капитал!.. Да это же безумие!» (курсив мой. — В. Д.). Тут в двух фразах изумительно верно дана своего рода «политическая экономия» буржуазного порока, много раз подтвержденная за сто лет работы социально-критического романа после Бальзака.

Оплачивать сладострастие из дохода, оставляя в неприкосновенности капитал, — эта формула определила весь облик буржуазного гетеризма, его уклад и обычаи, его атмосферу и повадки. И когда Кревель с энтузиазмом заявляет своей пассии: «Да я люблю тебя, как целый миллион чистоганом», то здесь содержится не только презрительная шутка Бальзака, но и точный жизненный смысл. По сути, по характеру, по строю и колориту любовь Кревееля к миллиону не так уж сильно отличается от его «любви» к госпоже Марнеф: в одном случае любовь соотнобразуется с суммой выгоды, в другом — с суммой удовольствий. Недаром циничнейшая из бальзаковских куртизанок говорит: «*Мы продаем самое ценное, самое бесспорное, что есть на сеете, — наслаждение...*» (курсив мой. — В. Д.).

По утверждению Бальзака, «победившая буржуазия видела в лице Кревееля своего собственного представителя» и он «сам по себе является целым миром». Вот почему именно на его вкусы чем дальше, тем больше ориентируется вся парижская ярмарка продажной любви.

Характеристику этих вкусов Бальзак связал с «психологией выскочек», неискоренимой у всех преуспевших буржуа. В лавке Кревееля на мгновение появлялись женщины «из общества» — недоступные и изящные, далекие и благоухающие, и ничто не могло воспламенить его больше, чем мечта о близости с одной из таких женщин. Социальное тщеславие пробило насквозь его чувственность. «Признаюсь, мне еще никогда не приходилось иметь дело с порядочной женщиной, а я давно мечтал обладать порядочной дамой», — наивно высказывает Кревель свой эротический символ веры.

И ему в этом отношении сумела вполне потрафить госпожа Марнеф — классический тип буржуазной куртизанки «с мечтательным взглядом, с невинным личиком и несгораемым шкафом вместо сердца». Сознывая, что он причастился к соблазнительным тайнам «порядочной женщины», Кревель «испытывал огромное *чисто рассудочное наслаждение* (курсив мой. — В. Д.), удесятерившее его блаженство.

Чисто рассудочное наслаждение! — вот что более всего отличает буржуазную чувственность, соединившую в себе вожделение и равнодушие, желание и расчет, соблазн и тщеславие. Поэтому жрица мещанского порока лишена того беспечного авантюризма, той игры души, тех порывов благородства и моментов отвращения к себе, той любви к искусству, одним словом, лишена всех тех привлекательных человеческих черт, которые встречались у куртизанок прошлого. «Женщина эта — само распутство и голый расчет», и Бальзак называет ее «*буржуазной Данаей*» или «*буржуазной госпожой де Мертей*», желая сказать этим последним сравнением, что к отвратительным чертам распутницы госпожа Марнеф добавила еще мелочное корыстолюбие, мещанскую экономию и скопидомство, неумную жадность и омерзительную деловитость разврата. Она эксплуатирует мужчину «наподобие того, как эксплуатируют карьеры, она стремится увеличить выгоду, совмещая многих любовников и всем своим поведением оправдывая слова Кревееля: «Любая из этих женщин — компания на паях!»

К такому же представлению ведет нас и Флобер, рассказавший в своем великом романе, с какой неизбежностью жажда любви у бедной мадам Бовари была похоронена в могиле механической чувственности. Золя и Мопассан изобразили тот в высшей степени важный момент, когда поток смрадного разврата накатился на молодое поколение буржуазии и поглотил его. В непереносимо жутком рассказе Мопассана «Подруга Поля» совсем еще незрелый юноша — сенаторский сынок — «полюбил безумной любовью, сам не зная почему, вопреки своему тонкому вкусу, вопреки своему разуму, вопреки даже собственной воле. Он упал в пропасть этой любви, как падают в яму, полную жидкой грязи». Власть, «порожденной бесом плоти», подчинила его безобразная, крикливая, тупая тварь — воплощение судорожного, не знающего удержу распутства. Создалась как раз та ситуация, которую Фрейд считал типичной для человеческой психологии вообще, но которую художник Мопассан связывал со всей отравленной нравственной атмосферой буржуазного общества, с испарениями всей плесени Парижа, с той неудержимой тягой к наслаждению, которая охватила в это время высшие классы. «Это место все пропиталось скотством, от него разит гнусностью и рыночным ухажерством. Самцы и самки здесь стоят друг друга». И над всей этой мерзостью как концентрация его сути поднялась гадина извращения — того самого извращения, которое Фрейд причислил к основным фундаментам человеческой натуры.

Чем ближе к XX веку, тем чаще воспроизводится романом вся совокупность психологических уродств, которые позже стали фундаментом теории Фрейда. Но художники-реалисты рассматривают эти уродства как *специфический результат* капиталистического развития, изучают их в ходе извращающего действия буржуазных отношений на человеческую личность. Фрейд же делает эти явления *исходным* пунктом своих размышлений, усматривая в них откровение вечной сущности человека, он берет их в данном, готовом виде, в котором совершенно изгладился процесс их возникновения.

В своей глубокомысленной истории буржуазного порока реалистический роман показывает *весь процесс превращения страсти в «секс», отчуждение сексуальности от высоких мотивов душевной жизни,* образование своего рода эротического формализма и автоматизированной буржуазной чувственности. А Фрейд именно эту — искаленную буржуазным эгоизмом, любопытствующую и безрадостную, изолировавшую себя от прочего внутреннего мира, охлажденную постоянной заботой и неизбежным расчетом, пораженную неврастением, казуистикой и страхом сексуальность кладет в основу своего представления об индивидуальности. Реалистический роман методом социального анализа обнаруживает отпечаток буржуазной черствости и рассудочности на самых интимных формах полового чувства и показывает, с какой неизбежностью вытекает отсюда порочная чувственность. А Фрейд объявляет порок тайной сущностью всякого человека.

В классическом искусстве XIX и XX веков изображение телесной любви было поставлено в неразрывную связь с отрицательно *критическим* отношением к обществу, и именно этим в первую очередь объясняется непримиримая ненависть ханжей к таким книгам, как «Западня» Золя или «Госпожа Бовари» Флобера. А у Фрейда патологическая психология половой жизни объективно служит *оправданию* и увековечению капиталистических порядков, и главным образом поэтому ханжи с такой легкостью признали его теорию «секса».

Реалистический роман не только опровергает учение Фрейда, но и объясняет нам его историческое происхождение.

*Иностранная литература, 1961,
№ 7, с. 185–192*

Бог «антихриста» Фрейда

Ф. Т. Михайлов

«Идеализм философский есть... дорога к поповщине...»

В. И. Ленин

В капиталистическом мире имя основателя психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939) пользуется большой популярностью. Около полувека тому назад церковь враждебно встретила появление его трудов. Более того, автор психоанализа был в свое время даже проклят богословами как «антихрист», а его произведения специальной папской энцикликой были занесены в «Индекс» — список литературы, запрещенной для чтения католикам.

Однако в настоящее время учение того самого Фрейда, который сам в бога не верил и религию называл «иллюзией без будущего», поднимается церковью на щит. Богословы нередко прибегают к аргументации фрейдовского психоанализа, а официальная философия католицизма (неотомизм) использует фрейдизм в качестве своей психологической теории. Что же произошло, каким образом ученый-медик мог оказаться союзником религии?

ЧТО ПЕРВИЧНО

Исследует ли физик закономерности микромира, ставит ли врач диагноз, задумывается ли социолог над тем, какие силы лежат в основе общественного развития, — всегда, во всех этих и тысячах подобных случаев ученый сталкивается с вопросом о соотношении знания и самих предметов, идеального и материального, духа и природы. Решить этот вопрос с позиций так называемой «чистой» академической науки невозможно. Это большой мировоззренческий вопрос, и сам подход к его решению прежде всего зависит от общей идеологической установки ученого, от его классовых позиций. Эволюция взглядов Фрейда полностью подтверждает это.

В 90-х годах прошлого столетия молодой физиолог и психиатр Зигмунд Фрейд, считавший себя далеким от философии, специалистом весьма конкретной области знания заинтересовался одной специальной проблемой: его увлекли поиски причины истерии и истерического паралича. Трудность исследования заключалась в том, что истерия — это тяжелое нервное заболевание — часто сопровождается серьезными физическими расстройствами, возникающими без каких-либо физических повреждений и травм.

Истерический паралич, с точки зрения Фрейда, должен был зазываться определенными материальными причинами. Однако даже посмертное вскрытие не обнаруживало никаких анатомических изменений, которые свидетельствовали бы в пользу телесной причины болезни. С другой стороны, бросалось в глаза, что к различного рода нервным расстройствам часто приводят сильные волнения, переживания и т.п. психические явления. Вот здесь-то и встает перед Фрейдом основной вопрос философии: тело или дух, материя или сознание и в конечном счете — бог или природа. Встал он пока в конкретной естественнонаучной форме: «Может ли психическое (идеальное) стать причиной физиологических (материальных) процессов в организме?»

Тот, кто связан с реальными нуждами людей, кто заинтересован в практической революционной переделке мира, тот не может не видеть, что горе, заботы и волнения людей обусловлены реальными фактами их жизни. За идеальными процессами человеческого сознания такой человек видит материальные причины, определяющие содержание человеческих знаний и чувств. Это помогает ему понять, почему напряжение чувств, волнения и подчас страшный для человека смысл слов может изменить и весь психический строй личности и течение физиологических процессов. Ведь идеальное, говоря словами Маркса, есть то же материальное, только пересаженное а человеческую голову и преобразованное а ней. Смысл слов и чувств наших поэтому может действовать на психику, а через нее и на тело так же, как и сами предметы, вещи, ситуации и т.п., которые отразились о этих словах и чувствах.

Фрейд же, далекий от общественной жизни, видит перед собой только «человека вообще», только личность как таковую. В ней, в ее внутреннем мире он и пытается найти ответ на основной вопрос философии. Отметив, что психическое может быть причиной физиологических изменений, он приходит к выводу; раз тело каким-то образом подчинено силе, издавна называемой душой, то именно эта сила (Фрейд называет ее «психической энергией») первична, активна, самостоятельна. Душа властвует над телом. Первично идеальное, психическое.

Решив основной вопрос философии в идеалистическом духе, Фрейд затем рассуждал так:

«Что для человека самое важное в жизни? Все люди стремятся к удовольствиям и пытаются избежать страданий, Принцип, регулирующий всю жизнь человека — это «принцип удовольствия». Однако на каждом шагу данному принципу приходится встречаться с препятствиями. Психическая же энергия, присущая стремлению к удовольствиям, не может примириться с этим. Тогда и возникает конфликт между «принципом удовольствия» и «принципом реальности». Этот извечный конфликт есть, по Фрейду, механизм возникновения психических болезней. Самым типичным проявлением «принципа удовольствия» Фрейд объявляет половое влечение, которое якобы чаще всего в обществе подвергается подавлению, вытеснению, перестает осознаваться, но энергия которого продолжает

действовать, влиять на психические процессы, а тем самым и на все поведение человека, на всю его жизнедеятельность. Это половое влечение и лежит, по Фрейд, в основе всех бессознательных желаний, от которых зависит психика человека. Придя к такому результату, Фрейд решил, что он нашел силы, управляющие душой и телом. Вся психика, по его «учению», оказывается трехслойной. Взаимоотношение между «слоями» призвано объяснить (и оправдать!) все, что происходит в человеческом обществе. Первый и основной, фундаментальный «слой» — это огромная область бессознательного Оно, по терминологии Фрейда, где хозяйничают неосознанные инстинкты и прежде всего половой и агрессивный («инстинкт драчливости»). Второй — небольшая сфера предсознательного, куда прорываются темные, непознаваемые психические силы бессознательного, и третий — сознание или Я. Но это, собственно, даже не «слой», а, скорее, регистрация, описание предсознательных явлений, которые «сталкиваются» с явлениями внешнего мира. Обратите внимание: психическое как бы идет из глубин личности и только «сталкивается» с внешним миром, а не определяется им¹.

Человеком, следовательно, управляет бессознательное Оно, внутренний демон, держащий его в плену. Фрейд образно сравнивает бессознательное Оно с лошадь, а сознание Я — с всадником. Всаднику Я, если он не хочет расстаться с лошадь, приходится, по словам Фрейда, всегда следовать туда, куда его влечет лошадь. Фрейд пишет, что Я превращает обыкновенно волю Оно в действие, как будто бы это было его собственной волей.

Уже во младенчестве человек, по Фрейд, существо прежде всего сексуальное. Он, если это мальчик, испытывает бессознательное влечение к своей матери и поэтому боится, ненавидит своего соперника — отца. Но он одновременно стремится отождествить себя с отцом, хочет оказаться на его месте, поэтому и любит его одновременно (у девочки такие же чувства, но к родителям соответственно противоположного пола). Это так называемый комплекс Эдипа, названный Фрейдом так по имени легендарного царя, который в одноименной драме Софокла по воле неумолимого рока убивает отца и женится на матери. Фрейд считает, что эдипов комплекс, как и вытекающие из него и дополняющие его другие «комплексы», — основа внутренних психических механизмов, благодаря которым развивается личность и все общество в целом. Так на базе идеалистических философских посылок Фрейд создал свое реакционное, антигуманное «учение».

«НАУКА» НА СЛУЖБЕ БОГОСЛОВИЯ

¹ Метод, при помощи которого Фрейд считает возможным проникновение в бессознательное, метод, истолковывающий все явления психической жизни человека с точки зрения будто бы проявляющихся в них бессознательных сил, он назвал психоанализом. Этим именем чаще всего и называют всю систему взглядов Фрейда.

Сначала Фрейд стремился только объяснить, каким образом сформировались человеческая психика и все ее «механизмы». Но вскоре взор его обращается к далекому прошлому человечества. Фрейд штудировал древнюю литературу, полумифические «гипотезы» Аткинсона и Робертсона Смита о культуре жертвоприношения, о первобытном стаде, возглавлявшемся ревнивым и грозным самцом, и т.п. В результате этого он приходит к выводу, что предки человека жили стадом, во главе которого стоял могучий самец. Он был мужем всех женщин племени-стада и отцом всех мужчин его. Ревниво оберегал вожак своих жен от посягательств со стороны сыновей, Их влекло к матерям, но на пути стоял ненавистный и любимый отец. Однажды сыновья поднялись на стареющего отца, убили и съели его. Но, убив его, сыновья испугались. Они почувствовали вину перед убитым. Чувство вины заставило их обратиться к своей внутренней совести, просить у нее прощения. Всеобщее, коллективное чувство вины, говорит Фрейд, порождает религию и мораль. Убитый отец и кающиеся сыновья-отцеубийцы — это «грех» и стремление к искуплению, столь характерные для всех мировых религий. «Тотемистическая религия, — пишет Фрейд, — произошла из сознания вины сыновей, как попытка успокоить это чувство... поздним послушанием. Все последующие религии были попытками разрешить ту же проблему...» И до сих пор, утверждает Фрейд, люди верят в бога потому, что такова их «психологическая механика». Бог находится в каждом человеке — это его Оно, отягченное сознанием вины перед убитым когда-то отцом племени. Поэтому каждый человек так или иначе религиозен, тем или иным образом он пытается успокоить свою совесть отцеубийцы. Все формы деятельности человека есть, по Фрейду, не что иное, как прямое или косвенное проявление «комплекса Эдипа» и связанного с ним чувства вины за содеянный «сыновьями» грех. И психически больные, и нормальные люди подчинены одним и тем же механизмам психической жизни, которой руководит внутренний «бог» Фрейда — пресловутое Оно.

Так, больной неврозом навязчивости совершает ряд действий, с точки зрения здоровых людей, совершенно бессмысленных и бесцельных. Например, он не ляжет спать, не расположив определенным образом различные предметы, не остановив все часы в комнате, и т.п. Фрейд считает, что эти действия являются бессознательной попыткой успокоить совесть, своеобразным извинением перед совестью за «грешные» мысли, запрещенные сознанием и «принципом реальности». Религиозные обряды, говорит Фрейд, внешне столь же бессмысленны. Но религиозными обрядами люди хотят успокоить свою совесть отцеубийц. Ведь недаром все верующие считают себя грешниками, стремятся покаяться, оправдаться, добиться прощения. И Фрейд детально развивает свое сравнение верующего с невротиком, обыгрывая внешнее подобие стереотипных религиозных обрядов с симптомами заболевания. В конце концов он делает вывод: религия — это общечеловеческий невроз навязчивых состояний.

Итак, религию, искусство, науку, да и все остальные виды человеческой деятельности, Фрейд объявляет замаскированными прояв-

лениями велений Оно. Поэтому создатель психоанализа не считает возможным провести принципиальную грань между мифотворчеством и наукой. Вот что писал он великому физическому Эйнштейну: «Вам может показаться, будто наши теории — это своего рода мифология... Но разве каждая наука в конце концов не приходит к подобной мифологии? Разве то же самое нельзя сказать сегодня о Вашей собственной науке?»

Буквально то же со своих кафедр и в журналах вещают и церковники, утверждая, что то, во что «верят» ученые, не менее необычно и чудесно, чем и сами библейские чудеса. Подобное совпадение не случайно. «Наука» Фрейда действительно возвращает нас к мифологическим представлениям древних о бессмертной душе. Сравните, например, учение церкви о душе как сверхъестественном, вечном, от тела независимом начале с научнообразными рассуждениями Фрейда о том, что Оно... «не признает течения времени», что впечатления, вложенные в Оно, фактически бессмертны, и вы увидите, что довольно трудно здесь найти различие между подобной «наукой» и религией. Недаром прогрессивный американский философ Г. Уэллс пишет, что Фрейд и в психиатрии «...восстанавливает средневековую демонологическую теорию психической болезни, в которой явления, известные теперь как невротические и психопатические симптомы, объяснялись одержимостью злыми духами. Единственное существенное отличие состоит в том, что Фрейд делает злых духов скорее внутренними, чем внешними агентами... Одержимость демоном, одержимость бессознательным желанием — это одно и то же: единственное реальное различие между ними состоит в названии».

Своей «критикой» религии Фрейд добивается только замены древних «некультурных» и несовершенных религиозных мифов современной научнообразной мифологией. Отвергая человекоподобного бога современных религий, сидящего на небесном престоле и вершащего судьбы людей, Фрейд пытается заменить его более утонченным, внутренним Оно. Не случайно неверие в обычного христианского бога допускается им только для избранных. «...Совсем иначе обстоит дело, — пишет он, — с массой необразованных, угнетенных людей. ...До тех пор, пока они не узнали, что вера в бога отменена, все обстоит хорошо. Если же отказаться от религии... то обойденные классы, узнав, что бога нет, начнут убивать... и только земной силой придется удерживать их от преступлений».

Как после этого богословам не принять в объятия такую «науку», которая столь явно и теоретически и практически оправдывает религию, которая утверждает безраздельное господство бессознательных сил над человеком, создает мифы, не уступающие религиозным, и в довершение всего объявляет религию «сдерживающей угнетенные классы силой».

На Западе Фрейда часто называют «революционером в науке», «создателем новой эры» и т.п. Имя его произносят вслед за именами Коперника, Ньютона, Эйнштейна. Некоторые его сторонники пытаются даже доказать, что учение Фрейда — «необходимое психологическое дополнение к экономической теории Маркса».

Но нельзя соединить несоединимое! Маркс — действительный революционер в политике и науке — с естественнонаучной точностью доказал, что сущность человека — это совокупность общественных отношений, что нет человека вообще, существуют же только конкретные личности, созданные общественными условиями, и что сознание — продукт общественного бытия. Поэтому Марксу впервые в истории удалось показать, что религия — не просто иллюзия, а «вздых угнетенной твари», духовное рабство народа, порожденное его реальным рабством в эксплуататорском обществе.

Маркс писал, что для изменения человека надо переделать мир, изменить общество, освободит угнетенных, уничтожить общественные силы, делающие человека рабом. Надо, чтобы измочилась материальная жизнь людей, чтобы человек смог почувствовать себя хозяином своей жизни, и тогда он навсегда освободится от религиозного дурмана. Такого действительного будущего религии. И в значительной мере оно уже наступило. Миллионы людей в социалистическом обществе полностью освободились от религиозных предрассудков.

Фрейд же как типичный буржуазный объективист, стоящий в стороне от практических задач общественной жизни, считал, что надо лишь объяснить, почему человек не совершенен. Почему он верит в бога. Фрейд считал, что в этом на все времена одинаково скроенном человеке надо найти такие же неизменные причины человеческого несовершенства. И подобрав подходящие объяснения, «найдя» вечные причины, Фрейд тем самым оправдывает и закрепляет человеческое несовершенство, веру в богов и т.п. Так идеализм приводит ученого, хочет он этого или нет, к защите религии, к поповщине.

И.П.Павлов заметил однажды, что Фрейд мог бы стать основателем нового вероучения. Так и вышло. Ведь, по сути дела, «наука» Фрейда — это новые мифы, новая утонченная, рафинированная религия. Поэтому современные богословы и берут теорию Фрейда на вооружение, охотно принимают участие в международных конференциях фрейдистов, всячески поддерживают и рекламируют фрейдизм. Обращение церковников к фрейдизму, использование богословами психоаналитической аргументации — это для самого Фрейда поцелуй Иуды, объективный суд истории над «атеистом» Фрейдом и его «наукой». Союз религии и науки возможен только в том случае, когда вместо науки и под видом науки выступает та или иная антинаучная, идеалистическая теория.

Но никакие потуги лакеев поповщины уже не смогут приостановить отход миллионов людей от религии, их переход в лагерь науки и материализма, их борьбу за светлую и радостную жизнь, за коммунизм.

*Наука и религия,
1962, № 1, с. 21–25*

